

К 84(2Рос.-Рус) 6
3-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЗОРИ выпуск 6 САМОТЛЮРА

НИЖНЕВАРТОВСК

2007

К 84(2Рос-Р4е)6
3-86

ЗОРИ САМОТЛОРА №6 2007

30

НИЖНЕВАРТОВСК

**С ЮБИЛЕЕМ,
ГОРОД РОДНОЙ**

Нижевартовское
МУ "БИС"
инв. № 141315/1-1-40

*Сколько городов на белом свете,
Как бы каждый чем-то ни блистал,
Только нам самим и нашим детям
Нижевартовск Родиною стал!*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

3-86

Главный редактор М. К. Анисимова

Редакционная коллегия:

Кузьмина А. С.

Андреев В. П.

Акимов В. Ю.

Курач Н.Г.

ISBN 978-5-903320-02-8

© Анисимова М.К., 2007

© Кузьмина А.С., 2007

© ЗАО «Редакция газеты «Нефтяник», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимкова М. К. Слово главного редактора	7
Хохряков Б. С. С юбилеем, город родной	8
Нам О. С. ТНК-ВР в нижевартовском регионе	9
Телегина Л. Л. Встреча с Родиной. Один день из празднования Дней славянской письменности и культуры в Ханты-Мансийске	11

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Валерий АКИМОВ

Ты – моя песня. Стихи	17
Русский язык	17
Первопроходец	18
Возвращение	18
Ай, да отчая земляца	19
Солнце смотрит стыло	19
Не просто слова	19

Павел ПЛЮХИН

Первооткрыватели. Стихи	20
Твой голос	20
Не сглазить бы	21
Мечта	21
Язык родной	21
Кедр	22
Что имею	22
История стирает	22
Цветенье	23
Март	23
Занепогодило	23

Анатолий ФИЛАНОВСКИЙ

Возвращаясь к 26 октября. Стихи	24
Как это всё перенести	24
Парижский дождь	25
Смотрю на прожитые дни	25

Татьяна БУТНИК

Ягодная сказка	27
Что случилось с Черной птицей. Сказка	28
До-ре-ми-фа- соль-ля-си. Сказка	28

Владимир АНДРЕЕВ	
Лето. Стихи	30
Ходкий товар	31
Царство летучих мышей	31
Из памяти детства	32
Счастье	33
Сирень	33
Покупки	34
Миг счастья	34
Грустные мысли	35
Екатерина ВОЛОДИНА	
Здравствуй, Север. Стихи	37
Мой маленький сын	38
Снова зима	38
Светлые души	38
Татьяна ДЖАРТЫ	
Не знаю, не знаю. Стихи	40
День будет тихим	40
Ветром холодным в соленые губы	41
Лишь горизонт не обманул	41
Твой город тих и безмятежен	41
Город пустой	42
Светлана ЛИХАЯ	
Где-то новости носят. Стихи	43
Я венок плела	43
Уже не страшно то, что будет	44
К нашей гавани	44
Давай притворимся	44
Малина	45
Рассвет	45
Дед Мороз и сосулька. Сказка	46
Лиса и ежик. Сказка	46
Страна Морозия. Сказка	47
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	
Мешавкино счастье. Рассказ	50
Виктор КОЗЛОВ	
Я тебя забывать погожу. Стихи	58
Еще заутрие	59
В Ханты-Мансийске	59
Одной лыжней	60
Журавли	60
В крещенский мороз	61
Я тебя искал	61
Притяжение	62
Ольга КОРОСТЫЛЕВА	
Письмо маме. Стихи	63

Гренада КУЗНЕЦОВА	
Нижневартовску. Стихи	65
Родничок	65
Из круга	65
Вся весна у меня на ладони	66
Отец и дети	66
Рюкзак	68
К весне. Миниатюра	68
Неуклюжая осень. Миниатюра	69
Борис РОМАНОВ	
Город-птица. Стихи	70
Мой город Нижневартовск	70
Весенняя хандра	71
Александр КАЛИНЦЕВ	
Мамина война. Рассказ	72
Зинаида ТАРАСОВА	
Научи нас, Господи. Стихи	76
Рождество	76
Осенний лист	77
Светлана КОТОВИЧ	
Нижневартовску. Стихи	78
Я иду тропинкою исхоженной	78
Бессмертные	78
Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ	
Магистраль. Стих	79
Пантелей. Рассказ	79
Альбина КУЗЬМИНА	
Антошкин муравейник. Рассказ	84
ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА	
Вера ТОЛКАЕВА	
Город мой. Песня	88
Карапузик. Песня	89
Ильдар МИЛУШЕВ	
Песни	90
Танец-песня	92
Энеиса ПИЛЕЦКАЯ	
Нижневартовский район. Песня	94
Над широкою Обью	95
ГОЛОСА МОЛОДЫХ	
Алексей Храпчевский	96
Кристина Тарарина	97
Антон Зорин	98
Светлана Чех	99

Катя КОЗЛОВА	99
Наталья ВИНУКUROBA	100
ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА ШКОЛЬНИКОВ	
Антон Бугрименко	101
Алина Еникеева	101
Элиза Рыжова	101
Антон Арискин	101
Алеша Абраменков	102
Юлия Пяскорская	102
Николай Алексеев	102
Кристина Тарарина	103
Эльвира Латыпова	104
НАШИ ГОСТИ	
Валерий ОСТРЫЙ	
Товарищеский суд. Повесть. Продолжение. Нач. в №4	105
Станислав ЛОМАКИН	
Нужна ли сегодня книга	127
Теряем детей – теряем Россию	130
ПУБЛИЦИСТИКА	
Галина ЧУМУРКИНА	
Литературный десант в Нижневартовске	136
Наталья ЕВСИНА	
Встреча с писателями в нижевартовском университете	138
Альбина КУЗЬМИНА	
Б. Давыдов: Правда о моем Самоглоре	141
Мария РАГОЕВА	
«Тор-пай» – продолжатель традиций национальной культуры	148
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Маргарита АНИСИМКОВА	
Звонкоголосая Сибирь	150
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ	
Анатолий ТРОЯНСКИЙ	158
Игорь КУЗНЕЦОВ	162
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ	
События года	164

АНИСИМКОВА Маргарита Кузьминична,

член Союза писателей СССР,

заслуженный работник культуры РФ,

заслуженный деятель культуры ХМАО.

Почетный гражданин города Нижневартовска

Слово главного редактора

35-летний юбилей Нижневартовска – это праздник всех, кому дорог наш красивый город на берегу могучей Оби, кто живет в нем и по праву гордится его славной историей, самобытной культурой, доставшейся нам от исконных хозяев этой земли – немногочисленных народов ханты и манси.

За 35 лет из небольшого рабочего поселка Нижневартовск стал одним из крупных промышленных центров Ханты-Мансийского автономного округа. Знаменитое на весь мир Самотлорское месторождение – уникальный нефтяной комплекс, позволивший в короткий срок построить современный город.

Многие, кто строил наш город, прокладывая через топи дороги, тянул линии электропередач, забивал первые колышки для строительства жилых домов, школ, больниц, жил в балках, – здравствуют поныне, и в этот праздничный день заслуживают особое почитание. Выражаем им сердечную благодарность. Заверяем, что продолжим трудовой подвиг. Сегодня немаловажные проблемы приходится решать горожанам в вопросах культурного, нравственного и духовного воспитания молодежи.

Члены городского литературного объединения «Замысел», шагая в ногу со временем, своими творческими работами помогают духовному росту нижевартовцев, стараются поэтическим словом пробуждать чувства благородства души и любви, ставят своей главной задачей воспитывать в молодом поколении доброту, человеколюбие, высокое чувство любви к Отечеству.

В своих литературных альманахах редакционная коллегия намерена заниматься не «сборной солянкой», а публиковать новые, интересные произведения. Приглашаем к сотрудничеству всех, кто сможет порадовать нижевартовцев добротным поэтическим словом.

Поздравляем жителей с юбилеем города.

М.р. Анисимка

ХОХРЯКОВ Борис Сергеевич,

*глава администрации
города Нижневартовска*

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Я поздравляю авторов и читателей литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора» с началом второй творческой пятилетки. Это уже шестой сборник произведений местных авторов, который выходит в нашем городе в год 35-летия Нижневартовска и который безусловно станет настоящим подарком всем любителям живого слова, ценителям великого русского языка.

«Литературный росток на ханты-мансийской земле» – такое определение получили «Зори Самотлора» от Союза писателей России. И действительно, главным достоинством этого литературного проекта является масштаб подачи материала. Нижневартовские читатели уже шестой год подряд получают возможность составить глубокое и полное представление о творчестве местных поэтов и писателей, причем продолжительность проекта позволяет сделать вывод и об эволюционном развитии каждого из них. Фактически каждый автор представлен несколькими работами, и все выпуски, объединенные одним названием, зеркально отражают картину литературного пространства Нижневартовска в новейшей истории.

С другой стороны каждый выпуск альманаха «Зори Самотлора» – это своеобразная литературно-представительская визитная карточка нашего города. И приятно, что благодаря живому писательскому слову и поэтическим образам Нижневартовск воспринимают не как далекий и затерянный среди болот и нефтяных месторождений уголок, а как динамично развивающийся город, который является не только промышленным и экономическим, но и культурным центром Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

НАМ Олег Сергеевич,

*вице-президент ТНК-ВР,
депутат Думы ХМАО-Югра*

**ТНК-ВР В НИЖНЕВАРТОВСКОМ
РЕГИОНЕ**

Нижневартовск – уникальный город, и таким его сделал Самотлор. Для многих из нас легендарное месторождение стало жизнью, судьбой и надеждой. Его история – это биографии нескольких поколений тружеников, чьим трудом поднималась и осваивалась уникальная нефтяная целина. Многие годы Самотлор ковал настоящие характеры, закладывал традиции, которые чтим и уважаем сегодня.

Одна из крупнейших и самая молодая нефтегазовая компания России ТНК-ВР представлена в нижневартовском регионе более чем двадцатью предприятиями добычи, переработки, сбыта, нефтесервиса, на которых в общей сложности трудится около 30 тысяч человек. Суммарная добыча нефти в год по двум ведущим бизнес-единицам компании «Самотлор» и «Восток», осуществляющим свою производственную деятельность в регионе, составляет более 40 млн. тонн.

Нефтегазовая компания ТНК-ВР – градообразующее предприятие в Нижневартовске. Основную долю налоговых и иных платежей в городскую казну составляют поступления от нефтяников. Но только перечислением налогов взаимоотношения компании и города не ограничиваются. Можно сказать, с первых дней своего присутствия в регионе компания проводит социально ответственную политику, активно участвуя и качественно влияя на все стороны жизни Нижневартовска и его развитие.

В 2000 году было подписано Соглашение о социальном партнерстве между ТНК и администрацией города Нижневартовска. Оно положило начало широкомасштабной программе конструктивного социального партнерства, которая сегодня реализуется во всех регионах присутствия ТНК-ВР. В 2003 году в сферу действия соглашения вошел Нижневартовский район, в 2004 – администрация Радужного и правительство ХМАО-ЮГРЫ. В период с 2000 по 2005 годы компания направила на развитие нижневартовского региона более 1,5 млрд. рублей. Налогов за этот период поступило в казну Нижневартовска – 254 млрд. рублей.

Сегодня жизнь города, как и региона в целом немыслима без участия компании. Строительство жилья, поддержка образования, спорта, культуры, помощь ветеранам, коренным жителям, работа с молодежью – это лишь часть проектов, которые реализуются в городе при

поддержке нефтяников ТНК-ВР. Только на жилищную программу ежегодно расходуется до 100 млн. рублей. Более 2000 детей занимаются в 60 спортивных секциях и творческих кружках, финансируемых компанией. Постоянно в поле зрения и заботы – ветераны, причем не только нефтяники, но и бывшие работники бюджетной сферы, транспортники, строители, энергетики. Выделяемые компанией средства идут на оплату их санаторно-курортного лечения, адресную материальную помощь, организацию культурно-массовых мероприятий. Без участия компании немыслимо проведение фестиваля искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи» – который является визитной карточкой нашего города, национальных праздников – «Сабантуй», «Стойбище приглашает».

За годы сотрудничества отношения между нефтяниками и властью в Нижневартовске выстроились очень четко и понятно. Компания ни разу не нарушила своих партнерских обязательств, проводником которых является филиал «ТНК-ВР Западная Сибирь».

Случается, люди, далекие от нефтедобычи, задаются вопросом: а много ли нефти осталось в Самотлоре, какое будущее у нефтегазодобывающего комплекса и города? Специалисты-нефтяники, как правило, дают на этот вопрос четкий ответ: и нам нефти хватит, и детям, и внукам. В уточненном проекте Самотлорского месторождения, который прошел защиту в Центральной комиссии по разработке в Москве, речь идет о запасах, позволяющих поддерживать существующий уровень добычи как минимум еще 30 – 50 лет. Как минимум. Сегодня на пике Усть-Вах, завтра, может быть, Мыхпайская площадь, другие территории. И кто знает, не будет ли наше будущее еще более героическим и романтическим, чем славное прошлое.

Юбилей Нижневартовска – наш общий большой праздник. Ведь какими бы разными мы ни были, как бы ни складывались наши судьбы, всех нас объединяет любовь к родному городу, участие в его судьбе, равнодушие к прошлому и будущему.

Искренне желаю Нижневартовску, каждому горожанину, каждой семье, добра, благополучия, новых свершений и счастливой судьбы!

О. Иван

Лариса ТЕЛЕГИНА

Родилась в 1962 году в городе Ханты-Мансийске. Окончила Тюменский государственный университет. Публикуется в городской, областной и окружной печати. Живет в Нижневартовске.

В минувшем 2006 году проходившие в столице нашего округа г. Ханты-Мансийске Дни славянской письменности и культуры оставили неизгладимый след в сердцах прибывших в город высоких гостей из многих российских епархий. В их числе известные богословы, слушатели духовных семинарий, зарубежные гости из Украины, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Словении, Македонии и других государств.

На торжествах в Ханты-Мансийске была и большая делегация нашего города: руководители администрации, преподаватели, школьники, студенты гуманитарного университета, учащиеся православной гимназии и воскресной школы.

Среди приглашенных – преподаватель русского языка и литературы средней школы №8 Лариса Леонидовна Телегина. Один из праздничных дней, проведенных в Ханты-Мансийске, – для наших читателей.

ВСТРЕЧА С РОДИНОЙ

Глава шестая из очерка

Моя экскурсия по родному городу продолжается. С удовольствием прошла по улице Карла Маркса. Раньше она была с деревянными домиками, ее достопримечательностью были кинотеатр «Художественный», центральный универмаг, Дом пионеров, Дом народного творчества. Сейчас это современная красивая улица. «Наш Арбат» – так называют ее студенты. Любят эту улицу за тишину, отсутствие машин. Вечерами здесь особенно многолюдно, горят старинные фонари, гуляет молодежь. И теперь уже достопримечательностью улицы является фонтан – место свиданий. У него назначают свидания и деловые, и романтические. На центральной площади – чистота и порядок. Город после тяжелой, морозной зимы и обильных снегопадов ожил, готовится к празднику. Здесь много трудится людей, устанавливают сценическую площадку к празднованию Дней славянской письменности и культуры. Оформленная иконографическим изображением святых равноапостольных Кирилла и Мефодия сцена с надписью «Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий молитесь Бога о

нас». Она усиливает ощущение предстоящего духовного праздника. Примечательно, что все это – рядом с современным обликом здания Дома Правительства, Думы округа. Очень понравился памятник около городской Думы, посвященный Югре. Это образ женщины в окружении скульптур выдающихся людей, связанных с историей нашего округа...

И вот я в парке Победы. У Вечного огня много цветов: жители города чтут память погибших воинов, отдавших свои жизни за Родину. С большим волнением подошла к мемориальной доске, на которой высечены имена моих земляков, погибших в Великой Отечественной войне. Среди них, с замиранием сердца, читаю имена моих родных: Протопопов Петр Дмитриевич, Протопопов Гавриил Дмитриевич. Это родные братья моего дедушки Протопопова Илии Дмитриевича, отца моей мамы. Минутой молчания почтила их память...

Вспомнила рассказы своей бабушки: «В войну у свекра убило двух сыновей: Петра и Ганю. Гавриил оставил малолетних 4-х детей. Петр даже не успел жениться, его жизнь прервала война, о чем жалели все родственники. Он погиб молодым...» Вспоминая рассказ бабушки, испытывала учащенное биение сердца...

Задумалась: судьба моего родного города, моей семьи тесно связана с судьбой моей страны, пережившей такие суровые годы испытаний. «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...», – эта песня Александрова, как гимн звучавшая тому грозному времени, всегда вызывала слезы у моей бабушки, которая в войну осталась одна с малолетними детьми, проводив мужа на фронт. Она всегда плакала, когда читала книги о войне или смотрела фильмы. Как бережно она, труженица тыла, хранила в своем альбоме поздравительную открытку губернатора округа А.Филипенко с 55-летием Победы! Много раз перечитывая ее, бабушка и нас, своих детей и внуков, заставляла читать ее вслух, словно погружалась памятью в те далекие годы: «Уважаемая Клавдия Петровна! Сердечно поздравляю Вас с 55-й годовщиной Великой Победы! Этот подвиг неподвластен времени, как безгранична наша благодарность Вам, кто совершил его, проявив священную любовь к Родине, беспримерное мужество, несокрушимость духа. Низкий поклон фронтовикам и Вам, труженикам тыла. Подвиг Ваш останется в наших сердцах, как живой источник силы нынешнего и всех будущих поколений. Примите самые искренние пожелания здоровья, долголетия, добра, мира, любви близких, покоя и понимания. Счастья Вам и Вашей семье! С уважением, губернатор автономного округа А.В.Филипенко».

Сейчас, когда бабушки уже нет в живых, эту открытку бережно храню я в своем альбоме, где собраны материалы по изучению своей родословной...

В молчании постояла у памятника скорбящей матери над сыном. «Господи, убереги нас от войны», – мысленно молилась я.

Выйдя из парка Победы, поразила количество студенческой молодежи, которая сплошным потоком шла навстречу мне. Раньше, когда я была молоденькой девчонкой, в Ханты-Мансийске такого не встречала: после 10-го класса молодежь обычно уезжала на учебу в Тюмень, Тобольск либо в разные города России.

Посетила Югорский государственный университет – это поистине кузница научных кадров. Со временем, я думаю, он сможет соперничать с Новосибирским академгородком. Очень удобно, что все факультеты университета размещены в одном месте, а корпуса соединены теплым переходом. Современное здание ЮГУ – это светлые, просторные аудитории, оснащенные новой мебелью, прекрасная библиотека с компьютерным обслуживанием, столовая. Все здесь создано для полноценной учебы студентов. И отрадно, что именно ЮГУ выступает инициатором проведения Кирилло-Мефодиевских образовательных чтений, а ректор университета Ю.Реутов, открывая нынешние, шестые уже образовательные чтения, говорил: «Мы стараемся, чтобы обучение сопровождалось духовностью». Есть надежда, что не все потеряно в плане духовно-нравственного воспитания нынешней молодежи, коль имеются такие установки на духовность у руководства вуза.

Памятная экскурсия в Государственную окружную художественную галерею Фонда поколений, особенно в иконный зал. Из рассказа экскурсовода узнала, что в Фонде есть иконы не только местные, сибирские и уральские, а много вологодских икон. Так, икона «Страшный Суд» конца XVII – начала XVIII веков, на которой изображены мучения человеческой души, наказание грешников и сон праведников. «Северные иконы всегда можно отличить, на них много теплых тонов, охристых, зеленых», – рассказывала нам экскурсовод. Оказалось, много икон приобретено у одного коллекционера из Костромы, Обонежья из частной коллекции. Большинство икон в собрании иконного зала, по словам экскурсовода, происходит из иконостасов древних соборов: «Царские Врата» середины XVII века – из Ярославля, две иконы конца XVII – начала XVIII века из иконостаса церкви Вологодского края – с изображением пророков и сценами Рождества Христова и Распятия. Есть иконы на сюжеты Ветхого и Нового Завета, изображения Богоматери, Христа Спасителя и любимых на Руси святых. Так, на Руси всегда был любим святой Николай Чудотворец, или как его называют в народе Николай Угодник. В иконном зале Фонда поколений представлены две иконы: «Святитель Николай в житии» (конец XVI – начало XVII веков. Обонежье), «Св. Николай Можайский» (конец XVII – начало XVIII веков. Русский Север). Пришло на память, что как-то 22 мая, в день памяти летнего Николы, Господь сподобил меня, грешную, побывать в Покровской церкви в Самарово на праздничной Божественной литургии, помолиться любимому святому Угоднику Божьему, помощнику всем путешествующим... Как это было замечательно.

Запомнились в Фонде поколений и иконы святого Георгия Победоносца: «Чудо Св. Георгия о змие» (II пол. XVII века), ставшая символом Российского государства, и «Св. Георгий в житии» (XVI век), на которой контрастные тона – красные, зеленые – подчеркивают величие святого воина, облаченного в доспехи. Это самая древняя икона в коллекции Фонда. Святой Георгий Победоносец – небесный покровитель моего духовного отца Георгия, настоятеля нашего храма Рождества Христова в Нижневартовске, поэтому, рассматривая иконы Святого Георгия, мысленно помолилась о здравии духовном и телесном моего духовного отца Георгия. Моя благодарность батюшке за эту поездку на Родину безгранична, как, впрочем, и за все его святы молитвы о нас, его духовных чадах.

Посещая разные экскурсии в рамках культурной программы во время празднования всероссийских Дней славянской письменности и культуры, подумала: никогда раньше я и предположить не могла, что Ханты-Мансийск станет культурным центром округа! Как же обогащается духовная жизнь югорчан благодаря культурной политике органов власти Ханты-Мансийского автономного округа! Сегодня жители Югры имеют возможность познакомиться с духовным и культурным наследием прошлого и настоящего, приобщиться к достижениям культуры не только в Государственной окружной художественной галерее, в Государственной окружной библиотеке, но и в Государственном музее Природы и Человека, в Доме-музее народного художника СССР В.А. Игошева, в концертно-театральном центре «Югра-Классик»...

Утонченный вкус, простота и изящество – вот те слагаемые, которые составляют неповторимый облик Дома-музея народного художника СССР В.А. Игошева, который я также успела посетить в свой приезд на родину. Дом-музей по своей архитектуре и дизайну напомнил мне сказочный теремок, попадая внутрь которого окунаешься в подлинный мир искусства. И действительно, имя народного художника Владимира Александровича Игошева известно далеко за пределами округа: его картины имеются и в государственной Третьяковской галерее, и в государственном Русском музее, и в музеях Тюмени, Екатеринбурга, Челябинска, Нижнего Новгорода, Ярославля, Киева, Одессы... Над своими картинами на Севере Владимир Александрович работал в течении сорока лет. На полотнах он смог запечатлеть не только быт, занятия коренных народов Севера, но и достоинство и красоту их внешнего облика, отражающего самобытность характеров людей, населяющих землю древней Югры. Сам художник говорит: «Человека нужно узнать, выносить его образ в душе и только потом приступить к холсту. Натура – это всегда правда. Достоверность дает натура, а душа художника – жизнь холсту». Быть может поэтому так удачны в творчестве художника именно: «Портрет отца», «Портрет матери», «Портрет М.Анямовой», «Северяночка», «Мужской порт-

рет Владимира Номна», «Оленевод Яков Рочев» из серии «Люди таежного поселка». Очень мне понравились картины «Подарок жениха», «Подруги» своей оптимистичностью, «Девочка с красным шарфиком» – игрой и сочетанием различных красок... Подолгу стою у картины «Таежные узоры», на которой запечатлена женщина-манси за работой. Это искусная мастерица, которая шьет себе одежду. Ее взгляд сосредоточен на работе, руки умело выводят замысловатые узоры. Глядя на картину, чувствуется восхищение художника творением рукодельницы. Это чувство передается и мне. Такое же неподдельное чувство восхищения вызывает и картина «Воспоминание о Суеватнауле». Кажется, на всем полотне только один бесконечный снег, который блестит и переливается в сумерках. Могучие кедры, уходящие кронами в небо, все засыпаны ином, снегом. Небольшие фигурки людей и оленеводов словно растворились в этом огромном снежном пространстве. Так подчеркивается величие северной природы.

«Я увидел Югорский край и навсегда полюбил эту землю», – говорил В.А.Игошев. После посещения музея остается впечатление, что художник не просто полюбил наш северный суровый край, его природу, жизнь и быт северян, но и пытался силой своего таланта заставить других полюбить эту неброскую красоту сибирской земли, ее историю и культуру. Особая душевная теплота ощущается в каминном зале Дома-музея, где экскурсовод неторопливо ведет свой рассказ о жизни художника, из которого узнаю, что за работы северного цикла В.А. Игошев был награжден Государственной премией России.

Побывала в биатлонном центре, жаль, не смогла прокатиться на канатной дороге. Но зато посетила «Фитнес-центр» в туристическом комплексе «На семи холмах», насладились русской парной и финской сауной, поплавала в бассейне, отведала ароматный фиточай, который любезно предлагают в центре для восстановления водного баланса организма. Одним словом, отдых людей в биатлонном центре организован на высоком уровне, а отдыхать туда приходят люди, как я заметила, после трудового дня целыми семьями. И это прекрасно, когда семье есть где отдохнуть, вместе провести свой досуг. Так формируется здоровый образ жизни.

Побывала на презентации научно-просветительских фильмов «Начало. Зримая история» в Государственном музее Природы и Человека. Музей Природы и Человека в рамках всероссийского празднования Дней славянской письменности и культуры подготовил много мероприятий, в числе которых выставки «Апостолы Нового времени: миссионерская деятельность Русской Православной Церкви (XVII – XX вв.)», «Традиции народного православия Западной Сибири» (из фондов Музея Природы и Человека и Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника), презентацию окружной коллекции старопечатных и рукописных книг

XVII-XIX веков и др. Хочу отметить, что выставки очень интересны и содержательны, а коллекция книг содержит редкие и уникальные старопечатные и рукописные издания, собранные работниками музея. Интерес к музею Природы и Человека у меня особый, если можно так выразиться, семейный. Дело в том, что музей занимается исследованием старожильской культуры Югры, ориентированной на духовные традиции. Одним из направлений этой работы является «Православие и традиционная культура народов Обь-Иртышского Севера». Я интересуюсь православной культурой, знакомлюсь с ее основами на семинарах для учителей, проводимых в Тобольске, изучаю свою родословную. К старожильскому населению Югры относятся мои родители. Род наш и по линии моего отца, и по линии моей мамы – коренные сибиряки. По линии мамы корнями уходит в священнический род Протопоповых, который и появился на Югорской земле в конце XVIII века, по линии отца – к роду рыбопромышленников Башмаковых. Моя бабушка по отцу – Башмакова Васса Елизаровна – уроженка села Базьяны, всю жизнь прожившая в нем. Старожилы села, наверняка, помнят вкусный, душистый хлеб, испеченный моей бабушкой – она работала в пекарне. Изучением своей родословной я занимаюсь уже давно, переписываюсь и перезваниваюсь со многими родственниками, нахожу новые сведения, открываю для себя новые имена... Так, в этот свой приезд на родину говорила с родственницей Галиной Кузьмовной Сорокиной, человеком хорошо известным в Ханты-Мансийске прежде всего по публикациям Валентины Патрановой: «Марфа. Мария. Марго» («Новости Югры» от 28.10.2000 г.), «Почаще смотрите на синее небо» («Югра», №10, 2005 г.). Тетя Галя дала мне наказ: «Лариса, будешь на экскурсии в музее Природы и Человека, обязательно на 2-м этаже посмотри стенд, посвященный старожилам, на нем фотографии прошлого века. Там в верхнем ряду (самый первый ряд) фотография мамы, ее сестры (той самой Марфы, Марии, Марго) и их брата. Фотография очень хорошая...» Мечтаю я и в следующий свой приезд на родину – если будет на то Божья воля – подарить Государственному музею Природы и Человека фотографии своих родных: Сухоруковского купца Петра Антоновича Протопопова, его супруги Марии Плагоновны с маленькой дочкой Клавой (моей бабушкой в детстве) и летопись этой семьи.

После, в Гостином дворе на смотровой площадке с высоты птичьего полета любовалась панорамой города. Он виден как на ладони. И, прежде всего, хорошо просматривается Храм в честь Воскресения Христова, расположенный на самой вершине одного из холмов. Он словно парит и возвышается над городом, напоминая всем нам о Вечности, о Горнем мире...

***

Ай, да отчая земляца!
И в мороз, и в зной июльский
Не могу я не гордиться,
Что душой и сердцем тульский.

Для судьбы совсем не малость
Полюбить металл и слово.
Может, что-то мне досталось
От Левши и от Толстого?!

***

Словно льдышка,
солнце смотрит стыло.
Неприветлив лик его и строг.
Только на заводе всё, как было,
Хоть октябрь явился на порог.

Дует ветер зло и воровато,
Без помех прочёсывая лес.
Как ракеты целят аппараты
В блёклую
безрадостность небес.

Мы дождю без радуги не рады,
Да пролил округу зябкий душ.
Но стоят, не горбясь, эстакады,
Как над бездной,
над раздольем луж.

НЕ ПРОСТО СЛОВА

Опять восторгаюсь от бабьего лета!
И вместе с калинами снова горю
Не старясь пока, и в награду за это
Стихами тебе о любви говорю.

Слова мои ветер весною помянет,
Завторят их птицы на все голоса:
Разлюбишь меня –
только взгляд мой увянет,
А я разлюблю – упадут небеса!

НЕ СГЛАЗИТЬ БЫ

Течёт по трубам нефтяной поток,
Летят отчёты в офисы Москвы.
Но от столицы Самотлор далёк,
И звуки буровых им не слышны!
Болота здесь – глазами не объять!
Речная синь – от Рериха картин!
Вас будет постоянно удивлять
Брусника,
клюква,
запах строганин!
Зимой морозы жмут за пятьдесят!
Хрустит металл и лопается лёд!
Здесь нефтяной!
Совсем другой народ!
Не сглазить бы!
Как бабки говорят...

МЕЧТА

Чтоб взрыв страстей!
Чтоб ветра свист!
Чтоб в сумасшедшем
Беге этом
Мороз хрустел
И снег был чист,
Как белый лист
Перед поэтом...

ЯЗЫК РОДНОЙ

Он был Есениным воспет –
Язык любви и нежных встреч.
Им восторгались Пушкин, Фет,
Но как сейчас язык сберечь?
В угоду моде – не сгубить!
И детям, внукам передав,
Не сомневаться, что был прав,
И верить –
смогут сохранить!

КЕДР

Своею буйной головой
Прекрасен кедр вековой!
Могуч и необъятен вширь
Как вся великая Сибирь!
Он выстоял назло штормам –
Земле хвала!
Хвала корням!
Осенней платой по долгам
Он шишки сбрасывал к ногам.
... И боль какая-то пронзила,
Когда в бору завывли пилы,
Я бросился к нему с утра,
Но кедр срубили.
На дрова...

***

Что имею – не жалею,
В прозапасы – не коплю!
Раньше времени седею,
И себя на том ловлю!
Не хочу я жизни сытной,
Мне б ватрушку с молоком
Да на просеке забытой
Затеряться с туеском*
Руки вымыть влажной тучей,
Повстречать в тайге восход,

...Голубики горсть пахучей
Мне дороже всех красот

***

...История стирает в прах
Гранит, людей, материки.
Бессмертной мудростью строки
Живёт поэзия в веках!
Жаль, не успел.
Не всё постиг...
И слишком краток жизни миг!
Спешу к рассветам и закатам,

---

* Туесок - берестяное ведёрко

К росинкам, розы лепестку.
Подобен где-то мотыльку,
Что на огне
Сгорит
Когда-то...

ЦВЕТЕНЬЕ

Любуюсь я как сакура цветёт,
Хочу постичь японское мышление.
В России вишня – лишь дрова и мёд,
Да баночка душистого варенья!
... Обычный день, срываюсь с места,
Спешу по-русски «голову сломя»,
Глазам не верю – рядом у плетня
Грустит в фате черёмуха-невеста...

МАРТ

Синицы трель звучала на заре,
Капель стучала в подоконник,
Соседский пёс, весны поклонник,
Скулил от счастья в конуре.
В истоме тёплой солнцепёка
Наполнен воздух пряной елью.
И захлебнулся звонкой трелью
Скворечник, спавший одиноко.

***

Занепогодило дождями хмурыми,
И небо, словно сито, кверху дном.
И кажутся размытыми фигурами
Зонты цветные за моим окном.

Осенние дожди! Вы неизбежные!
Грустны и так приятны чистотой.
А сердце ждёт уже минуты той.
Когда закружат звездопады
снежные...

Анатолий ФИЛАНОВСКИЙ

Родился в 1945 году в городе Ростове. Окончил Московский государственный институт стали и сплавов. На Севере – с 1986 года. Автор трех поэтических сборников «Монологи», «Прикосновение к миражам», «Перебирая время». Живет в Нижневартовске.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К 26 ОКТЯБРЯ

Ну, наконец-то, собран урожай.
Цыплят все кто хотели посчитали.
Дождь зарядил. И птицы прокричали
Кому «До встречи», а кому «Прощай!»

А листья в парке что-то о своем.
А дачи снова заперты до лета.
И вместе с эхом затерялось где-то.
Что вдохновеньем всякий раз зовем.

И все ж собрал нас вместе этот зал.
Пусть не большой, но истинно прекрасный.
Не тот велик, кто красным шьет на красном,
Но тот, кто в Небо за собой позвал.

А музыка, то проливалась в нас,
То, покидая, поднималась к сводам.
И вместе с нею рвались па свободу
И мы с тобой! Как редок этот час!

И как же мал. Но повторившись вновь
Он даст нам силы (как бы не устали)
Поверить в то, что выше всех печалей,
И даже больше, чем сама Любовь.

***

Как это всё перенести
В безумном шаге торопливом?
Решить уехать из Москвы,
Чтоб искупаться в летних ливнях.
Идти ночью Ангарой,
Читать в бездонном небе звезды.
Твое плечо своей рукой
Сжимать. И чувствовать: не поздно!

Ещё не поздно обо всём
Подумать, всё переиначить.
Ещё не поздно знойным днем
Искать в пути родник удачи.
И чтоб хоть раз напиться всласть
Меж каждодневными делами,
Надолго к роднику припасть
Потрескавшимися губами.

ПАРИЖСКИЙ ДОЖДЬ

Татьяне

Парижский дождь нас повстречал у трапа,
Куда мы вышли, словно на крыльцо.
И плюнув на меня, он начал лапать
Тебя за грудь, одежду и лицо.
Вокруг он вился, моросил нам что-то,
Бубня с ленивой спесью про Париж.
Смеялись громко впереди пилоты.
(Пилотов – их ничем не удивишь.)
Мы ехали, дождь подгонял автобус,
Стекая по стеклу куда-то вниз.
Вы по-французски понимали оба,
А я всё невпопад: «O'key!» да «Please».
Ты с ним уже бродила по бульварам,
Влюблялась в Елисейские поля.
Себя я вроде чувствовал не старым,
Но почему-то вас не догонял.
Куда-то напрямик я шел по лужам
Так сир, как будто памятник вождю.
Мне был Париж, как я ему, не нужен.
Я жутко ревновал тебя к дождю.

***

*Мише и Кириллу, нашим детям,
которые и есть любовь*

Смотрю на прожитые дни.
Их наугад перебираю.
Как будто бы готовлюсь к Раю,
Мгновения остановив.

Вот тридцать лет назад январь:
Как мне страдалось в зимний вечер
И рифмовал я слово «свечи»
И строчку «светлая печаль».

Была апрельская Любовь.
Кого я ею осчастливил?
Глаза не помню – помню ливень,
Когда бежал, спеша домой.

А в марте светлое пятно?
Помог я бескорыстно другу.
И удивлялась вся округа,
И Бог смотрел в мое окно.

Но можно ль, возвращая сны,
Жизнь повторить, стирая даты,
И ставя свежие заплаты
На еле видимые швы?

Как объяснить, когда уйду,
Насколько это важно: вместе
В ответ злословию и лести
Учиться слушать тишину.

И что от Пирровых побед
Никто из нас не застрахован.
У каждого свой Рим основан
И свой в конце тоннеля свет.

И даже если обречен
Во искупление на Голгофу,
Я свет для Вас собрал по крохам.
И только он... И только он...

Татьяна БУТНИК

Родилась в сентябре 1958 года в с. Копотилово Казанского района Тюменской области. Окончила Уральский лесотехнический институт, по специальности лесное хозяйство. Увлеченность литературой возникла с детских лет. Первые сказки были напечатаны в газете «Тюменская жизнь сегодня», районной газете села Казанское «Наше время», в Санкт-Петербургском журнале «Лесной эксперт». Живет в Нижневартовске.

ЯГОДНАЯ СКАЗКА

– Я лучше всех, – подала голос с лесной просеки Голубика-несмеяна, – нет в тайге другой такой ягоды – нежной, пьянящей. Не зря меня называют голубикой-пьяницей. И платьев нарядных у меня много – и пепельно-зеленое, и багряно-огненное, и рыжеватое. Да и королевский титул есть: называют меня «гонобобель».

Умолчала хвастливая Голубика еще об одном своем имени – дурника-ягода. А в сосновом беломошнике надула толстые щечки красавица Брусника, зазвенела возмущенно восковыми колокольчиками цветов, выражая свое несогласие.

– Уж ее-то, Бруснику, умницу, красавицу несравненную, ценили во все времена, лучшей ягодой почитали, к царскому столу подавали, хвори-болезни разные излечивали. Как можно ее сравнивать с какой-то голубикой-дурницей, съев которую и улыбаться не захочешь – в синий цвет покрасит и губы, и зубы: несмеяна да и только!

Зашелестела сухая трава, заколыхалась мохово-сфагновая «перинка» – зашевелились, раскраснелись рясные, глазастые ягоды Клюквы. О своей полезной миссии спешат известить. Да и то сказать: кормит Клюква весь лесной народец – и глухарь тропу проторил на бархатном рыжем мху, и тетерка поклевала плотные свежие ягоды, сам хозяин тайги медведь-батушка не побрезговал.

А в гордо темнеющем молодом кедраче помалкивала Черника – ягода-монашенка, скромница. Нет у нее ни пышных нарядов, как у Голубики, нет румяных щечек, как у Брусники, нет и репутации «кормящей всей», как у Клюквы. Но зато о лечебных свойствах ягоды Черники слагают легенды. Есть чем похвастать, да не хочет.

Услыхал резвый ветерок эти споры-разговоры, взлетел над верхушками кедров, отодвинул в сторону плакучую тучу, и засияло над осенним миром яркое солнце. Кокетливо накинула Брусника на плечи мантию из белоснежного мха. Вздохнув, Клюква важно раскинулась на моховых кочках, как на троне, в позолоченной раме из осенних берез. А к подножию высоких кустов Голубики-гонобобеля встал почетный караул из грибов-красноголовиков. К ногам монашенки-Черники сбро-

сил царственный кедр свои дары – шишки с орехами. Сплелись в один таежный венок все ягоды. И все хороши – каждая по-своему – и все вместе.

Восторжествовала красота, возникло сердце Тайги, купаясь в сверкающей росе утреннего тумана.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ЧЕРНОЙ ПТИЦЕЙ

Сказка

Жила в лесу Черная птица. Клевала ягоды, семена разных трав. Летом солнцу радовалась, зимой в дупле от холода пряталась. И мечтала Черная птица о красивом имени и нарядном оперении. Но не было у нее ни того, ни другого.

Однажды узнала Черная птица от мышиного народца, что растет падалеком Севере волшебное кедровое дерево. На ветвях его в крепких смолистых шишках созревают золотистые орешки. Орешки те волшебные: кто их поест, получит то, о чем мечтает.

И полетела Черная птица на далекий Север, искать заветное дерево.

Долго летела. У многих зверей и птиц про кедровое дерево расспрашивала.

Наконец, добралась до тех мест, где среди топей и болот на сухих островках, на ковче из мхов зеленых и кукушкиного льна величаво вскинуло к небу свои ветви кедровое дерево.

Среди изумрудной зелени длинной хвои наливались смолой темные шишки, а в них созревали золотистые орешки. Терпение надо иметь, дожидаться, когда дерево сбросит к подножию ствола тяжелые шишки.

Дождлась Черная птица, когда созрели золотистые орешки, и стала клевать их. Ничего вкуснее она никогда раньше не пробовала. Вскоре заметила Черная птица, что на груди у нее появились светлые золотые перышки, а потом и на хвосте высветлилась золотая полоска перьев. Нарядной стала Черная птица, а за то, что полюбила она клевать кедровые орешки, все стали звать ее Кедровкой.

Так появилось у птицы нарядное оперение и красивое имя.

В благодарность за эти подарки Кедровка каждую осень, как только созреют золотистые орешки в кедровых шишках, начинает без усталости трудиться – сеять их по всему лесу, закапывать в лесную подстилку, даже в моховые кочки на болоте, чтобы разрастались кедровые леса, чтобы все смогли отведать волшебных орешков с заветного кедрового дерева.

ДО-РЕ-МИ-ФА-СОЛЬ-ЛЯ-СИ

Сказка

Жил да был один музыкант.

И скрипка у него была, и ноты.

Только невесело было нотам у этого музыканта. Он расставлял нот-

ные знаки так, словно решал математическое уравнение или выстраивал геометрическую прогрессию.

Однажды жарким летним днем шагал этот музыкант через зеленый лужок и решил передохнуть. Уж очень жарко было. Присел он на траву. Открыл свой чемоданчик, платок достал – пот со лба утереть. А ноты давно ждали удобного случая.

Нота «до» прыгнула под лопух, разросшийся у тропинки.

Нота «ре» скрылась в зарослях дремучей крапивы.

Нота «ми» скользнула в мышиную норку.

Нота «фа», крутнувшись вокруг венчика ромашки, спряталась в ее лепестках.

Нота « соль » укрылась в колосьях пшеницы.

Нота «ля» стремительно взлетела в небесную синеву жаркого дня.

Нота «си», выскочившая из чемоданчика последней, успела зависнуть на пролетающей паутинке.

Все разбежались. Попрятались.

А музыкант ничего не заметил, так его разморило.

Убрал свой платок. Закрыв чемоданчик и пошел восвояси.

А что же ноты?

Замерли, прислушиваясь к свободе.

И надо было такому случиться, что эта тропинка привела на зеленый лужок художника.

Он шел со своим мольбертом, насвистывая веселый мотивчик.

А ноты к этому времени уже опомнились и вовсю веселились на лугу.

Гудели шмели и пчелы.

Танцевали бабочки.

Кружились стрекозы.

Кузнечики устроили настоящий кордебалет.

Колокольчики звенели.

Травы шелестели.

– Здорово здесь, – подумал художник. – Сделаю-ка я пару эскизов.

И расположился прямо на траве.

Любопытные ноты стали заглядывать в его палитру. Замечательная это была палитра!

Веселый художник смешивал синюю краску с белой, желтую с голубой, золотую с розовой!

Не удержались ноты – так и прыгнули от радости прямо в веселую палитру.

С тех пор там и живут.

А художник стал писать музыкальные картины. Ноты подсказывают ему, какие краски смешивать, чтобы они зазвучали.

Так и получается: напишет художник картину, а с нее музыка так и льется.

А что же музыкант, растерявший ноты?

Говорят, ушел в математики.

Владимир АНДРЕЕВ

Родился 2 декабря 1947 года в Татарии. Окончил Казанский государственный университет. Работал журналистом, нефтяником, избирался главой города Радужного. Автор книг «Стихи и максимы», «Максимы», «Песни квантовой кукушки», «Знамя Победы». Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Живет в Нижневартовске.

• С 60-летием!

Стихи Владимира Андреева требуют читателя внимательного и думающего. Свободный стих, которым пишет Андреев, фактически оголенная конструкция – все на виду. С первого раза его произведения ошарашивают сложным синтаксисом и усложненными метафорами. В них вложена глубина и тайна языка. Но, перечитывая эти строки, приходишь к мысли, что они ясны и просты. Поэзию Владимира Андреева невозможно спутать ни с чьей, она самобытна и узнаваема. Поэт идет своей дорогой, внося в русскую поэзию новое настроение.

ЛЕТО

Разумная мощь голубого щита
надо мной без конца и края.
Уверенные в себе облака.
Восхищение света.
Торжество тепла.
Гимн стремительных артерий
во славу рождённой любви.
Оправдание шаловливого ветра
перед стайкой смешливых ромашек.
Величественный покой,
разлитый по земле,
беременной урожаем.
На пару с летом
наслаждаемся земляникой,
развалиясь на кузнечиковой траве.
Далеки поэзия, политика, карьера
В теле и душе - истома неземная.
Так, наверное, с нами бывает,
когда открываем калитку рая...

Их царство вновь обрело
шестую часть суши.
Как не радоваться бесшумным теням
над трупом уничтоженного света –
втоптан в грязь как злодей тиран
усатый гений,
спасший голубые просторы
от коричневой чумы.
Вольготно чувствуют себя
без света невидимые твари:
ни крови не видно, ни страданий,
ни слёз всеобщего униженья –
одни шелестящие, шипящие звуки
в заколдованной тьме.

ИЗ ПАМЯТИ ДЕТСТВА

Что ты запомнила, память детская,
самая крепкая,
самая цепкая,
о житье-бытье в глухой деревне
на берегу реки

самой знатной,
самой древней?

Как была тогда страна нам
не мачехой, а матерью,
и будущее виделось цветущим лугом;
как в моей деревне, вольной испокон веков,
не любили власть, кляли почём зря
надоедливого болтуна «кукурузника»
и уважительно отзывались о Сталине;
как всей семьёй плели корзинки на продажу
и осваивали уроки капитализма на базаре;
как тяготила школа за четыре версты
и манила свобода полей и мощь реки;
как репродукторы учили классической музыке,
а пацаны зимой покоряли домашние альпы -
овраги у Риммочкиной сосны;
как я кричал «ура» над первой пойманной щукой
и сказал «до свидания» мёртвому дяде Серёже;
как гоняли зайцев с отцовскими берданками
и исподволь набивали меткий глаз;
как при играх в войну делились на фрицев
и наших, и все хотели быть нашими;
как заводили друзей и мечтали о взрослости:

навсегда пропавших глаз,
нежно-нежно источая
аромат влюблённой женщины,
как на грустных проводах
единственного мужчины.
Впервые за долгие годы
упорного цветенья
она вынесла на свет
пятилепестковые цветы.
Цветёт сирень неистово,
душу раскрыв нараспашку,
будто в последний раз,
не думая о смерти и одиночестве,
и, кажется мне,
                    кого-то ждёт...
                                    кого-то ждёт...

ПОКУПКИ

Он начал с того,
что
купил комнату,
купил квартиру,
купил дом,
купил улицу,
купил город,
купил страну,
купил континенты,
купил моря,
купил океаны,
купил планету,
купил человечество.

Задумался: что с этим делать?
Мысль упрекнула: опять самобичевание,
                    подумай о покупке Солнца!

МИГ СЧАСТЬЯ

Как хорошо в благодарном саду
            в гостях у хлебосольного августа
                    хрустеть живительным яблоком,
подаренным любимой яблоней!
Обласканный внимательным солнцем
                    принимает как подарок

Екатерина ВОЛОДИНА

Родилась в 1973 году в селе Кондинском Тюменской области. Окончила Санкт-Петербургскую академию психологии. Стихи пишет давно. Член литературного объединения «Замысел». Автор поэтических сборников «Свободное дыхание», «Крылья». Живет в Нижневартовске.

ЗДРАВСТВУЙ, СЕВЕР

Здравствуй Север, таежный край.
Судьбы, корни сплотились в земле.
Всё забудь, все печали отдай,
Видишь искры в шаманском костре...

В древнем стойбище тишина.
Живы, живы седые преданья.
Вынга-пур, Ульт-ягун, Торум-ма...
Как прекрасны твои названья.
Белый чум в ночной тишине,
Мир, спелёнатый в тёплые шкуры.
Колыбельная песня слышна,
Той реликтовой, древней культуры...
Спи мой сын, сон тебе крепких сил
Даст, чтоб ветры тебя не сломили.
Лютый холод, большие снега,
Твои беды тебя позабыли.
В неге мать, засыпает дитя.
Огонёк новой жизни в руках,
Им покой и надежда одна –
Небеса на оленьих рогах.
Держит крепко седой олень,
Дышит тёплое мирозданье.
Добрым духом Югра живёт,
Укрепляя своё сознание.
Утро, солнце – молочное дно,
Пробуждается новый рассвет.
От заснеженных далей светло –
Будет День на тысячи лет!

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ СЫН

Мой маленький сын,
Мой мальчик.
Мое драгоценное чудо.
Щемящая, тонкая нежность.
Любви безграничной безбрежность.
Ты сердце мое, моя вера.
Сплетение древних родов.
Пусть будет твоим отраженьем
Дух крепких и славных дедов.
Будь сильным, будь смелым,
Стой крепко, на нашей,
На Русской земле.
Будь сыном достойным и честным
Своей Православной стране.
Расти мой сынок, будь счастливым.
Прочту как молитву сто раз.
Мне дарит надежду и силу
Твой взгляд зеленеющих глаз.

СНОВА ЗИМА

Снова зима, и летают снежинки,
Как тополиные летом пушинки.
В белое платье оделся наш сад,
Чудо зимы моей ты – снегопад.
В сердце протоптаны к детству тропинки,
Вновь на губах вкус подталой снежинки.
Просто отбрось лет пятнадцать назад
И на душе – снегопад, снегопад.
О, как свежи в нем знакомые лица!
Тающий снег на любимых ресницах...
Счастья мгновения, жизни каскад...
В город пришел снегопад, снегопад.

СВЕТЛЫЕ ДУШИ

Светлые души,
Внимательный взгляд.
Сердце и ум,
Самый скромный наряд.
Чуткость к друзьям,
И свет понимания,
Благость, терпение и сострадание.

Святости сущность...
Поверьте, есть рядом,
Люди с прекрасным, отеческим взглядом.
Все они носят разное имя,
Чужды им лень, суета и гордыня.
Кто же вы есть?
Поделитесь секретами.
Может вы ангелы переодетые?

Татьяна ДЖАРТЫ

Родилась в 1975 году в селе Новоселовка Донецкой области. Окончила Сургутский филиал Московского государственного социального университета. Первые стихи были опубликованы в литературной страничке «Иван-чай» в газете «Местное время». Участница областного семинара молодых литераторов в городе Тюмени. Автор сборника стихов «Плохая погода». Живет в Нижневартовске.

***

Не знаю, не знаю, но чувствую кожей,
Что бархатность ночи лишь только завеса.
За нею зима. Нет. За нею разлука.
За нею безжалостность тонкого звука.
Высокие ноты надежд и прощаний,
Прощений и веры, слепых обещаний
Тяжелые сны, от которых не скрыться.
Хотелось бы верить, что все это снится!

Но в мерном движеньи уже продолжаюсь,
Уже разбиваюсь на колкие брызги,
На яркие блески росы и рассвета.
Я чувствую сердцем – не будет ответа.
Не будет привычной земли под ногами...
Высокая нота созреет и брызнет
И вырвется голос со скоростью мысли.

***

День будет тихим только от того,
Что я молчу. Нет места обещаньям.
Слезам нет места. Я тебя не жду.
Тиха печаль и скорбь полна молчанья.

В такие дни и ломкая трава
Податлива напору диких ветров.
Все что теперь касается меня,
Как вымысел – банально и неверно.

Дождя не жду, но жажду перемен,
Тебя не жду, но верю ожиданьям.
Мне с тихим днем случайное свиданье
Назначили, как раннюю весну.

***

Ветром холодным в соленые губы –
Поцелуй на прощание.
Солнце взойдет и забудет земля
Мой век ожидания.

Вспыхнет рассвет и прошепчет прибой
Мой зов из отчаянья.
Нет больше сил, нет больше слов,
Нет моей памяти.

Только теперь тянет как шрам
Душная комната.
Нет ничего, лишь тишиной
Я переполнена.

***

Лишь горизонт не обманул ни разу,
Все остальное – грустные слова.
Сплетаются в немислимую фразу
Мои улыбки, смех, мои глаза.

Неразрешимы странные загадки,
Неразделимы вера и любовь,
Но лед, на ощупь, не такой же гладкий,
Не так сладка, на вкус, чужая кровь.

Чужая боль не убивает сразу,
Манит лишь свет чужого очага...
И я опять слагаю просто фразу,
И повторяю грустные слова.

***

Твой город тих и безмятежен –
Удобно, чисто и светло.
Его я помню свежим-свежим.
Немного влажным, как стекло.

Его я помню через вздохи
Усталых, грустных поездов.
Я помню, как закатным светом
Топило впадины домов.

И этот мир, и это время –
Янтарь, хрусталь и молоко.
Неотрекаемое бремя
Того, что стало далеко.
За безвозвратностью – потеря.
За безнадежностью – печаль.
Прощай! Прощай, чужое время!
Твоя, моя, чужая даль!

***

Город пустой,
Тишина в переулках.
Мерные звуки
Лишают рассудка,
Сдирают печаль,
Отбивают колени.
Мне хочется спать,
А я слушаю ветер.
И я не могу
Побороть ощущение,
Что это приходит
Мое воскресенье.
И хочется спать
Но лишает рассудка,
Размеренность окон
В пустых переулках.

Светлана ЛИХАЯ

Родилась в 1967 году в городе Ургенче в Узбекистане. Окончила Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева. Стихи пишет давно. Публикуется в городской и региональной печати, коллективных поэтических изданиях. Член литературного объединения «Замысел». Автор сборника «Осень растревожила». Живет в Нижневартовске.

***

Где-то новости несут
на крыльях сороки,
Ивы топят
безвольные пальцы в пруду...
Подышу на стекло,
нарисую дорогу,
И пойду...

***

Я венок плела,
молода была,
От цветка к цветку –
Свет да волюшку.
От стебля к стелю:
– Что ж я не люблю?
Торопя года:
– Полюблю когда?
В серединочке –
Кровь с искриночкой.
Я венок плела,
Я любви ждала.
Все опять в цвету,
Я венок плету,
От цветка к цветку –
Все печаль-тоску,
От стебля к стеблю:
– Ах, зачем люблю?
Торопя года:
– Разлюблю когда?
В серединочке –
Кровь со льдиночкой.
К цветку цвет кладу,
Ничего не жду...

Чтоб ей умирать было проще,
Давай притворимся,
что любим!

МАЛИНА

На малиновом кусте
Нынче ягоды – не те,
Заросла моя малина,
Обмельчала в тесноте.
Я губами поутру
Нежно ягоды беру,
Передернется стыдливо
Куст малины на ветру.
Тянет листья в пустоту:
«Для чего же я цвету?»
Надкушу – слюна накатит
Свяжет зеленью во рту.
Виновата ли она,
Что мелка и зелена?..
«Вкусно ли? – с надеждой спросит.
Как скажу что не вкусна?

***

Рассвет.
Земля умыта,
Как яблочко, росой.
Гуляет дед Никита
Веселою косою
– Не мокро?
– Да не очень,
Косьбе такой черед,
Роса, мол, выест очи,
Как солнышко взойдет.
Сливает с неба охру
Ложится, тихо охнув,
Сраженная трава.
Взмахнет косою страшной
Неистовый резак –
От ужаса ромашка
Белеет на глазах.

ДЕД МОРОЗ И СОСУЛЬКА

Сказка

Вот, дети, какое несчастье случилось однажды с Дедом Морозом. Морозил он как-то ночью сосульку на крыше, да и приморозил к ней печаянно свой нос.

Вертится Дед Мороз возле сосульки и так, и эдак, а оторвать от нее нос никак не может... Расстроился Дед: неужели всю жизнь придется ходить с сосулькой на носу? Зовёт на помощь внучку Метелицу. Прилетела та, ухватилась за дедову шубу и давай его от сосульки отрывать. Тащила-тащила, да ничего не смогла сделать. Позвала Метелица бабушку Вьюгу. Начали они вдвоем тащить деда, а он кричит, больно ему:

– Что вы делаете, так ведь и нос оторвать недолго!

Дунула тогда Вьюга Деду Морозу на нос, он – в слезы.

– Уймись, бестолковая! Теперь не только нос, теперь и борода примерзла к сосульке!

Подоспел тут младший брат Мороза – Северный ветер. Стали все вместе думать, как деда выручить, и надумали сосульку от крыши оторвать, а потом разбить на мелкие кусочки. Ухватились за сосульку и давай её раскачивать.

– Ой-ой-ой! – кричит Дед Мороз. – Осторожно! Так ведь и голову оторвать можно! Но, видно, крепко приморозил Дед сосульку. Скрипит она, а от крыши не отламывается. Так всю ночь и промаялись. А утром проснулось Солнышко. Глядит, что за канитель возле крыши? Посмотрело и рассмеялось:

– Так и быть, помогу старику!

Дотронулось Солнышко до сосульки оранжевым пальчиком и начала сосулька таять. Потекла вода по бороде Деда Мороза. Наконец, оттаял нос, а ноги-то не поднимаются, обессилел старик.

Взвалил его ветер на свои широкие плечи и понес на Север. Долго лечился там Дед Мороз. Только к следующему году поправился. А вот нос так и остался красным.

С тех пор и зовут его Мороз-Красный нос.

ЕЖИК И ЛИСА

Сказка

Давным-давно жил-был ежик. Только тогда он был совсем не такой, как сейчас. У него была мягкая белая шубка и большой пушистый хвост. А сам ежик, ласковый и веселый, любил играть с маленькими зверятами в догонялки. Как он резво прыгал и скакал, только хвост мелькал. Да, ни у кого не было такого красивого хвоста.

А неподалеку от ежика жила-была хитрая лиса. Задумала она черное дело. Ведь лиса и прежде была такой же хитрой, как и теперь,

только хвоста у нее не было. Ни люди, ни птицы, ни звери не любили хитрую обманщицу за ее проделки.

Вот лиса и говорит: «Ежик, а ежик, приходи ко мне в гости. Я тебя сладкими вареными жуками угощу». Ежик любил сладких жуков и согласился. Ведь он был очень доверчивый.

Наелись ежик с лисой, сидят разговаривают. И стала хитрая лиса жаловаться, что ее все обижают. Да всякую напраслину наводят. Лиса даже прослезилась. Такой доброй прикинулась, что даже жалко ее стало ежику. А лиса дальше ведет свои хитрые речи. Хочет пойти она к своей сестре в соседний лес, так не может ли ежик дать на время ей свой хвост? И ежик согласился. Он ведь был очень доверчивый.

А теперь послушайте, как поступила хитрая лиса. Принарядилась она и побежала в деревню с пушистым хвостом. Забралась в курятник и стала там курочками лакомиться. Хозяева курятника, старик со старухой услышали и выбежали во двор. Видят они кто-то с красивым пушистым хвостом выскочил из курятника. «Батюшки – крикнул старик. – Да ведь это же ежик! Кто бы мог подумать!»

И пожаловались старик со старухой на ежика царю зверей – льву.

Лев собрал всех зверей на суд.

Послушали звери, что говорят старик со старухой, не поверили. Ведь все знали, какой ежик был ласковый, добрый и веселый. Но тут вышла лиса и сказала: «Я тоже видела ежика, как он выскочил из курятника, и мордочка у него была в пуху. Схватила я его за хвост, да вывернулся ежик. Убежал... А хвост, вот он, у меня остался...» И лиса показала хвост ежика. Как ни оправдывался ежик, главный судья – осел – признал его виновным. Так коварная лиса всех обманула.

Больно наказали ежика. Сильно побили его колючими еловыми ветками. От этого вся спина его покрылась зелеными иголками. Очень обидели бедного ежика. Сгорбившись, весь в колючках, втянув голову в плечи и опустив ее вниз, он медленно ушел в лес. Ах, зачем он такой доверчивый?

Прошло время, и зеленые иголки на спине у ежика высохли. стали серыми и острыми. С тех пор ни с кем не водит он дружбу и не разговаривает. Живет одиноко, гуляет только ночью, редко встретите его днем.

Кто подойдет к нему поближе, он свернется в колючий клубок и ни на кого не смотрит.

Но больше всех не любит ежик хитрую лису – ведь она обманом завладела его красивым, пушистым хвостом.

СТРАНА МОРОЗИЯ

Сказка

Ребята, а вы знаете откуда берутся Деда Морозы?

Далеко на северном полюсе раскинулась неизвестная многим снежная страна Морозия. Бескрайние поля голубоватого льда и ле-

дяные глыбы айсбергов надежно скрывают Морозию от постороннего взгляда. Облака в ней дрожат от холода, а солнце не светит, потому что оно не любит заглядывать в холодные страны, боится потревожить холодное безмолвие ледяных равнин. Освещает эту страну только осколок луны да несколько звезд.

В Морозии проживает очень много Дедов Морозов. Начиная от симпатичных младенцев-морозиков, деловито сосущих пустышку-сосульку, до седобородых старцев, снисходительно наблюдающих за проказами молодых Морозов.

Хозяйка этой страны, Госпожа Зима, своими руками делает Дедов Морозов. А это, поверьте, нелегкое дело. Поднимется Зима вверх, запуржит, завьюжит, ударит по замершей земле ледяным посохом, и тысячи мелких льдинок, взлетев в воздух, рассыпятся по снегу мелкими ледяными кристалликами. Набросит Зима на кристаллики свою серебристую шубу, споеет известную только ей одной колыбельную и отправится отдыхать в свой хрустальный дворец. Лишь песенка серебристым звоном разливается по всей Морозии. Под звуки колыбельной, ледяные кристаллики начинают расти, и к утру из них вырастают маленькие Морозики.

Морозики очень беспомощны, и поэтому три дня Госпожа Зима держит их в своем замке и кормит снежинками, ждет пока те окрепнут и научатся ходить, есть и говорить. А потом выпускает их во двор – сами растите! Каждому новорожденному Морозику Госпожа Зима дарит маленького олененка и трех белоснежных жеребят. Маленькие Морозики сами растят своих питомцев, купают их в снегу, расчесывают гривы коней ледяным гребнем, патачивают рожки оленят ледяным пожитком, чтобы те росли красивыми и ветвистыми, как у больших оленей.

Снят Морозики на пушистых снежных перинах, питаются снежными комочками, которые сами же лепят из кристально чистого снега, катаются с гор на санках и играют с маленькими медвежатами, постоянными жителями этой снежной страны.

Изучают Деда Морозы и снежную грамоту. В большом ледяном доме открыта школа для маленьких Морозов. Изучают Морозы только географию и иностранные языки, ведь потом им придется путешествовать по всему миру и дарить детям подарки. Вот и приходится Морозам изучать все на свете языки, чтобы узнать все на свете дороги. Ведь если Дед Мороз собьется с пути, ребята не дождутся ни Деда Мороза, ни мешка с подарками. А какой Новый год без Деда Мороза и подарков?

Пишут Морозы на снежной доске ледяными мелками, и почерк у них очень красивый, ведь на некоторые письма детворы им приходится отвечать самим. Хотя, конечно, редко какой ребенок получает письма лично от Дедов Морозов, но иногда случается и такое.

Есть в Морозии и своя фабрика игрушек, на которой работают только взрослые Деды Морозы. Потому что маленькие Морозики могут заиграться и забыть обо всем на свете.

Перед Новым годом, когда снежные часы отобьют положенные 24 удара, Деды Морозы начинают собираться в дорогу. Набивают полные мешки игрушек, садятся па оленей или запрягают в расписные сани упряжку коней и айда по снежному полю, только снежная пыль летит под копытами белоснежной тройки, да олень цепляет своими ветвистыми рогами краешек осколка луны, освещающей ледяную Морозию. Олени везут Дедов Морозов на Север, в царство Зимы, а белоснежные кони, того – на восток, того – на запад, того – на юг.

Посетят Деды Морозы города и села, проведут новогодние елки, подарят детворе подарки, выучат наизусть все стихи о Новом годе и вновь вернуться в свою ледяную Морозию. Там они расскажут о Новомоднем празднике младенцам Морозикам, которые только в следующем году посетят наш с вами мир, пропоют им все наши песни, расскажут им все наши сказки и будут ждать, когда же придет следующий Новый год.

И все это время над снежной Морозней будут дрожать холодные облака, а в небе светить лишь осколок луны да несколько звезд.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Родился 13 июня 1953 года в городе Хмельник Винницкой области на Украине. Окончил Винницкий медицинский институт. Публиковался в газете «Тюмень литературная», в альманахах «Эринтур», «Чаша круговая». Автор книг «Всяк забавляется как может», «Зимник», «Души неприкаянные» и «Северные ветры». Член Союза писателей России, лауреат премии губернатора ХМАО-Югры за 2006 год. Живет в Нижневартовске.

МЕШАВКИНО СЧАСТЬЕ

Рассказ

I

Алька, как привыкли кликать ее бабы, идет с коромыслом через плечи, плавно покачивая бедрами, словно и не замечает облянывающих взглядов землячек.

Так уже повелось, что все в поселке, узрев еще издали красавицу Алевтину, говорили не то со зла, не то с завидками:

- Глянь-ко, Мешавкино счастье плывет.
- Ага! Че она нашла в ем? Дистрофик хромой.
- А вот же присушил...
- Дак ей куды было с тремя-то деваться.
- Тут девки не в етом дело: любовь...
- Кака там любовь! У ей трое, у него своих трое. Шестеро на свою шею навесила, дуреха. Да еще и общего нажили – седьмого.
- Нет, девки – любовь... Он же за ей как за павой ходит.
- А куды ему деваться? Хромой, старый, да с тремя довесками. А она смотри – красавица писаная. Да он ее должен на руках как хрустальную вазу носить.
- Завидно?

Бабы стоят у забора, забыв уже какое такое дело собрало их сейчас в эту страдную пору сенокосную. Ясное дело, не Алька. По им получается, что и ему – Мешавкину, и ей – Альке деваться друг от друга некуда. Судьба, значит.

– Здравствуйте, соседушки. – поравнялась Алевтина с бабами, сняла коромысло, расправила крепкие плечи, освободившиеся от гнета двух полных ведер чистой колодезной воды.

- Здоровой будь, – запели бабы.
- Не откосилась нишо? – спросила одна.
- Не-е-т, – протянула Алька. На дальнем покосе ворошить завтра будем, а на ближнем, за логом – косят. Обед понесу, управлюсь маленько. Борщу наварила, да квасу холодненького с погребца. Упари-

лись там поди мужички, вон жарница какая. – Альке и передохнуть охота, да и так перекинуться словцом.

– Вручную что ли косят?

– Вручную. Где же денег наберешь на косилку. У меня же четверо мужиков, – Алька улыбнулась широко, – сказали – выкосим сами.

– Выкосят. Молодые-то, сыновья евовные, вон здоровые какне буган.

– Митя тоже, не смотрите на хромоту, он мужик так-то здоровый.

– Знамо дело, раз детей ишшо строгают, – хихикнула не зло соседка.

Алевтина, смутившись, ловко подхватывает коромысло, водружает на плечи, не расплескав ни капли влаги, и, выразительно выгибая стан в такт шагам, идет по пыльной улице.

– Мешавкино счастье, – слышит она в спину.

– Бедная Алька.

«Пусть говорят», – думает Алевтина.

Бабы вздыхают во след, и уже судачат о другом. Об этой истории все переговорено.

II

О счастливой семейной жизни книг не пишут. Всех интересует закрученный сюжет, интрига, что-то этакое жареное. Слезы, измены, а еще лучше смертоубийство «на почве ревности», чтоб мурашки по коже – вот чего ждет читатель; словом того, чего нет в в этой самой счастливой семейной жизни. И если счастливые семьи счастливы одинаково, то пути, по которым счастье просачивается в каждую ячейку общества очень даже разные: на одних оно обрушивается разом, словно манна с небес, и счастливую пару, объевшуюся дармовой каши, пробирает невесть откуда взявшийся разрушительный понос; а другие складывают свое тихое счастье по маленьким крупинцам, и радуются каждому дарованному Богом дню долго-долго.

«Жили-были», хочется продолжить дальше. Ну, что ж, хочется, так и поведем. Жили, значит, были в одном поселке молодая девушка красавица Алевтина и немолодой уже мужчина Дмитрий Матвеевич, изувеченный поездом еще в молодости и списанный с железки по здоровью. В железнодорожном поселке другой работы ему не нашлось, и стал он плести разные поделки из ивовой лозы. Да так у него ловко да споро получалось, что вскоре это увлечение стало кормить его. Перебивался так с хлеба на квас, потом молва о мастере облетела всю округу, даже в области заказы стали появляться, и зарабатывал бывало Дмитрий Матвеевич Мешавкин поболее, чем служащие железной дороги. Только труд этот был слишком тяжел: заготовить ивовые прутья надо, да вовремя, да ту еще иву, за которой бывало по десятку километров топать приходилось. И все пешком – это со своей-то клюкой негнущейся. Правильно обработать – надо, хранить правильно – надо. А сколько терпения нужно, чтобы всякие выкрутасы из той

лозы спроворачивать, да такие, что за душу берет, словно кружева какие сказочные, словно не из прутьев, а нитью золотой плетет. Женился Дмитрий поздно (за тридцать, однако, стукнуло) на доброй тихой девушке, и жили они также тихо. Народили троих сыновей. И все бы было хорошо да ладно... Но жена тяжело заболела какой-то женской болезнью, так же тихо, как и жила, умерла. Как мог пережил Дмитрий горе, как мог тянул нелегкую лямку один. Сыновья подросли, помощь от них осязаемая пошла, особенно, что касалось заготовок лозы. Они молодые, быстрые на ногу, носили лозу снопами с оцовских мест, а гот, водрузив смешно очки на самый кончик носа, занимался плетением «до одури», как иногда говаривали соседи.

Так вот: на другом конце поселка за это время вошла в возраст молодая красавица Алевтина, и вышла она замуж за самого славного парня Алешку. У них было свое счастье: громкое и голосистое, как утро майское. Часто слышали соседи перебранки меж молодых, но на утро – снова под ручку. «Молодые бранятся – только тешатся», – шептались люди. Трое дочерей-погодок родились как-то враз, как с неба упали. Шумно жили молодые, но с годами веселости поубавилось порядком. Пить стал Алешка. Покатилось все кувырком: с работы уволили, на другую работу не берут: молва быстро разошлась, не зря говорят, «как брехня по деревне». Позвал его на заработки однокашник на Север, куда-то на Ямал.

А через год получила Алевтина похоронку, как с фронта. Начальник прислал письмо, что так мол и так – замерз. Из деликатности, видно, не поведал истинную причину, но Алевтина и сама догадалась. Тут, как говорится, и к бабке не ходи. Ни разу денег не выслал хоть детишкам на конфеты, ни одного письма не получила Алевтина. Все узнавала через знакомых. Взревела поначалу молодая вдова белугой, билась, как рыба. Горе больно обожгло, глубокие рубцы остались в душе. Замкнулась Алевтина, сникла. На работу, с работы ходила торопясь, словно боялась чего. Сгорбилась, и потеряла ту молодецкую статью, что вабила к себе еще не так давно всех мужчин поселка.

III

Никто не знает, как случилось, что Алевтина перебралась в просторную избу-пятистенку к Дмитрию Матвеевичу Мешавкину. Судачили, будто на профсоюзном собрании, куда пригласили и бывшего железнодорожника Мешавкина, Алевтина, будучи профоргом, вручала ему подарок в честь дня железнодорожника – наручные часы, и что после праздничного застолья они уже не расставались. Ходили слухи, будто Алевтина заказала мастеру корзину для грибов, и он, сделав ей необыкновенной красоты плетенку, поразил молодую женщину прямо в сердце. Да мало ли слухов распространялось. А корзина та действительно существовала. Не раз видели с ней Алевтину. Все дивились работе мастера: надо же – розу выплел, как живую, на боку корзины,

да и в самой корзине плетение чудное какое-то применил – кружева будто сказочные.

Раз судьба свела их да повязала любовью крепкой, решили они сочетаться браком по всем, как говорится, правилам.

В ЗАГСе народу из приглашенных никого не было, свидетели разве что: хотелось тихо расписаться, к чему шум-то. Но шло в мешке не утаишь. Зевак набежало, что чуть забор не обрушили от такого любопытства. В окна зырят, диву даются, что же это делается: Алька, первая красавица за хромого идет. Пришлось сердобольной работнице государственного учреждения пустить всю толпу в залу. Сам Дмитрий Матвеевич разрешение дал:

– Пусть заходят, а то будто в замочную скважину подглядывают, – сказал жених и зыркнул на Алевтину.

– Пусть смотреть на счастье наше, не жалко, – звонко согласилась невеста.

Видно с тех пор и пошло: «Мешавкино счастье».

Пока стоят ручка об ручку, речь сладкую слушают – вроде пара, как пара, но стоит с места стронуться, как хромота жениха прыгает гадкой лягухой в глаза. И возраст, припудренный торжественной обстановкой, новым костюмом лезет наружу, обозначая разницу в годах. Ей на тот торжественный момент исполнилось двадцать семь, жениху через два года полтинник круглится.

– Нашел Дмитрий счастье свое, десять годов один бобылился.

– У Альки-то глянь как глаза блестят, лампочками светятся, – судачат меж собой бабы.

– А он тоже срамной – прилип своими губами к Альке. Нет, чтоб так для блезиру чмокнуть.

– Всурьез целуются.

– Может то любовь?

– Кака така любовь? Нужда заставила.

– Когда по нужде под венец идут, так не радуются.

Жених, словно уловил ухом бабские шепотки, молвил:

– Люблю я Алю, больше жизни люблю, не дам ее в обиду, – словно оправдывается перед народом.

– И я Митю люблю, мы же счастье свое нашли, – вторит ему Алька. Какое такое счастье, думают бабы, какая такая любовь?

IV

Алевтина с котомочкой вышла за калитку, и словно забыла что-то, снова взялась за штaketину. Возвращаться – плохая примета.

– Аня! – крикнула громко. На пороге появилась девчушка лет десяти.

– Что, мам?

– Бельё погладь – пересохнет, и Машу покорми, как проснется, да приглядывай за ей!

– Хорошо, мам!

На Алькин голос оглянулись бабы. Они все ещё не расходились. Видно шибко сурьезный разговор имелся.

– На сенокос бегу, – словно оправдывается Алька.

– Заждались тебя уже там мужики-то.

– Им обедать уже пора. Вон пирожков свежих испекла..., – Алевтина остановилась – не пробегать же мимо.

– Ты вот скажи, Алька, как тебе удастся так мужика держать, что он готов тебя во все места целовать? – спрашивает румяная Верка.

– Снова за свое! Завидно, что ль? – скрипнула пожилая соседка.

– Да нет, просто интересно.

– Что тут рассуждать, – Алевтина поправила белый платок, – я его не держу никак, мужики ведь только напускают на себя суровость: лоб морщат, брови насупливают, да басом рыкают, а как приласкаешь его, да приголубишь, так у него и глазки нежностью засветятся и голос бархатным станет.

– Знаем мы их мужиков-то. Имя спуску давать нельзя, одной ласки мало, имя и кнут нужен.

– То-то твой ходит, как зверь хищный, на людей бросается, намедни моего чуть не ухайдокал. Видно совсем кнутом-то заездила.

– Твой-то тоже хорош, – пошла в контратаку Верка.

– Ладно, я пойду, – Аля тихо отклеилась от разругавшихся баб. Никто уже не обратил на нее внимания.

Солнце печет немилосердно, стрекочут сухо кузнечики, высоко в небе радуются погожему дню жаворонки.

Вжик, вжик, вжик – ложится трава ровными рядками-валками. Первым идет отец, за ним сыновья. Загорелые спины переливаются налитыми мускулами. Засмотрелась Аля на такую красоту – ладится работа. Не сразу заметили косари свою кормилицу.

– Э-э-эй! Ваша мама пришла, молочка принесла! – весело выкрикнула Алевтина.

Как по команде остановились работники, вытерли косы скошенной травой, обступили Алевтину. Она первым делом налила квасу в кружки, сначала подала мужу.

– Ещё на часок работы.

– Быстро вы управляетесь, я думала и половину еще не выкосили? – удивилась Алевтина.

– Да с такими орлами горы свернуть можно! – отец гордо мотнул головой в сторону сыновей.

После обеда легли в тени отдохнуть.

– Не простыньте, – заволновалась Алевтина, – подстелите что-нибудь... Распарились.

У

Потом думала Алевтина: «Накаркала». Простыл-таки Дмитрий. Сначала так – недомогание какое-то навалилось. Думал поначалу,

может от усталости. Потом зазнобило: неладно же в такую жару вдруг делается зябко, да такая слабость наляжет, что и шевельнуть рукой неохота. Сначала еще ходил с ребятами сено ворошить, а на третий или четвертый день не смог. В боку закололо, дыхалка сбилась. Вызвали фельдшера. Послушала она, глаза округлила, дрожащими руками нашарила в своем саквояже бумажку с печатью, нацарапала непонятным почерком направление в больницу, сделала укол от жару.

– Немедленно ложиться в больницу, – сказала строгим, не терпящим возражения голосом.

– А что у него? Диагноз какой? Что-нибудь серьезное? – начала сбиваться Алевтина.

– Плеврит. Ему откачку нужно делать жидкости из плевральной полости, – научно объяснила фельдшерница, заметно волнуясь.

Это волнение опытной фельдшерницы тоже не ускользнуло от внимательной Алевтины. Заколотилось сердце, почувявшее беду.

– Мы сейчас же, немедленно, только соберемся, – затараторила Аля.

– Машину я пришлю, если шофер куда-нибудь не запропастился, собирайтесь, – фельдшерница уже была на ходу.

«Хоть бы не запропастился, – мелькнуло в голове Алевтины. – Хоть бы не запропастился».

– Че ты так убиваешься, Аля, будто хоронить собралась, – тихо молвил Дмитрий, когда уложился в носилки.

– Не говори таких слов, – и пристально посмотрела ему в глаза, – помирать тебе никак нельзя.

– Нельзя, я знаю, а значит и не умру, – прошептал он как-то неуверительно.

«Сказать ему сейчас или не стоит», – засомневалась Алевтина. Потом решила, что ничего сейчас говорить не будет. Мало ли, а вдруг холодных соленых огурцов ей захотелось просто от жары нестерпимой, вдруг тошнит не от того, а просто от работы непосильной и голова может от того же кружиться. Но то был самообман, на который мы часто себя обрекаем, чтоб легче неожиданности всякие перенести. Знала ведь Алевтина о своей беременности, конечно знала, но ставить мужа в известность в столь невыгодных обстоятельствах не стала.

Увезли Дмитрия в область.

Опустел дом: вроде только одного человека нет, а стало пустынно и одиноко Алевтине. Не пройдет и минутки, чтоб не вспомнила о своем Мите. Съездить в область не найдет никакой возможности: то на дальний сенокос стожить поедут, то на ближний; да погода одурела – дожди заладили, на поводке коротком держат: только успевай хоть по маленькой копешке в день да спроворотить. Зато звонить каждый день бегает.

– Что ты трыщешься каждый день, – уже обижается фельдшерница.

Связь с областью неважная, и ей приходится по часу, а то и два терять, чтоб дозвониться в отделение. А там тоже не шибко привечают, нагрубят еще, да обхают, что мол каждый день спрашиваете. Из реанимации перевели в общую палату, идет на поправку, радуйтесь, мол, и не тревожьте так часто, без вас, мол, забот полон рот. Так месяц миновал, другой начался. Изредка фельдшерица весточку добрую передаст – идет на поправку. Несколько раз удалось с водителем передать чего-нибудь домашнего, надоели там поди казенные харчи. Хотя и знала Алевтина от водителя, что кормят хорошо.

Сенокос кончился, заготовки пошли: огурцов-помидоров закрутить, варений разных наварить, благо, что все уродилось. Опять же – хозяин постарался: его рукой все посажено. Солит огурцы Алевтина, непременно подумает: «Митя любит, чтоб огурцы с помидорами в одной банке», и рецепт выбирает тот, что мужу по нутру. Все угодить ему охота. Вот он приедет из больницы и будет она его потчевать всякими вкусностями.

– Мама, – кричит с улицы доченька младшая, – варенье будем варить из клубники?

– Нет, доченька, папа любит засахаренную.

– А я хочу варенье.

– Хорошо, дочь, и варенье сварим. Ягод-то много.

И так во всем: прежде о своем Мите подумает. Будет Мите добро и детям добро воздастся.

Черт ее дернул в тот день в больницу припереться. Не менее, однако, часа не могли дозвониться в областную больницу.

– Как там наш Мешавкин? – спросила фельдшерица в трубку.

– Сейчас посмотрим...

– Новенькая какая-то, – сказала фельдшерица Алевтине, – закрыв ладошкой трубку. Сейчас посмогорит. – Да, слушаю... Мешавкин, да.

Инициалы? Д.М... Дмитрий Матвеевич... Как?, – глаза фельдшерицы округлились, подбородок мелко задрожал.

– Что с ним? – взревела Алевтина. – Что?

– Умер. – и трубка выпала из рук.

VI

Когда ниточка счастья рвется так неожиданно, человек не в состоянии оценить происшедшее. Не вырвалось из горла смертельно раненной Алевтины душераздирающего рева, не упала она без чувств, только тихий стон нарушил тишину больничного кабинета.

Тихо, без рева добрела она домой, тихо сообщила о постигшем горе детям. И они так же тихо восприняли недобрую весть, тихо завсхлипывали, засопели носами и тихо плакали до самой темноты, не в состоянии проронить ни слова.

К обеду следующего дня уже сделали гроб, крышку украсили плетеными заготовками, найденными в мастерской отца. Ехать за мужем

Алевтина решила сама. Порывались сыновья, но слово ее осталось твердым.

Нерадостная картина: в машине скорой помощи гроб, а на переднем сидении, рядом с водителем, женщина с черным челом, в черном платке и в черном одеянии.

– Не приведи господь, Мешавкино счастье, – шепчут бабы, крестясь провожая машину.

«Не успела сказать Мите... Так и умер, не зная, что будет у нас еще один Мешавкин. Как же так? Как мог он умереть? На поправку, на поправку... Вот тебе и «на поправку». А может то – ошибка?», – вдруг вспыхнуло в ее воспаленном мозгу. «Нет. При мне же звонила... И фамилию и инициалы спросили...».

Водитель молча вел машину. Уже подъехали к переезду.

– А вон вроде Дмитрий Матвеевич идет, – сказал он удивленно.

Не узнать Мешавкина было нельзя. Так характерно хромал только он.

Алевтина не слышала его, мимо ушей пролетели слова. Удрученная горем женщина не смотрела на дорогу, она лила тихие обильные слезы, промокая невидящие глаза мокрым платком. Но что-то будто шевельнулось в груди, не в уши, прямо в мозг, видимо, слова попали. Она подняла просушенные глаза и замерла.

– Остановись, – приказала она твердо. Это был он несомненно. Алевтина не страдала слабым рассудком, ей никогда ничего не казалось, она не верила в разные там миражи. Она видела явно своего мужа.

– Остановись, – повторила она. – Разворачивайся, дай знать детям, гроб увези куда-нибудь и сожги. Голос не дрожал. Она сдернула черный платок, черный пиджак, бросила водителю в руки.

– И это сожги. Все, уезжай, уезжай же! – уже с дороги крикнула она обезумевшему водителю и направилась навстречу своему счастью.

– Здравствуй, Алечка, здравствуй, милая, – Дмитрий обнял нежно свою любимую.

– Здравствуй, Митя. Дети ждут тебя. Мы все соскучились.

– А как я соскучился... А слезки почему?

– Так то – от радости. От радости ведь тоже плачут, – и она разревелась уже не сдерживаясь, – у нас ведь еще один будет – Аля, всхлипывая, погладила живот.

– Ничего, прокормим, милая. Это ведь добрая весть, не плачь. У нас в палате, представляешь, тоже Мешавкин лежал Денис Михайлович. Думал – родня, но нет, просто однофамилец. Хотя говорят, что все однофамильцы, если покопаться окажутся родственниками. Умер: рак у него оказался... А как ты узнала, что меня выписали?

– Звонили...

Виктор КОЗЛОВ

Родился 15 июня 1937 года в селе Овчинниково Косихинского района Алтайского края. Окончил Уфимский нефтяной институт. Первые стихи опубликованы в 1962 году в газете «Тюменская правда». Автор поэтических сборников, документальной прозы, очерков, рассказов. Член Союза писателей России, лауреат премии губернатора ХМАО за 2005 год. Живет в городе Мегионе.

• С 70-летием!

Виктор Николаевич – геолог, связавший свою жизнь с разведкой недр нашего края. Его признание: «За свою жизнь я износил больше болотных сапог, чем туфель».

В сегодняшнем обилии «поэтической» белиберды, стихи Виктора Николаевича греют сердца. Не хочется в сутолоке выхватывать отдельные строки его, а представим читателям возможность самим прикоснуться к новым произведениям.

***

Я тебя забывать погожу:
Ещё пахнут тобою подушки,
И волос твоих солнечных стружки
То и дело ещё нахожу...
Я тебя забывать погожу.
Я тебя забывать погожу...
Не подумай, что просто не в силах!
Специально твой маленький снимок
Я в нагрудный карман положу
И тебя забывать погожу.
Я тебя забывать погожу,
Хоть, наверно, не свидимся боле...
Я с тобой перейти думал поле,
Да, видать, не осилил между,
Но тебя забывать погожу!
Я тебя забывать погожу...
Но и так убиваться – не дело!
Будет трудною эта неделя.
Что скрывать? Всё понятно ежу!
Потому я чуть-чуть погожу.
Погожу...
И в окно погляжу:
Облепили рябину синицы...

Ах, как хочется вусмерть
Напиться...
Но пока погожу.
Погожу.

ЕЩЕ ЗАУТРИЕ

Еще заутрие... На грани дня и ночи
Ты брови соболиные не хмурь.
В твоих глазах берлинская лазурь,
Туманиться слезой она не хочет.

В оглохшей мгле поет осипший кочет,
Соблазны прогоняя, хмель и дурь...
В твоих глазах берлинская лазурь:
Она с рассветом будто мироточит.

В твоих движениях плавность и размах,
В стенаниях твоих весенний голод.
Не выснил ещё сибирский холод.
Берлинскую лазурь в твоих глазах.

Твой смех грудной так беспричинно молод!
И так мила улыбка на губах!

В ХАНТЫ-МАНСИЙСКЕ

Посвящается жене Галине Ивановне

Сейчас весь городок в дремучем инее,
и улица, как сказочный тоннель...
...На тихом теплоходе местной линии
мы здесь бывали в свадебном турне.

Нас бабка Марья, траурно-угрюмая,
приветила, как бабушка Яга.
Пила ликерчик из граненых рюмочек
и часто вспоминала старика.

Пекла на завтрак «драные» оладушки,
жалея, что мы с нею не родня...
Тебя она звала степенно: «матушка»,
и несолидно: «дитятко» – меня...

Гадала нам она деньки весёлые,
себе брала разлуку и тугу...
...В сердцах сбиваю синий иней с ёлок я:
в долгах я перед тобою – как в снегу...

ОДНОЙ ЛЫЖНЕЙ

Не приревнуй к сопернице своей,
Ведь я твоя навеки половинна.
Давай с тобой на лыжах от людей
Уйдём, Галина!

В тайге морозной вновь в самих себя
Мы обратимся на лыжне старинной.
Я там сильнее чувствую тебя.
А ты, Галина?

Со склона вниз – и в гору в тот же миг!
Влюбленные – два вечных пилигрима.
Вот так и в рай бы вместе – напрямик!
Войдём, Галина?

ЖУРАВЛИ

Под окнами гроздь рябины
Последним огнем занялись.
С хорошим прогнозом с осины
Румяный снимается лист.

Я в добрые верю приметы.
Я знаю: чем позже от нас
Уносят пернатые лето,
Тем в зиму сугревнее наст.

И все же, как прежде, с тревогой
Гляжу я в лиловую высь:
Дай Бог, чтобы ясной дорогой
На юг журавли подались.

Молю, чтобы ранняя вьюга
Их клин обошла стороной.
И чтобы весной они с юга
Опять воротились домой!

В КРЕЩЕНСКИЙ МОРОЗ

Стекла в окнах балка –
Вроде плотного белого фетра.
За стеною зима
Продолжает вовсю лютовать.
Хоть бы каплю тепла
Иль перо сыроватого ветра:
Дай Бог, к Сретенью лету
Хотя бы писульку послать.
А мороз, будто спирт,
Леденит, обжигает и сушит.
Так и лезет с иглой
В потаенные недра нутра.
На открытом яру
Каменеют и губы, и души.
Вот когда нет милей
Ничего,
Кроме пыла костра!
Постою у огня –
И на время про возраст забуду.
И привидится мать,
Как вела меня в храм на заре.
На далеких крестах
Солнце плавило божью полуду.
И крещеным домой
Возвращался я – в свой Назарет.

***

Я тебя искал в багрянце осени,
В шорохе пурги над головой.
Ты же опустилась, как из просини,
На моей дороге кочевой.

Эхо ль моё долгое аукало, –
Только ты лыжню ко мне вела.
Знаю, это ты меня баюкала,
Кружевную сеть свою плела.

В чёрном небе звёзды белым клевером,
Вытывая, падали в снега.
Я тебя нашёл на нашем Севере,
Оттого ты мне и дорога...

Ольга КОРОСТЫЛЕВА

Родилась в 1962 году в городе Сызрани Самарской области. Окончила Тюменский индустриальный институт и Московский государственный университет. Стихи начала писать со школьной скамьи. Член городского литературного объединения «Замысел». Живет в Нижневартовске.

ПИСЬМО МАМЕ

Напишу письмо я маме:
Милая моя!
По тебе всегда скучает
Доченька твоя.

Здесь за окнами морозы
Да метель поет,
И что в нашем теплом доме
Кот «гостей зовет».

Что в тайге у нас такая
Благодать и тишь,
В колыбели засыпает сладко
Мой малыш.

Как ты там живешь, не знаю,
Плохо без меня?
Как я по тебе скучаю,
Милая моя.

Не грусти, ведь после стужи
Вновь придет весна.
Вместе с детками и мужем
Буду у тебя.

Вишня, цветом опьяняя,
Постучит в окно.
Как не виделась, родная,
Мы с тобой давно.

Нас Мухтар, хвостом виляя,
Встретит у крыльца,

Огласится звонким лаем
Улица моя.
Все соседки пожилые
Выйдут ко двору,
Я спрошу их о здоровье,
Клюквой угощу.

Каждая из них обнимет,
Спросит: «Как дела?»
И порадуют, что дочка
Вылитая – я.

Папа баньку нам истопит
И нальет вина,
И до самой ночи поздней
Буду я хмельна.

Не вином хмельна, любовью
Дорогих людей,
Малой родиной своею,
Улицей своей.

Гренада КУЗНЕЦОВА

Родилась в 1945 году в городе Омске. Окончила Иркутский государственный университет. Писать стихи начала в школьные годы. Член городского литературного объединения «Замысел». Автор сборников стихов «В дороге», «На дорогах», «Дней удивительный поток», «Весна останется при мне», «Звуки вечные», «Страна родная». Живет в Нижневартовске.

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Белые ночи. Цветенье рябин.
Тонкий плывет аромат.
Мой Нижневартовск, Севера сын,
Летний обрел наряд.
По переулкам ансамбли берез
Плавный ведут хоровод.
Верба, стесняясь распущенных кос,
Скромно, неброско цветет.

РОДНИЧОК

Из глубины прорвался
И течет
Голосистый, звонкий
Родничок.
Естественном пленяет,
Чистотой,
И своей задумкой
Непростой:
Напоят немногих.
Чтоб века
Не забыли вкуса
Родника.

ИЗ КРУГА

Выйду сегодня из круга
Забот обозначенных,
Как в невесомость, неслышно
Шагну за порог.
Сразу лучами летящими
Буду подхвачена

Над суетою моих
Беснабашных дорог.
Ветками мне тополя
Замахали доверчиво,
Даже ворона мне новый
Напела мотив.
С неба потоки струятся
Пречистые, вечные,
Радостным трепетом
Душу мою охватив.
Все мы судьбою на круги
Своя размещенные,
Движемся, хмурые, голову
Долу клоня.
Кружимся белкой,
Решая проблемы никчемные,
Не замечая норой
Уникальности дня.

***

Вся весна у меня на ладони –
Под окошком бушует цветенье.
Неожиданно так повезло мне:
И черемухи цвет, и сирени
Наплывают и днем, и ночами
Благовония, как для царицы...
Я награду за что получаю?
Удивленье мое без границы...
А потом лепестки мне под ноги
Полетят, путь ковром устилая...
Это много для счастья! Так много!
Что вы, что вы, да кто я такая?

ОТЕЦ И ДЕТИ

Между прошлым и будущим
На камне межевом
Сидел старик, задумавшись
О горестном своем.

Вонзались в душу крючьями
Вопросы. Их не счесть...
И ранили, и мучили...
А где ответ? Бог весть.

Хотел найти он у детей
И крышу, и тепло.
Вихрь перестроек налетел,
Разнес его село.

Три сына, три кровинушки...
Как вспомнит – в горле ком.
Три сына, три кровинушки
Встречали холодком.

Все сыновья разбросаны
По весям, городам.
Всех он объехал, спрос один:
«Отец, ты что нам дал?».

«Зачем не мне, а старшему
Отдал ты иол-избы? –
Так средний жестко спрашивал,
– Я это не забыл!».

А старший: «Зря для среднего
Корову ты продал!
Где институт? Да бредни все,
Он деньги промотал.

И младшему напрасно ты
«копейку» подарил,
Он месяц на ней праздновал
И по ветру пустил».

А третий разговаривал
Нахмурясь, злобно так:
«Ты старших всем одаривал,
А я – Иван-дурак!»

«Простите, дети, не искал
Я легкого пути,
Всегда и сеял, и пахал,
На что и вас растил.

Достойной жизни не добыть
У нас своим трудом,
К ней пробиваться, как носить
Водичу решетом...

У сыновей достатка нет,
Нет у меня села...
Найди теперь той силы след,
Верни все, что смела...

Ты отвяжись, худая жизнь,
Два раза не живем...».
Сидел отец, задумавшись,
На камне межевом.

РЮКЗАК

Напрасно ты грустишь, походный мой рюкзак,
И крылья-лямки опустил безвольно.
Все кажется тебе, что мною ты забыт,
И навсегда пристанище в чулане...

Мой давний друг, оставь свою печаль.
Как мне тебя забыть: в душе ты сохраняешь
Призыв дорог, восторги восхождений,
Уверенность шагов отчаянных друзей.

В тебе родных просторов вольный дух
От моего Алтая до Камчатки,
Дыханье рек могучих, величавых,
Шум водопадов горных, звон ручьев.

В тебе задорный смех и песни до небес,
Летающие на языках костров вольготно,
Сверканье зарниц, влюбленных взглядов нежность,
Какой же кладезь ты в душе хранишь!

Забудь свою печаль, походный мой дружок,
Мы соберемся с верными друзьями.
Ты вскинешь крылья! Умостишься на плечах.
И дух захватит даль за горизонтом!

К ВЕСНЕ

Здесь, на северной широте, первое марта для меня долгожданный день. Именно с первого дня я вдохновляюсь весной. Отошли ядреные морозы, а мартовские очень трусливы. Ночью они хорохорятся. Бывает, придавит градусник под минус двадцать... Солнце появится – они на попятную.

Еще в сугробах, по обочинам дорог не заметишь черных кружев, вышитых лучами, но по кромкам лесных болотистых мест и по берегам реки вербы уже зарумянились. И такое сияние льется от сугробов, словно запевают они свою последнюю лебединую песню сезона.

В солнечный полдень синицы и воробьи рассаживаются на «нотные строчки» деревьев. Слаженно начинают разучивать кантату «Весне – дорогу». Слушая их, самый закоренелый пессимист скажет: «Берет свое весна!»

НЕУКЛЮЖАЯ ОСЕНЬ

Я не помню подобной осени. Нынче она похожа на нерадивую кухарку: суетлива, путает блюда, разогревает не ко времени.

Только снег уляжется, не успеет закрепиться – уже растаял. Лужи. Грязь кругом, слякоть. Тут бы снега; снега... Ан нет! Ударят морозы. Город превращается в опасный каток. Что творится вокруг! Пешеходы нащупывают твердь, как неумейки на канате. Падают, вскрикивают. Тревога в сердцах, тревога тучей над городом висит.

На трассах машины от пробки до пробки ползут, как неуклюжие жуки по стеблю. Их разворачивает, кренит то вправо, то влево.

Недоумевает ноябрь, мучается природа. Воробьи, синицы, голуби садятся на мой подоконник. Взъерошенные, нахохленные. Крутят головами, словно спрашивают: «Что такое?». В это время Обь уже плотно застегивает на себе пушистую горностаевую шубу, а сейчас лежит, как тулуп с прорехой во всю спину.

Я иду, выверяя каждый шаг, как по сырому бревну через ручей. Я бормочу вместе с осенью: «Где снега, где морозы?»

Борис РОМАНОВ

Родился 24 сентября 1964 года в городе Владивостоке. Окончил Нижневартровский государственный педагогический институт. Член Союза журналистов России. Стихи пишет давно. Член литературного объединения «Замысел». Автор сборника стихов «Осенний ветер». В настоящее время живет в Москве.

ГОРОД-ПТИЦА

Была радость, была злость,
Тонны нефти, тонны нота.
И откуда что взялось?
Вырос город на болотах.

Вырос город, да какой!
Словно сказочная птица.
Кажется, взмахнёшь рукой
И всё это растворится.

Но среди речных долин
Не исчезнет дивный город.
Нижневартовск, я твой сын
До чего же ты мне дорог!

МОЙ ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК

Мой город – свой парень.
Пусть нравом непрост,
Такого не взять на арапа.
Российская стать и широкая кость,
Взгляд – вольный, и не без нахрапа.

Спокойно и властно он встал сапогом
На обский возвышенный берег.
А мир очень древний и мудрый кругом
Ему уступил и поверил.

Доверие город к себе оправдал.
Хоть был он, по сути, шпанюю.
Своё где умом, где характером взял,
Где просто отвагой шальною.

А молодость вовсе ему не порок –
И весельчаку и задире.
Таков Нижневартовск. И я бы не смог,
Найти ему равного в мире.

ВЕСЕННЯЯ ХАНДРА

Весна. Свистят ветра в Сибири.
Хандра слабит, туманит взор.
Всё от бескрайней этой шири,
От блеска рек, ручьёв, озёр.

От синевы небес весенних,
От глупых мыслей, красок дня,
От приступов вселенской лени,
Что ежегодны у меня.

Я не могу никого видеть.
Ни слушать, ни соображать.
Ни петь, ни пить, ни ненавидеть.
На всё мне, в общем, наплевать.

Хочу я просто так, без цели,
По берегу Оби шагать.
Смотреть на золото капели.
И талый снег ногой пинать.

И с острой грустью я жалею
Свою судьбу, свою страну.
Вот так хандру свою лелею,
Я, братцы, каждую весну.

Александр КАЛИНЦЕВ

Родился 14 августа 1956 года в Красноярском крае, республике Хакасия. Работает в ОАО «ТНК-Нижневартовск». Публикуется в городской и региональной печати, коллективных поэтических сборниках. Член литературного объединения «Замысел». Живет в Нижневартовске.

МАМИНА ВОЙНА

Рассказ

Утром Иранда взяла с собой Элю, и они пошли по пешеходному мостику на другую сторону, к вокзалу. Внизу пыхтели паром паровозы, суетились осмотрщики вагонов, кочегары заправляли свои машины углем и водой. «Где-то здесь и мой дедушка», – подумала девочка. Вниз на пути спускаться запрещалось. Всюду были надписи: «Внимание! Проход запрещен! Стреляют без предупреждения!» Едва они одолели лестницу и уже шли к вокзалу, как ражне¹ гитлеровцы стали сгонять всех прохожих к кинотеатру «Ударник». «Облава», – подумала поначалу Иранда. «Аусвайс» у них с дочерью был в порядке и она не беспокоилась. Регистрацию они прошли в прошлом месяце, и теперь советские документы украшала печать с орлами и свастикой. Но оказалось, что Иранда ошиблась.

Когда они подошли поближе к «Ударнику», то увидели три виселицы на дощатом помосте из свежеструганных досок. У Иранды по спине пробежал холодок. Она впервые видела это средневековое строение. Сжала покрепче руку дочери и прошептала:

– Господи... Доченька.

Ей было шесть лет, когда белые вешали ее отца. У них не было времени строить помостов, да и не из чего. Собирались вешать на «тютюнке», куда Ирка-сорванец любила лазить. Всю семью выгнали во двор и заставили смотреть. Уже закрепили веревку, завязали руки... Да по воле божьей, не успели, с севера, от Ростова на хутор налетела красная сотня. Иранда помнила, как блестяли на солнце их клинки, как побледневший отец сидел безмолвно под деревом, разглядывая своих детишек, пристально, так словно видел их впервые... Отец отказался вести паровоз и чуть не поплатился за это жизнью.

Она очнулась. Остро и свежо пахло деревом, редкий запах для степного края. В толпе шептались:

– Кто-то из наших постарался. Вот сволочи.

– Прихвостней хватает, – отвечал другой голос.

¹ражне – сильное возбуждение, неистовство.

Дамочка рядом с Ирандой безучастно шелкала семечки, изредка стряхивая шелуху с модной когда-то кофты. Ее маленькие пороссячы глазки из-под опухших век, казалось, впивались в увиденное. От ее неприятного взгляда холодило между лопаток, и Ира отвернулась.

К зрелищу готовились основательно. Суетился бургомистр с начальником полиции. Полицейки винтовками отталкивали столпившихся людей, оставляли коридор для прохода к виселице. Бургомистр лез из кожи. Накануне комендант дал ему ключи от квартиры:

– Ты, Хмелевски, виерно слюжишь.

И теперь ему пришлось отрабатывать подарок.

Вдруг Иранда вздрогнула. Среди полицейских она увидела друга своего брата. «Это же Валентин Руденко, что он здесь делает?» – подумала она и молча, глазами, поздоровалась. Руденко был начальником мастерских и совсем недавно приходил к ним в гости. «Брата забрали в гестапо, а этот в полициях, ума не приложу, что думать», – вертелись мысли, не находя ответа. День с утра оказался насыщен событиями под завязку.

Подъехала машина. Из нее вывели троих мужчин. Избитые, в садинах и кровоподтеках, босые в нежаркий осенний день – они вызвали сострадание. Иранда дрожащей рукой прижала дочку к себе. Девочка ничего не спрашивала, лишь иногда ее худенькое тельце нервно вздрагивало.

У одного приговоренного в руке была труба. Она выглядела странно и казалась здесь лишней. Но взглянув на цепкие пальцы хозяина, на солнце, отражающееся в полированном боку трубы, становилось понятно, что она придавала уверенность. Этот человек жил музыкой и умереть готовился с «другом» – трубой в руках.

– Музыканта за что? – зашептала взволнованная толпа.

Женщина с глазами-сверлилками, смахнув с брыластых губ шелуху, сказала громко:

– Это учитель няня из сорок пятой школы. Надуделся, гад!

Иранда тоже узнала этого человека. Ведь совсем недавно под его музыку кружились пары в городском саду. Он был руководителем духового оркестра, и многие в летний субботний вечер приходили послушать завораживающие звуки музыки. Послушать и потанцевать. Полонез Огинского был визитной карточкой оркестра. Вспоминая, Иранда непроизвольно зажмурила глаза: «А ведь я с Виктором познакомилась на танцах, мы танцевали танго... «Рио-Рита», кажется... нет... «Брызги шампанского»... Где ты сейчас, мой милый Витюша... помнишь ли о нас?»

– Мам, – Эля тихонько дергала ее за руку. Иранда открыла глаза, дочь смотрела вопросительно и, отвечая, она прошептала:

– Ничего, допя, скоро домой пойдём.

Она сжалась от страха и бессилия, когда вновь посмотрела на эшафот. «Как жаль, что ничем нельзя помочь... каждый день ждешь от них

какой-либо пакости или насилия, когда они гогочут за спиной, делая неприличные жесты... как жить дальше? – собственные мысли ничуть ее не радовали.

Коммунистов, оставшихся в подполье, кто-то выдал, и сейчас их подводили к последней черте. Послышалась команда, и мужчины поднялись на скамью. Мордатый полицай из уголовников, ухмыляясь, накидывал петли на шеи. Другой головорез привязывал веревку к скамейке, где стояли приговоренные. Теперь в его руках были три жизни. Палач хотел отобрать инструмент у музыканта, но тот схватился двумя руками...

– Пусть... недолго осталось, – сказал бургомистр, заметив неравную схватку.

– Внимание! Внимание! – раздалось на площади. Толпа затихла. Фридрих Зиберт – комендант города – расставил широко ноги и прокашлялся, затем стал читать приказ, а маленький человечек в круглых очках быстро переводил:

– ... за организацию взрывов на станции «Кавказская» приговариваются к смертной казни через повешение.

Толпа зашевелилась, послышался стон, плач, ругань, кто-то сорвался в крик, не выдержав этой дикости:

– Собаки, ироды, будь вы прокляты...

Гитлеровцы, прижав автоматы к животам, нацелились в толпу, и ждали только команды.

– Кровопийцы, душегубы! – ярился ветхий дедок и шарил по карманам выцветшей шинели времен гражданской войны. Последние пятнадцать лет он побирался у храма и его знали почти все жители города. Звали его дед Михно, но за то, что он клял всех и вся, получил прозвище Махно, с тем и жил, добывая харчи подаянием. Когда пущенный им кусок замшелого сухаря полетел в немцев, над головами «запели» пули. Тупорылый автомат «татакал» невыносимо громко, многие попадали на землю. Деда Махно кто-то в сердцах дернул за шинель, и он повалился на землю. Затем послышались ругательства:

– Ну, Махно... пень трухлявый...язви ты в шары... из-за тебя, дурака, людям беда будет...

Иранда тоже пригнулась, закрыв собой дочку.

Стрельба затихла. Стояла страшная тишина, лишь изредка нарушаемая сопеньем и шмыганьем чьего-то простуженного носа. Иранде показалось, что природа остановила свой вечный бег.

Что-то пролаял комендант переводчику, и тот, сломя голову, кинулся к виселице, подскочил к учителю и, глядя мимо него, куда-то в сторону, сказал:

– Господин майор желает, чтобы вы исполнили «Интернационал».

Вражеский приспешник не взглянул в глаза музыканту, смалодушничал. Учитель смотрел на волнующееся море людей, пристально, словно стараясь запомнить их лица навсегда. Смотрел сверху, лица

были все больше женские, старые и молодые, незаметно сливались в одно лицо, то ли матери, то ли жены. Простоволосая, с добрыми черными глазами, с мольбой глядящими на него. Ему почудилось, что ее губы шептали: «Прости».

Музыкант перевел взгляд на небо, поднял трубу, прикоснулся губами к мундштуку, и она заговорила: «Вставай, проклятьем заклейменный...». Да так проникновенно, что люди на мгновение забыли, где они находятся. Волшебные звуки заполнили округу. Труба говорила голосом музыканта. Люди стояли, сжав кулаки, их губы шептали, вторя ему: «Кипит наш разум возмущенный...».

Офицер, поняв свою оплошность, начал размахивать руками и что-то кричать, но музыкант ничего не замечал. Он выводил свое прощальное соло, в нем жила только музыка. «Это есть наш после...» - начала припев труба... Выдернутая из-под ног опора оборвала прощальную песню на высокой ноте и народ вздрогнул, выйдя из оцепенения. Послышались всхлипы и стоны.

Пальцы Трубача еще привычно сжимали инструмент в опавшей руке, но жизнь уходила туда, к небесам, и труба, блеснув начищенной медью, упала на помост. Эшафот стал памятником.

Маленькая Эля не видела, как затянулась безжалостная петля, и как чудовищно-синий язык вылез изо рта. Ираида закрыла глаза девочке рукой, прижала ее к себе, но та на всю жизнь запомнила человека у виселицы с трубой. Все нотки трубы последнего соло были пронизаны жаждой жизни и верой, что народ выстоит и победит.

Зинаида ТАРАСОВА

Родилась в 1958 году в поселке Шахтерский Боково-Антрацитовского района Ворошиловоградской области. Окончила Тюменский государственный институт искусств и культуры. Стихи пишет с 1970 года. Живет в Новоаганске.

НАУЧИ НАС, ГОСПОДИ

Научи нас, Господи, молиться,
Чтоб молитва теплилась в груди.
Чтобы перестали люди злиться,
Веруя в спасенье впереди.
Научи нас, Господи, молиться!
Как молились древние отцы.
Заставляя грешников виниться,
Принимая вечные венцы.
Научи нас, Господи, молиться,
Каменное сердце сокруши.
Дай слезами совести умыться,
Очишая тайники души.
Научи нас, Господи, молиться,
Пред Тобой колени преклоня.
Научи прощать, любить, крепиться
Никого не обвиняя, не кляня.

РОЖДЕСТВО

Наступило Рождество.
Снегом тропы занесло.
От нарядных стройных елок
На душе светлым-светло.
Святки нынче на дворе
Эх, раздолье детворе!
Христославят, колядуют
На вечерней на заре.
По поселку тут и там
Слышен детский шум и гам.
С Вифлеемскою звездой
Ходят дети по домам.
Сохраняя суть традиций,
Что от предков перешли
Наши дети, наши внуки
В Рождество опять пошли

Славить Господа Иисуса,
Жизнь во веки прославлять,
Чтобы свет звезды с Востока
Мог всегда в душе сиять.

***

Осенний лист душисто-горьковатый
Слетает вниз и под ногой шуршит.
Но бабье лето пахнет еще мятой,
И свежий ветер щеки молодит.
А лебеди нестройно тянут к югу,
Горит багрянцем в вечеру закат...
Еще немного – и седая вьюга
Укроет саваном белесым все подряд.
Но это скоро. А сейчас светлеет
Душа при виде зарева рябин
И бабье лето мое сердце греет
Пьяняще жарким всполохом любви.

Светлана КОТОВИЧ

Родилась в январе 1951 года на станции Игра в Удмуртии. Окончила Тюменский государственный университет. Работает в отделе рекламы газеты «Местное время». Автор сборника стихов «Я просто женщина». Живет в Нижневартовске.

НИЖНЕВАРТОВСКУ

Люблю, как мать единственного сына,
Как лучшего мужчину из мужчин.
Люблю за статью, суровость исполнина.
Красив ты и неповторим.

***

Я иду тропинкою исхоженной,
Ивы над рекой грустят в тиши.
Столько дней на месяцы помножено!
Времени не скажешь: не спеши!
И закат прекрасною газелью
Скачет над водой по небесам.
Я, как в детстве, слышу запах хмеля.
Верю необылнам-чудесам!

БЕССМЕРТИЕ

Будут также шалить зарницы
И шептаться ромашка и мята...
А кому-то жар-птица приснится...
Будут правые, виноватые...
Ах, как жалко, что короток век,
Что меня среди живых не окажется.
Жаден к жизни всегда человек:
Триста дай — он от них не откажется.
И откуда дела возьмутся —
Будет так же бежать, спешить.
И успеет опять ужаснуться:
«Пролетела, промчалась жизнь».
После нас останутся дети,
Книги, знания и цветы.
Мы совсем не умрем, поверьте,
Только в памяти наше бессмертье.

Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ

Родился 5 августа 1961 года в городе Отрадный Куйбышевской области. Окончил Куйбышевское техническое училище железнодорожного транспорта. Писать стихи и прозу начал сравнительно недавно. Член городского литературного объединения «Замысел». Живет в Нижневартовске.

МАГИСТРАЛЬ

Таежными просторами
в заоблачную даль
Легла навстречу солнцу
стальная магистраль.
Среди болот и топей,
Пройдя через тайгу,
Ты доставляешь грузы
и в стужу, и в пургу.
Задором молодецким
полны твои дела,
Суровый край Тюменский
согрела, обжила.
А служат здесь достойные,
открытые сердца.
И всё в минуту трудную,
доводят до конца.
На подвиги готовы,
И цель у них одна:
Чтоб Родина могучая –
Ещё сильнее была!

ПАНТЕЛЕЙ

Рассказ

Пассажирские поезда не жалуют этот железнодорожный разъезд, они проносятся мимо на высокой скорости, и мало кто из пассажиров успевает разглядеть красоты местной природы. Единственный поезд, с одним вагончиком, в народе называемый «бичевоз», ежедневно отмечается здесь, высаживая или забирая редких дачников, чьи немногочисленные домики расположились на косогоре, да любителей природы, собравшихся побродить по окрестным лесам в поисках её даров.

Пантелей уже не первый раз, вырвавшись из шумного пыльного города, ехал сюда соприкоснуться с прекрасными местами. И каждый раз волнительно ожидал от встреч с природой новых впечатлений. Верный пёс, немецкая овчарка, ещё минуту назад мирно дремавший у ног хозяина, начал суетиться, чуя приближение станции.

А когда поезд начал тормозить, радостно взвизгнув, вскочил со своего места, заглядывая в глаза хозяину с немым вопросом: «Ну что, приехали?»

– Не заблудитесь, путешественники, – крикнула им вдогонку дородная проводница, закрывая фартук тамбура отправляющегося поезда.

Глазу открылась бескрайняя пойма Ёгана, широта и безграничье которой завораживали. Весной, в разлив, это великолепное место превращается в огромное озеро с трудновидимыми берегами. Сейчас же подгоревшая трава ярко переливается на солнце темно-желтым ковром, по которому неширокой синей речушкой бежит еще недавно полноводная река. С левой стороны зелёной полосой расположились хвойные леса, по краю которых узкой ленточкой тянется железная дорога.

Пантелей с верным другом весело загашал по шпалам к знакомым местам. Блестящие рельсы пускали солнечные зайчики, и те весело играли в его глазах. Пес, красавец с длинным именем Альтер Тейл Корви, простецки звавшийся хозяином Альтуха, пришел в восторг от чувства свободы и резвился по придорожным кустам. Пантелей Иванович узнавал пикеты железной дороги, по которым в рабочие дни пролетал, управляя мощным локомотивом, но в этот момент ему бывало не до красот природы, когда светофоры, стрелки и станции сливаются в общую картину. Сейчас же железная дорога казалась каким-то ненужным приложением к таёжному простору, как скальпель рассекающая девственную природу. Пёс настойчиво тянул хозяина в лес. «Как всё заросло», – подумал Пантелей, пробираясь через густой ивняк. Впереди показалась знакомая гаёжная гривка. Возле тихого болотного ручья Альтуха поднял на крыло красавца селезня, который, сверкнув на солнце изумрудным оперением, громкими хлопками крыльев разбудил таёжную тишину. Вода лесного ручья хоть и имела коричневый оттенок, была настолько чиста и прозрачна, что позволяла лучикам солнца играть на самом его дне. Пока Альтуха жадно лакал воду, Пантелей с наслаждением умывался прохладной водой. Нетронутая паутина лезла в нос и глаза Пантелея, но никак не портила общей картины великолепного леса. Величавые кедры с густыми кронами, покрытыми дозревающими шишками, и блестящими от смолы стволами приглашали путников в свою чащу. Завидев незнакомцев, по-вороньи покрякивая, пёстрая кедровка поспешила перелететь на ветку повыше. Альтуха, гонявший бурундуков и белок, убедившись в бесполезности своего занятия, вернулся к хозяину, неся в зубах большую кедровую шишку, слетевшую с потревоженной кроны.

– Что, белка гостинец прислала? Поди, ещё незрелая, – смеялся хозяин собаки, разгрызая молочные орешки. На опушке заперстели красными шляпками грибы подосиновики. Они росли небольшими семейками, образуя полянки. Пёс тоже помогал в поиске грибов и даже пытался их собирать, сбивая лапами. Корзина была уже полна красавцев грибов, и Пантелей присел передохнуть на бревнышке. Собака лаем упорно звала следовать за ней.

– Хватит грибов, эти бы унести, – говорил он псу, тянущему его за штанину. Альтуха не ошибся, в кустах стояли два громадных подосиновика со шляпами такой величины, что их можно было использовать как декоративные зонтики. Держа срезанные грибы за толстые ножки, Пантелей любовался красно-жёлтыми шляпками, поблёскивающими на них капельками росы.

– Вот это находка! Пожалуй, лет тридцать таких не видел, – вспомнил он, как будучи ещё мальчишкой нашел такие грибы в лесу на самотлорской дороге. Альтуха продолжал обливаться кусты. Вдруг, как ошпаренный отскочил в сторону, а за ним, шипя и извиваясь, выползла здоровая черная змея. Гадюка отливала вороной кожей с мелкими блестящими чешуйками, глаза ее горели, а из пасти пугающе высывался двойной чёрный язык. Мгновенная реакция пса помогла вернуться. И тут гадюка переключила свой взгляд на Пантелея. Шипя, она резко ринулась на него. Глаза Пантелея округлились от страха, в ушах засвистело. Медленно отступая назад, споткнувшись о небольшую корягу, он упал на спину, и сразу же был ужален змеей в толстую подошву сапога.

– Фас, Альтуха, – не своим голосом закричал Пантелей. В начавшейся схватке, не на жизнь, а на смерть, змея показывала чудеса изворотливости, но в какой-то момент псу удалось её перехитрить, и сильные челюсти мгновенно перекусили гадюку пополам. Две половины змеиного туловища извивались в предсмертной агонии, а он прыгал, кусал, давил их лапами.

– Фу, молодец, – сказал, толком ещё не пришедший в себя, Пантелей, вытирая холодный пот со лба.

– Так это, наверное, царица местных змей была здесь. Лесные сокровища охраняла, и поэтому грибы такие вымахали, – бормотал он Альтухе, поднимая развалившиеся от падения огромные подосиновики.

Наскоро палкой Пантелей вырыл ямку, закопал змею. Пёс, не понимая для чего хозяин это сделал, пытался лапами разворошить кучу.

– Альтуха, ты победил, оставь её в покое, – говорил Пантелей и трепал за уши довольного похвалой пса.

В миг он представил, что могло бы произойти, если бы кто-то из них получил укусы от этой чёрной твари. Мурашки побежали по спине, и ему стало как-то не по себе. Он и раньше видел маленьких чёрных гадюк, но всегда напуганные змеи, мелькнув, быстро ускользали

в лесную чащу. «Видимо в этот раз мы вторглись в её изменный дом, и потревоженной гадюке ничего не оставалось делать, как напасть на нас? Но если бы не мы её, то она бы нас», – будто оправдываясь, рассуждал про себя Пантелей. Как хорошо иметь верного друга, на которого можно положиться в трудную минуту! Пёс уже не раз выручал его в трудных ситуациях, не зря он был медалистом, победителем выставок. Альтуха всегда оправдывал своё благородное родословное происхождение.

«Надо брать с собой ружьё», – думал Пантелей. Так, на случай. Он не любил оружие, ему всегда было жалко бить животину, и часто видя многочисленные трофеи охотников, бурчал: «Природу поберегите». А вот ягода была его родная стихия, он брал её с большим азартом, но всегда в меру, из ведомых только ему мест. Немного испорченное змейёй настроение ему подняли бусинки клюквы. Они красными капельками красовались на влажных кочках знакомого болотца. С наскока рассыпанных на раскинутом плаще ягод ветер сгонял попавший вместе с ними подсыхающий болотный мох. Пантелей стал готовить под ягоду и отряхивать от прилипших листьев свой короб, в народе называемый найва. «Удобная вещица, – подумал Пантелей, – лёгкая и вместительная. – Мудрые люди ханты. Вся их посуда для сбора ягод и домашняя утварь «сшита» из бересты».

Набрёл Пантелей и на небольшую полянку с уже осыпающейся брусникой. Тёмно-красные, как на подбор, крупные ягоды заполнили почти доверху берестяной туесок, а поверх ягод он аккуратно положил сорванные брусничные листики. Их для лечебного чая, сказал он, обтирая руки о мох, и присаживаясь отдохнуть.

Альтуха, досыта набегавшись по лесу, прилёг возле разложенного Пантелеем костра. Потихоньку подползая к хозяину, он поочерёдно прикрывался лапами от дыма, который лез ему в нос, отчего громко фыркал. Повернувшись на бок, пёс вскоре задремал под приятный треск сухих сучьев и шипение сгорающей смолы от еловых веток. Закипел чай в большой закопчённой походной кружке, и Пантелей обжигая губы, шурился от ароматного дымка, покряхтывая от удовольствия.

Пантелей видел, как у Альтухи подёргиваются лапы. «Наверно и во сне с гадюкой дерётся», – подумал он, стряхивая пепел от костровых искр с шерсти спавшего друга.

Пустую консервную банку от разделенной поровну с псом тушёнки, Пантелей закопал вместе с погасшим костром, а кусочки оставшегося хлеба разложил на бревнышке.

– Пускай и лесные попируют, а то ты их всех перепугал, – сказал он, накидывая на плечи пайву.

Ну, надо и честь знать – пора домой. Пёс ответил громким радостным лаем. Напоследок Пантелей достал из кармана хантыйский амулет – небольшую глиняную фигурку лесной бабы, которую брал с собой

в лес, и мысленно поблагодарил тайгу за дары леса. Он дорожил этим амулетом, который ему подарили местные хапгы.

Приближающийся закат солнца яркими красками заиграл на небе и в кронах деревьев. Листья и ягоды рябины, и без того красные, стали в лучах заката огненными, а пожелтевшие листья берёзы приняли неестественно оранжевый оттенок.

Усталые, но довольные они шагали по шшалам на разъезд к поезду. Остывающие рельсы, сжимаясь на стыках, изредка ухали им вслед. Пантелей обернулся, окинул взглядом окрестности бескрайней поймы реки, пытаясь запомнить этот живописный вид. Он знал, уже завтра, проезжая по знакомому перегону, все красоты останутся незамеченными, а яркие воспоминания прошедшего дня ещё долго будут беречь его душу.

Альбина КУЗЬМИНА

Родилась в 1953 году в деревне Рынья Тобольского района. Окончила Томский политехнический институт им. С. М. Кирова. Работает редактором радиовещания окружной Ханты-Мансийской ГТРК «Югория». Автор книг «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск», «Главный лесничий», «Звонкоголосая Сибирь». Руководитель литературного объединения «Замысел». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России, кандидат культурологии. Живет в Нижневартовске.

АНТОШКИН МУРАВЕЙНИК

Рассказ

Мама с Антошей долго бродили по лесу. Наполненные лукошки подосиновиками, маслятами, волнушками и рыжиками звали домой. Вниз под гору идти было легче, но густые раскидистые ветви хвойного леса мешали шагать легко и свободно.

Мама шла впереди. Обходя буреломы, деревья и кустарники, она придерживала ветки, чтобы не угодили сыну в лицо. Увидев впереди валежник, резко свернула в сторону и крикнула сыну:

– Осторожно! Не оступись.

Антоша будто не расслышал мамины слова.

– Я и сам знаю, как дорогу выбирать! Разве собрал бы столько грибов? – бурчал он про себя.

И тут произошло неожиданное.

Высокий бугорок из мягких сухих веток, на который ступил Антоша, вдруг провалился под ним! С испугу он только и успел крикнуть:

– Ма-ма, держи меня! – и тут же завалился в мягкую кучу. Грибы выскользнули из лукошка и рассыпались по траве.

– Ах ты, беда! – воскликнула мама и поторопилась к сыну.

– Горюшко, ты мое! Что ты опять наделал? – запричитала, заприговаривала она, подавая руку. Антоша приподнялся, и – словно застыл. Не шелохнувшись, с ужасом глядел на маму, стоя в муравейнике! Наконец, ухватился за руку. Сразу же на какое-то мгновение завертелся волчком и завопил на весь лес:

– Ой, меня кусают! Ой, они ползают по мне!

– Да обожди, не кричи ты, – встревожено говорила мама, отряхивая от облепивших муравьев Антошку.

Но он, размахивая руками во все стороны, не мог стоять на месте. Его испуганные, расширенные глаза наполнились горькими слезами.

– Это же муравьи! Не надо их бояться! Ничего они тебе не сделают!
– уговаривала она его.

– Мне больно! – жаловался Антошка с дрожью в голосе. – Скажи своим муравьям, пусть не жалят, не трогают меня!

Мама отвела его к тропинке, где оставила свое лукошко с грибами, и помогла снять рубашку. Потерла сыну красную от укуса муравьев спину, растерла плечи. Антоша долго еще топал ногами, вытряхивая кусачих муравьишек из ботинок.

Этот злосчастный муравейник и его обитателей Антоша запомнил надолго. Прошло еще некоторое время, прежде чем он забыл обиду.

– Так кусаются, жалятся! – будто уговаривая себя, говорил он.

Возвращаться к муравейнику не хотелось. Но надо было подобрать высыпанные из корзинки грибы.

Выломав длинную ветвь, мама принялась доставать их. Антоша переложил несколько грибочков в лукошко и тут же заметил:

– Грибы-то шевелятся!

Грибы были все в черных точках. Оказалось, в них спрятались муравьи! Вытащить или отогнать их теперь было бесполезно. Полная недавно корзинка грибов оказалось наполовину пустой. С досады Антоша, забыв про свой испуг, сказал:

– Мама! Я не нарочно упал, нечаянно... Не знал я, что это муравейник!

Мама вздохнула. Она не стала ругать его. Только сказала:

– Дом-то у муравьишек сломал.

Антоша мельком взглянул на кучу хвон, разваленную им, и ему вдруг почудилось, что она живая. По спине его проползли мурашки – пунырышки от озноба, но он справился со страхом.

– Давай посмотрим, что они там делают? – сказал он маме и подошел ближе к муравейнику.

Сначала ему показалось, что эти маленькие жучки-паучки в панике убегают. Видел, как муравьи сбилась в кучу и сердито мечутся из стороны в сторону. Антоша вздохнул:

– Это они меня ругают.

Присмотревшись, он понял, что в муравейнике кипит работа. Каждый из маленьких муравьев что-нибудь нес на спине: сухую веточку, травинку, пихтовую иголку или соломинку.

– Как солдатки в строю, – сказала мама.

– Им тяжело. – Антоша присел на корточки. – Смотри, хвонка как бревно, она больше муравья, а все равно ее тянет!

– К нему уже спешат, вон сколько помощников торопятся.

Наблюдая за безобидными маленькими жучками, Антоша вдруг сказал:

– Будто лодку в реку сталкивают. Как наш папа с дядей Митей, когда по весне на рыбалку собираются.

– Дак, они же как люди! – удивился опять он. – Они заново дом решили строить! И Антоше стало жалко этих маленьких тружеников. Он понял, что муравьи старались исправить сломанный им дом. Представил себе, какие они незащитные, и ему захотелось помочь. Но как это сделать, он не знал.

– Никто не ленится! – отчего-то с горечью произнес.

Антоша не мог отойти от муравьиной кучи. Смотрел, как вокруг кипела работа, как муравьи все время были в движении, волокни в яму множество разного лесного хлама, и во всем этом чувствовался заведенный порядок. Слышалось оживленное шуршание муравьев. Больше всего их скопилось в том месте, где зияла впалая ямка, куда Антоша угодил ногой. Муравьи сновали со всех сторон, стаскивая внутрь принесенные ими запасы, с трудом заползали на край.

– Я знаю, что надо делать, – обрадовано вскрикнул Антоша.

– Да что же мы можем? Лучше не будем им мешать, они сами справятся.

Антоша увидел в стороне небольшую плоскую корягу и подтащил ее к муравьиной куче.

– Молодец! – Похвалила мама и стала ему помогать.

– Пусть живут в своем муравейкинском доме и не тужат, – потирая руки, после того, как углубление было выровнено, улыбнулся Антоша.

– Да, да, – согласилась мама. – Пусть живут в муравьишском доме наши добрые лекари и чистильщики леса.

И тут Антоша увидел, как по его руке ловко пробираются два муравья. Теперь он их не боялся. Подождал, пока они перебегут на лист березы, которую он нагнул, и сбросил их в муравейник: «Идите домой.»

В это время мама смочила слюной тоненький прут и положила на муравейник.

– Это им гостинец. Смотри, что сейчас будет, – шепотом сказала она, обращаясь к Антоше.

Муравьи мигом облепили прутик, стали лихорадочно лазить по нему. Они юрко вертелись, чему-то радовались. В руках мамы прутик словно «зашипел» белой пеной от муравьев.

– А теперь, – мама легко стряхнула муравьев и поднесла веточку к губам. – Как вкусно!

– Фу, – сморщился Антоша.

– А ведь это – муравьишское лекарство. Оно тебя исцелило! – засмеялась мама. – Будешь теперь знать, как муравейник ломать!

Антоше стало досадно и обидно от этих слов, но ведь так оно и есть: сам виноват, надо было слушать маму. Зато теперь он знает, где находится самый настоящий лесной муравейник. Мама сказала, что они защищают наш лес от вредителей и приносят пользу людям.

– На, попробуй-ка, сам! – протянула она веточку.

Антоша нехотя взял из ее рук прутик и едва лизнул языком.

– Вот это да! – медленно произнес он. – Как настоящие леденцы!

Мама громко рассмеялась: «Ладно! Пора домой.»

Они зашагали вниз по тропинке, и тут Антоша вдруг кинулся обратно к муравейнику:

– Их надо спасать!

Мать молча присела на взгорок. Она наблюдала, как Антоша нашел длинные палки и бережно воткнул вокруг муравейника, огородил его.

– Живи, муравейник! Теперь никто не запнется, – восторженно сказал Антоша.

Они торопливо шли по дороге к дому. Вокруг кружили мелкие комары-толкунцы и мушки, издавая надоедливое жужжание. Волосы Антоши были взъерошены. Руки, замаранные смолой, пахли свежей хвоей и всеми лесными запахами, которые раньше он никогда не замечал.

– Мы правильно сделали? – тихо спросил он, взглянув на маму.

Погладив по голове Антошу, она сказала: «У меня растет замечательный сын, настоящий друг леса!»

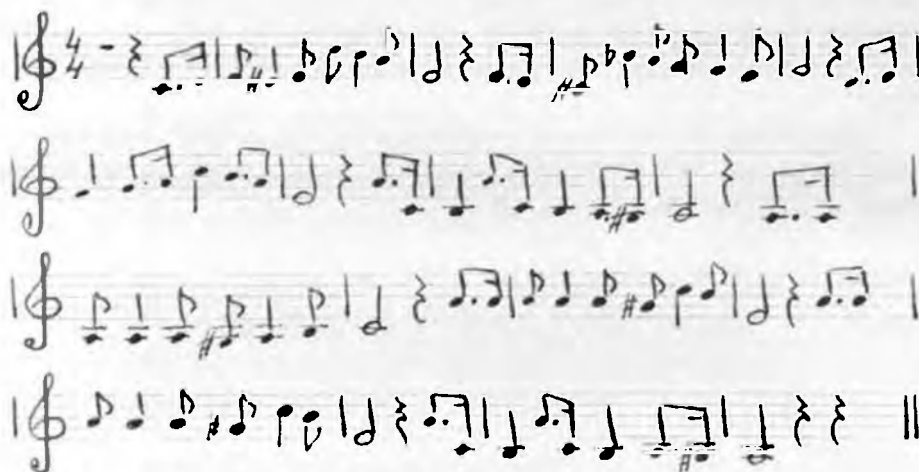
ПЕСЕННАЯ ЛИРИКА

Вера ТОЛКАЕВА

Окончила Сургутское музыкальное училище. Преподаватель по классу вокала, хора и теоретических дисциплин. Исполнительница старинных романсов и песен русских композиторов. Многочисленные воспитанники В. Толкаевой являются неоднократными победителями городских, окружных, областных, всероссийских конкурсов и фестивалей. Изучает фольклор коренных жителей ханты и манси. Живет в Нижневартовске.

ГОРОД МОЙ

Слова и музыка В. Толкаевой

Я люблю тебя, город родной,
Город счастья над Обью рекой.
Ты единственный город такой
Город мой, город мой, город мой.

Припев:

Я спасибо тебе говорю
Город мой, я тебя так люблю.
Я сегодня частичка твоя,
Здесь любовь свою встретила я.

Город рос, хорошел, расцветал,
Моей жизни странички листал.
Появилась у нас седина,
Но душой я всегда молода.

Припев

КАРАПУЗИК

Слова и музыка В. Толкаевой

Чудо на земле произошло,
Счастье к маме с папою пришло –
Новый человечек будет жить,
Радоваться солнцу и любить.

Припев:

Кара - кара - кара - пузик - ля-ля
Кара - кара - кара - пузик - ля-ля
ля - ля - ля - ля
Кара - кара - кара - пузик - ля-ля
Кара - кара - кара - пузик - ля-ля
ля - ля - ля - ля

Раз пошел и вырос он давно.
Ходим в сад и в школу, и в кино.
Но для мамы с папой этих лет,
Будто их и не было и нет.

Припев

Год за годом вот идут вперед.
Внучка улыбается, растет.
Вот и повторилось все опять,
Весело мы будем напевать.

Припев

Ильдар МИЛУШЕВ

Милушев Ильдар Дамирович закончил композиторский факультет Бишкекской государственной консерватории. Преподает в детской музыкальной школе им. Ю.Д. Кузнецова по классу композиции.

Результатом его работы стало издание сборника сочинений учащихся школы.

Ильдар Дамирович не оставляет свое главное дело – сочинительство. Одним из последних произведений стала сюита «Песни...» на темы народов ханты. Эту работу И.Д. Милушев посвящает 35-летию города и 25-летию школы. Живет в Нижневартовске

Сюита на сл. И. Крюковой, муз. И. Милушева

ПЕСНИ...

В старые времена жили люди в лесу.
Охотились на зверей в тёмной тайге.
Ходит старый хант по лесу,
Охотится старый хант на зверя,
Думает старый хант о земле своей.
Ждёт его жена старая добрая дома,
Ждут его сыновья любимые дома,
Ждут его друзья – олени хозяина.
Бродит старый хант по зелёным чашам,
Бродит старый хант по глухим болотам,
Думает старый хант о семье своей.
И не вернулся старый хант из тайги.
Звучит песня старого ханты по тайге,
Скучает он по семье своей в песне,
Старый хант, не вернувшийся из тайги.

*(Песня старого ханты. Записана Каюковой Ириной
от отца Лаврия Степановича)*

Andante maestoso

Musical score for 'Andante maestoso' in 3/4 time, featuring piano and bass staves. The score includes dynamic markings such as *p*, *non legato*, *mp*, *f*, *mf*, *p*, *sf*, *fff*, *mf*, and *dolce mp*. It also contains performance instructions like *rit.* and *m.a.* (more *allegro*).

Grave

Musical score for 'Grave' in 3/4 time, featuring piano and bass staves. The score includes dynamic markings such as *f* and *ff*.

Tempo I

Musical score for 'Tempo I' in 3/4 time, featuring piano and bass staves. The score includes dynamic markings such as *subp*, *p*, *pp*, *rit.*, *mp*, *p*, and *pp*.

ТАНЕЦ- ПЕСНЯ

Муз. И. Милушева

Пойдём станцуем, ногою топнем,
Пойдём потанцуем, за руки возьмёмся.
Покажи, как ты танцуешь,
Я с тобой станцюю вместе.

(Весёлый плясовой танец-песня на слова Ирины Каюковой)

Allegretto

mf

non legato

non legato

С ЮБИЛЕЕМ ГОРОД РОДНОЙ!

First system of musical notation, featuring a treble and bass clef with a key signature of two flats and a 3/4 time signature. The bass line includes a flat sign (b) and a dynamic marking of *f*.

Second system of musical notation, featuring a treble and bass clef with a key signature of two flats and a 3/4 time signature. The bass line includes a dynamic marking of *f*.

Tempo I

Third system of musical notation, featuring a treble and bass clef with a key signature of two flats and a 3/4 time signature. The bass line includes a dynamic marking of *mp*.

Fourth system of musical notation, featuring a treble and bass clef with a key signature of two flats and a 3/4 time signature. The bass line includes a dynamic marking of *p*.

Fifth system of musical notation, featuring a treble and bass clef with a key signature of two flats and a 3/4 time signature. The bass line includes a dynamic marking of *pp*.

Энеиса ПИЛЕЦКАЯ

Окончила Львовскую государственную консерваторию. Много лет работает преподавателем музыки в Детской школе искусств. Сочиняет стихи и музыку. Ее песни и мини-спектакли звучат на различных культурных мероприятиях. В конкурсе на лучшую песню о Нижневартовске она награждена дипломом I степени. Живет в селе Ларьяк Нижневартовского района.

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ РАЙОН

Слова и муз. Э. Пилецкой

1. Найд при-золь-но-ю ре-кой, над кру-ты-ми бе-ре-га-ми наши рас-
 ки-нул-ся рай-он со-ло-ты-ми ку-по-ла-ми. Неф-ный ут-рен-ний рас-
 свет со-ло-тит вер-хуш-ки ке-д-ров. Кра-ше кра-е в ми-ре нет, он по-
 да-рок на-ших пред-ков. *Три-та:* Ниж-не-вар-тов-ский рай-он - край су-ро-вый и пре-
 крас-ный. Ниж-не-вар-тов-ский рай-он дал нам труд, лю-бовь и сис-те-му. Ниж-не-
 вар-тов-ский рай-он - нед-ра, нефть, ле-со-и ре-ки. Ниж-не-вар-тов-ский рай-
 он - всё для сис-те-мы це-ло-го ве-ка 2. По-лю-

Полюбуйтесь на луга,
 На дороги и проселки—
 Синеглазая тайга
 И уютные поселки.
 Вертолеты в облаках
 Пролетают над тайгой —
 Чехломей, Аган, Ларьяк
 Машет радостно рукою.

Припев:

Нижевартовский район –
Край суровый и прекрасный.
Нижевартовский район
Дал нам труд, любовь и счастье.
Нижевартовский район:
Недра, нефть, леса и реки.
Нижевартовский район –
Все для счастья человека!

Вот охотники в пургу
по угожьям и селеньям
Бороздят свою тайгу
На «Буранах» и оленях.
Тишь в небесной синеве
Детским смехом оглашают
Ханты с веком наравне
По земле своей шагают!

Припев

НАД ШИРОКОЮ ОБЬЮ

Слова и муз. Э. Пилецкой

Над широкой Обью, над рекой бескрайней
Родился прекрасный город молодой.
Дерзко был разбужен сон тайги печальной,
Нижевартовск нашей стал судьбой!

Припев:

Здесь прекрасна зорька,
Здесь нежны закаты,
Мы споём об этом,
Радости полны.
Просто мы ребята,
Просто мы ребята,
В наш чудесный город
Нижевартовск влюблены !

В городе любимом нам легко трудится,
Радостно учиться и чудесно жить.
Мы растём счастливо и должны гордиться.
Что умеем преданно дружить.
Припев

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Алексей Храпчевский

г. Нижневартовск

УТРО

Бессонные улицы города
Сплетничают, развесив окна,
А над ними белые полосы –
Это с вечера облаки сохнут.

Чуть выше: солнце выело
Желтый кусок в синем небе,
Раскрасневшись, дома увидели,
Как люди осень раздели.

ОСЕНЬ «СДОХЛА»

Дожди, царапающие мои окна когтями,
Перестали надоедать.
Осень
Убита в пик своего расцвета,
Зиме благодать.
Но этим временем года
Тоже цветут цветы.
Только художники впали в спячку
И не пачкают ими холсты.

УСАТОЕ СОЛНЦЕ

Многоэтажки вонзаются в небо,
Антеннами щекоча облака.
А я слоняюсь без дела
С «усами» от молока.

Ветер в лицо. Впереди
Его, верно, что-то спугнуло.
Это вновь городские огни,
В которых в холодные дни,
От ужаса закатив зрачки,
Свобода навек утонула.

***

А давайте, выпьем
Озера разом!
И моря, и даже океаны.

Тогда будет больше места,
Чтобы напичкать
Повсюду
Ваши многоэтажки,
Заводы, фонтаны!

Давайте леса вырубим
На бумагу для ваших книг!

Ради того, чтоб увидеть
Жадности человеческой лик,
Лишь бы он не поник,
Когда кончится всё.
Я не злой.
Я просто не отдам своё:
Солнце, ручей,
И еще пару мелочей.
Всё.

Кристина Тарарина
г. Нижневартовск

МОЯ ЮГРА

Край зеркальных озер
И бескрайних лесов,
Край сурового мироздания,
Красотою своею туманит взор...

Здесь – на древней Югорской земле
Обитает шамана дух,
Обласа скользят по воде
И доносится бубна звук.

Здесь людей закаляет жизнь,
Обжигают лица ветра.
Здесь в сияньи ночной луны
Птичьей стаей летят года.

Средь тайги и во власти снегов
Бьется сердце могучей Сибири.
Край родной мой – моя Югра,
Ты частица Великой России!

***

Деревянная пристань у кромки воды
И гудок теплохода над Обью.
Белый город моей мечты –
Нижневартовск на Среднем Приобье.

Среди древних озёр вырос город родной,
Как мираж в бесконечности снежной,
Умывается нефтью, гордится судьбой,
Покоряя душой безмятежной.

Город белых ночей и бескрайних снегов,
Да короткой весны за окном,
Город дружбы, воспетой в стихах земляков,
Стал романтикам памятник он!

Антон Зорин
г. Нижневартовск

НЕ БУДУ РАВНОДУШЕН

Свет передразнил темноту,
И снег растаял, изнывая...
Не буду равнодушен ко всему,
Что люди оставляют без вниманья.
Все, что измятым остается под ногою,
Я бережно кладу себе в карман.
Хочу узреть, что впереди за этой мглой
И просто вспоминаю городской бедлам.
Вот, ты идешь домой, пускай.
А я останусь здесь, на этом камне,
Который открывает светлый путь,
Скрывая от обид, упреков и скитаний.
Подняв на небо сонные глаза,
Я разгляжу кого-нибудь, идущего домой...
И пронесу сквозь радужную призму сердца
Святые чувства, ставшие мечтой.

Светлана Чех

п. Ваховск

РОДИНА – ВТОРАЯ МАТЬ!

Родина – вторая мать,
Она воспитывает нас с пеленок,
И строго может наказать,
И приласкать, как ласковый котенок.

Ее ты помнить будешь вечно,
Куда бы ни забросил рок,
И кланяешься ей сердечно,
Вернувшись на родной порог.

Любовь к ней будет жить всегда!
Ее краса в глазах таится,
Ее огонь в сердцах томится –
Все это не забудешь никогда.

Катя Козлова

г. Нижневартовск

СОЛНЕЧНЫЙ ГОРОД

Город солнечный, чудесный,
Он весёлый и прелестный,
Приходи скорее к нам
Убедишься в этом сам!

В нашем городе всегда
Солнышко смеётся,
И поэтому всем нам
Весело живётся!

В город солнечный придёшь
Дружбу крепкую найдёшь,
Приходи скорее к нам
Убедишься в этом сам!

С И Б И Р Ь

В России место есть одно:
Пушнины, нефти там полно.
Как будто беленький пушок
Повсюду здесь лежит снежок.
То место называется Сибирь.
Здесь люди не бывают злыми,
Здесь есть друзья, и нет врагов.
И каждый к подвигу готов!
Счастливым будет тот,
Кто в Сибири у пас живет!

Наталья Винокурова

п. Заячья Речка

КО ДНЮ ПОБЕДЫ

И пускай, как ветра,
злые носятся тени...
Не опустится Русь никогда на колени,
пока живы в ней искры
Героических дней!

***

В светлые минуты озарения,
Капельки слез вдохновения –
Я буду как манну небесную
В ладони свои собирать.

***

Чистой радости пламя,
Звездной мудрости тень,
Юной нежности знамя –
Светлый, радостный день!

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА ШКОЛЬНИКОВ

Антон Бугрименко

9 класс, школа 34

Нижевартовск, северный город,
Ты судьба и моя любовь!
И по венам твоим струится
С терпким запахом черная кровь.
Здесь прекрасные сильные люди
Возвели светлый храм на Оби.
И сияет, взрослеет наш город,
Как же нам его не любить!

Алина Еникеева

4 класс, школа 43

НИЖНЕВАРТОВСК

Не страшась трескучих морозов,
Комариных визжащих туч,
Пробивал он себе дорогу,
Словно в хмурые дни солнца луч.
На воротах его Алеша
Словно страж стоит на посту.
Нижевартовск родной, хороший,
В чудном городе я живу!

Элиза Рыжова

2 класс, школа 13

На свете есть чудесные места,
А мне милее город Нижевартовск,
Здесь с белым бантиком пошла я в первый класс,
Здесь у меня друзья и мама с паной.

Антон Арискин

1 класс, школа 25

Мой родной Нижевартовск,
У тебя юбилей.
Ты немного моложе
Папы, мамы моей.
С каждым годом и днем
Город все красивей.

Я люблю Нижневартовск
Все сильнее и сильнее.

Алеша Абраменков

4 класс, школа 25

На свете много городов:
Москва, Воронеж, Псков, Ростов.
Но для меня нет краше,
Чем Нижневартовск наш.
Здесь я родился,
Здесь мой дом,
Здесь дружно,
Весело живем.

Юлия Пяскорская

8 класс, школа 18

Любимый город
Под синим небом северных широт,
Ветрами окруженный и снегами,
Под леденяще тусклым светом звезд,
Мерцающими в небе огоньками
Стоит он милый и родной,
Такой прекрасный и такой далекий,
Он сильный, крепкий, молодой,
Среди болот, среди пурги жестокой...

Николай Алексеев

3 вечерняя школа

Нижневартовск - моя судьба.
Город снежный, город белый,
Ты прекрасен как всегда!
И гляжу я вновь с надеждой
На грядущие года.

Нижневартовск – город юный,
Самотлорская земля!
Нефтяные буровые,
Топь, болота и тайга.
Мне тайга твоя – родная,
И родные мне снега,
Все мне дорого и любо,
Это Родина моя!

Кристина Тарарина

9 класс, школа 25

ВЕЧЕРОМ

Дрожит под крылышками пчел
Позолоченной сетью воздух,
Сонет играет соловей...

*

С томящим запахом смолы
Смешался запах земляники...

*

Заросший ягодой курган
Возвысился над темной ночью...

ПАМЯТЬ

Сыновья не вернулись с войны,
Завещая оставшимся – ЖИТЬ!!!
Над землею летят журавли,
Не давая об этом забыть...

***

Солнце умирает, ...наши рты зашиты
Белой тонкой нитью прозвучавших слов...

*

Этот склон, залитый красным светом,
Словно пьедестал для нас с тобой...

***

Вдыхаю томный запах прелых листьев,
Теряюсь в тайне холода ветров,
И затихаю в преддверии истин...

***

В семейном альбоме,
Хранимом с любовью,
Лежит фотография мамы,
Она пожелтела с годами,
Поблек ее глянец...

Эльвира Латыпова

16 лет, ЦДТ

ЗА ОКНОМ

За окном луна мерцает,
Светят грустно фонари,
Звезды небо освещают,
Что там видится вдали?
Вечер в темень окунулся,
Стало тихо, город спит,
Наша улица заснула...
День тяжелый позабыт.

НАШИ ГОСТИ

Валерий ОСТРЫЙ

Родился Валерий Максимович в Самаре. Закончил литературный институт имени А.А. Горького. Один из первых литераторов г. Нижневартовска, вокруг которого объединялась молодежь, тогда еще не оформившаяся в литературное объединение «Замысел». Автор шести книг. Член Союза писателей России. Живет в г. Самаре.

«...Эта книга о том и о тех, как мы, русские, рука об руку с другими народами России осваивали данные нам богом месторождения. Книга о товарищах моего поколения, осваивающих знаменитый нефтяной Самотлор с середины 60-х годов прошлого века...» – так написал в предисловии книги «Самотлорская проза» бывший помбур, вышкарь и промысловик – один из сотен тысяч освоенцев Самотлора, проработавший на Севере 25 лет.

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

(Продолжение)

Да, конечно, у них до этой новой трехкомнатной была вполне приличная двухкомнатная на Омской улице – названия улицам давали строители, возводившие жилье в столице нефтяников, – Омская, Новосибирская, Пермская... Но с тех пор, как в городе стали работать москвичи, возводя свои шестнадцатиэтажки, все словно с ума посходили. На любом уровне, от рядовых до «генералов», только и твердили – заберите эту, дайте ту.

Но и было от чего с ума сойти! Ведь планировка-то, планировка какая! А метраж! Холл – десять метров! Кухня – одиннадцать: приемы устраивать можно. Про такое жилье в голову не придет сказать – «берлога». Потому как это была не берлога, это была квартира, дворец. Казалось бы, ну какая разница от потолка, приподнятого на двадцать сантиметров выше? Было 2,50, а стало 2,70. Огромная. В такой квартире Алексей Павлович не жила. Короче, недаром весь Нижневартовск из-за этих квартир с ума посходил. Бились за них до инфарктов.

Гнездилили. чтобы меньше завидовать, стал еще дальше уплывать на лодке, чаще и шире расставлять сети – «шестнадцатиэтажки» ему были явно не по зубам.

Иначе думала жена. Нина Васильевна вообще все чаще думала иначе, чем муж. И не только думала – действовала, разговаривала иначе.

И выглядела не так, как раньше. Когда-то худенькой была, ладненькой. Сейчас добрела, наливалась женскими соками и в то же время – твердела, и словно чешуей покрывалась холодной.

Вернувшись однажды с очередной «пятиминутки», она без оглядки, словно муж и должен стоять в прихожей с момента ее убытия, сбросила ему на руки свое нутриное манто и коротко приказала:

– Документы на расширение еще не подавал? Подай!

Он подал. И получил! Обалдеть можно.

Их стали часто приглашать в гости. Причем, люди для него совершенно незнакомые. Фамилии-то ихние он знал, они были, как говорится, на слуху. Но лично... А тут его, бурильщика – в гости. С какой стати? Но жена воспринимала как должное.

Чувствовал он себя на таких приемах – по случаю, к примеру, Международного женского дня – скованно. Мужики, хоть и крупные начальники, за небольшим исключением, как мужики: распластает муксуна, принесенного с собой, перед загоревшимися, ножадневыми глазами наблюдателей, и уже разговор потек сам собою – о той же рыбе, хотя бы. Кое-кто тут же на рыбалку станет напрашиваться.

Но с женами этих мужиков... Не то что говорить – смотреть боишься в ту сторону. Алексей Павлович считал, что без лифчиков женщины могут только в кино сниматься, а живыми, рядом, да еще в чем-то прозрачном...

А разговор?! Для разгона, для антуража пообсуждают что-нибудь увиденно-услышанное по телевизору или прочитанное в газетах, но интерес истинный, затаенный проступает после пятой рюмки, когда начнут обсуждать кого, куда, кем, за что.

Вот уж тут груди вздымаются!

В тех компаниях, куда заносило Гнездилина, много места в буквальном и переносном смыслах занимала фигура адвокатши. Как сообщила про нее жена:

– Прима, первая в городе, экстра-класс, все заметные процессы только с ее участием.

Алексей Павлович как-то раз и приладился к ней потолковать, тем более что она, в отличие от других, своего пристрастия к горячительному не маскировала: сама себе наливала, сама тост произносила, сама, не дожидаясь остальных, выпивала.

Другие уже в слюнявой истоме, целуются между собой по очереди, кто чья жена сразу и не поймешь, а эта – молодец, сидит прямо и рукой владеет твердо.

Алексей Павлович возьми и присядь с ней поговорить – у них на работе за последний год два судебных процесса случилось, и на обоих Гнездилину довелось присутствовать. По одному делу бурильщик жену толкнул, так она что-то в себе повредила, а в другом случае ребята в общежитии резались в карты, а кончили тем, что порезались на ножах.

В первом случае Алексей Павлович на суде присутствовал по обязанности: бурильщик, «разбравшийся» с женой, был коммунистом, причем, исключать его из партии до суда мужики не захотели, знали, что жена его, работавшая на центральном складе, поблядывает. За ноги ее никто не держал, со своими она держалась отчужденно, по некоторые «специалисты», приходящие с коньячком, могли рассчитывать на полушубок мужского, а не мальчишеского размера. Для них же находилась и та спецодежда, в которой отказывали своим. Чего им там еще обламывалось — бог весть.

Когда кладовщица в очередной раз пришла с работы, немного пошатываясь от «усталости» намного позже закрытия своей лавочки, муж ее всгретил... Дома было шаром покати, а от нее разило. «Скорая» подчеркнула: «... В сильном алкогольном опьянении».

На суде долго и нудно выясняли — от руки ли мужа она по лестнице покатила, или выпитое помогло, но попробуй выясни это до конца!

Конечно, бурильщик был виноват, но что поразило — судья слышал только одну, прокурорскую сторону. Адвокат, обвиняемый, мнение партсобраний при обсуждении бумаги из нарсуда — все сквозняком, прокурор запросил четыре года, суд их и отвалил. Один к одному. Хотя даже та зараза, поперву подавшая в суд, умоляла вернуть ее заявление обратно.

А мужик нормальный был, работающий и в партии десять лет уж как состоял. Ничего не учли, кроме требования прокурора.

Второй случай был сложнее, у Алексея Павловича о нем мнение сложилось благодаря молодым помбурам, живущим в том же общежитии, где произошла драка. Ко всей той заварухе они отношения не имели никакого, и потому врать им смысла не было. Так вот они на все расспросы вразнобой бубнили одно и то же:

— Мухлюют. С ними и не играл никто. А этот — новенький.

Новенький непосредственно в игре узнал, что знали старожилы общежития. Естественно, возмутился. Слово за слою... Конечно, братья за нож... Но когда отбиваешься от троих, за что только не возьмешься...

Вот и берись за что хочешь, что под руку попадет, только не за нож, очевидно, не случайно оказавшийся в кармане!

И все же на суде могли учесть... Тем более, что эти трое и на суде передергивали, оговором оговаривали. Можно бы подразобраться тщательнее, объективнее.

Нет, прокурор попросил пять лет, пять лет и присудили. И опять адвокат оказался какой-то мелкой юшкой. Пытался что-то доказать, требовал привлечения новых свидетелей — суд не счел нужным, они, мол, в деле не участвовали.

Похоже, на суде самих адвокатов «отводят».

Этим своим удивлением Гнездилини и хотел поделиться с тринастой — «в парике», позже пояснила жена, — дамой из адвокатуры.

Концовку его рассказа о том, что суд и прокурор на адвокатов — ноль внимания, фунт презрения, слушал уже весь стол. При непонятной тишине — у одних лица замораживались-вытягивались, другие почему-то стискивали зубы, а кое-кто, не выдержав, закрывая лицо руками, вываливался из-за стола и убегал на кухню. Оттуда урывками доносились судорожные, всхлипывающие, непонятные недоумевающему Гнездилину звуки.

Что-то хрипела и адвокатша, наваливаясь на стол и чуть не вываливая на него груди из распахивающегося декольте.

Странно, Гнездилину-то ее как раз выделил за то, что она пить умеет!

Жена его потом весь вечер шпыняла, но за что, Алексей Павлович как и не понял: ведь любопытно же и непонятно, почему в суде такое происходит.

И уж он-то как раз к адвокатам, в том числе и к этой бабе, с полным уважением. «Хотя парик она могла и поскромнее найти. Интересно, а какая она без парика, в натуре?..»

Позже, когда Гнездилины, осмелев, стали приглашать на ответные визиты, эти приглашения принимались: Алексей Павлович для себя, для дома, для гостей браконьерствовал, а те, кто хоть раз пробовали строганину из нельмы, бежали к столу по первому зову. Да и по части спиртного хозяева не скупилась, стараясь отблагодарить всюю.

Отблагодарить?!

А что? За квартиру можно и на год в должники записаться. Хотя... Кто, как не он, заработал право жить в такой квартире? Двадцать лет на этом знаменитом озере, в то время как люди вокруг меняются, как на колесе обозрения — круг прошел — новенькие, круг прошел — сменились.

И все же за квартиру Гнездилину был готов год поить и кормить.

... На словах-то легко...

Поперву на подготовку домашних приемов уходило столько энергии, что когда гости садились наконец за стол, хозяин находился уже в такой прострации, что мог не заметить протянутой к нему пустой рюмки в чьей-либо властной руке.

А что ему оставалось, когда гости заводили свои разговоры о фондах, лимитах, производительности? Подливать и подкладышать. Правда, с этим и жена прекрасно справлялась — предлагая какому-нибудь начальнику салата, она при этом словно себя добавляла в придачу. К нему же... Словно она буфетчица, а он — подсобный рабочий.

Стоит же ему с кем-либо заспорить о минусах, к примеру, двенадцатичасовки, удлиненных вахт, обнимет и погладит по голове так, словно он больной какой, блаженненький... Продолжать после этого серьезный разговор...

Но поссорились они в первый раз из-за ручных лобзаний: жене, Алексей Павлович видел это, нравилось, когда гость десять раз за ве-

чер тянется к ее руке. Возьмет ее пальцы в свои, поцелует запястье и что-то говорит-говорит, обязательно глядя при этом в глаза. А она... Млеет! И, как веером, прикрывает глаза старательно накрашенными перед гулянкой ресницами.

— Где это ты научилась так руку совать людям, что ее все ко рту тянут? — разоблачаясь ко сну, поинтересовался он, трезвый, несмотря на выпитое, и усталый, как после сдвоенной вахты.

— А у тебя что, убудет? — в пьяной истоме засмеялась она и прямо в одежде повалилась на кровать, снизу глядя на мужа, ожидая, что он...

Но он не спешил. Осязаемое бесстыдство, с каким она раскинулась по кровати в ожидании мужских ласк, и очевидное равнодушие к тому, чьими окажутся те руки...

Только через несколько минут до нее дошло, что ее не ласкают, ее задумчиво рассматривают.

В мгновение ока отрезвев, на негнущихся ногах она ушла в зал, зло прихлопнув за собою дверь.

А Гнездилини пошел на кухню и сидел там до «упаду», и хорошо, что утром не надо было на работу, он всегда старался назначать такие пирушки на предвыходной день. Пирушки...

Вот в эти смутные и смурные времена, когда жена все чаще ускользала из дома на очередные процедуры, он и потянулся в компанию к своим цеховым мужикам.

Рабочему попасть в этот круг было не просто, тут собирались птезровцы, но уж очень велик был стаж у Гнездилини, да и постов общественных за ним числилось немало, а если учесть, что секретарем партийной организации была женщина-«трудолик», у которой часто болели дети, то Палыч вообще шел первым номером в партячейке. Кстати, по партийному стажу Гнездилини был ветераном из ветеранов, найти кроме него еще двоих с пятилетним стажем в цехе, откликнувшихся бы на просьбу о рекомендации, — проблема, так что без Палыча куда ни кинь — везде клин.

Поэтому когда Гнездилини после очередного совещания стеснительно вопрошал: «Вы там...» — его тут же перебивали, приглашая: «Пойдем-пойдем, Алексей Палыч, есть там по грамульке, запаслись».

Гнездилини был гостем нечастым — от скважины до конторы далековато, но он потянулся к тем, с кем работал много лет. Мужики, которыми наводнила дом Нина, ему, надо признать, через одного понравились, но своих, чеховских, он уважал всегда: было у них одно неоспоримое, постоянное преимущество — он с ними говорил на одном языке. Самое конкретное, понятное всем — о плане, который надо вытянуть, чтобы получить премнальные. Что для этого надо сделать: кому напрячься, кого подхлестнуть, кого обложить, а кого — ублажить.

О большинстве Гнездилини имел четкое представление, хотя за время его затянувшегося рыбацкого отсутствия многие из старых зна-

комцев сошли, а их место заняли новенькие, с которыми Алексей Павлович перейти сразу на «ты» не мог.

Заходил Проценко. По-деловому, как на продолжающемся собрании, выходил «на трибуну» — на первый план, ему подавали стакан, покрытый или бутербродом, или просто корочкой хлеба. Он выпивал, заедал, окидывая всех оценивающим критическим взглядом. Когда страсти разгорались по-новой, по-хозяйски кивал кому-нибудь: «Прикрой за мной. Вы тут потише», — и уходил.

Для Гнездилина такое поведение начальника было непривычным: обычно «застольная» демократия молниеносно разъедала авторитет единоличной власти. Проценко этого не боялся — совместно выпитое нисколько не мешало ему на следующее утро устроить приличную выволочку любому из вчерашних говорунов. Можно даже сказать — с пристрастием. Постепенно до итеэров цеха дошло, что на коллективную выпивку в стенах родной конторы имеют право лишь те, у кого по работе полные сто процентов. Иначе... лучше пить в другом месте.

Гнездилину о таком повороте не ведал, ему все казалось, что Проценко не удержит занятую высоту, вот-вот опростится, станет доступнее, окажется внутри тех, кто цугом вытягивает план. Но время шло, а расстановкой сил по-прежнему командовал начальник цеха, и чьей-либо помощи ему в этом не требовалось, чьего-либо вмешательства в свои распоряжения он не терпел.

Встретив Гнездилина во второй раз подряд в компании своего ближайшего окружения, что-то просчитав, Проценко, выходя из кабинета, обернулся:

— Вы бы зашли ко мне, Алексей Павлович, давно мы с вами не контактировали.

Не беседовали они, действительно, давно, с той истории с Тараненко, которому тогда практически все сошло с рук! Ну, перевели на три месяца в помбурсы, так он героем повыступал: вот, мол, проучил молодого бездельника, пострадал, зато в вахте порядок навсегда обеспечен «железный».

Тараненко своей позиции не скрывал. А Проценко? Отмолчался, словно дело целиком касалось только партийной и профсоюзной организаций. Покивал головой, мол, да-да, нехорошо, надо наказать и... тут же перевел разговор на другие рельсы.

— Так как дела, Алексей Павлович? — поставив на стол свои локти-колонны, способные удержать балкон, начальник вперился внимательным взглядом в своего бурильщика: что-то изменилось в этом мягком, рыхловатом, добродушно-сонливом лице. Щеки немного отвердели? Не-е-т, глаза стали беспокойнее, и руки не сразу находили себе место, раньше он не беспокоился, куда их пристроить, вальяжные были у этого рабочего руки, разговорчивые. — На работе все нормально? Бригада план выполняет, премнальные сверх получает? — то ли спросил, то ли утвердил начальник.

— Соответственно. — Гнездилини не любил разговоров о деньгах, и когда они все же возникали, напускал на себя дурашливую улыбку, хотя хотелось раздраженно обрезать: «Считайте лучше в своем кармане».

— Алексей Павлович, но ведь не в деньгах счастье? — и опять было спрошено на ощупь, но серьезнее, чем подразумевалось расхожей поговоркой. — Тем более, когда деньга есть.

— К старости всегда всего хватает, кроме одного, — уже без улыбки (не дают им покоя чужие деньги!) бормотнул Алексей Павлович. Все же Проценко вел себя довольно бесцеремонно, уже не только в карман, в душу норовит заглянуть. Как в папку, открытую на столе.

— Это вы о здоровье? — искренне удивился Проценко. — Да вы у нас единственные, кто не болел за полтора года нашего сотрудничества. Только не подумайте, что персонально вашим здоровьем интересовался, это я любопытствовал, как у нас с профзаболеваемостью по сравнению с большой землей.

— Я не жалуясь, — со скрыто возрастающим недовольством ответил подчиненный.

— Да? Значит, я вас неправильно понял, — озадачился начальник.

В кабинете на какое-то время повисла тишина. Проценко встал из-за стола и прошелся своей любопытной походкой — то ли потягиваясь, то ли норовя подпрыгнуть.

— Я зачем вас позвал, Алексей Павлович? — сам себя спросил начальник. — В цехе не хватает мастеров. А вы со своим опытом можете не только мастером, старшим инженером работать. Кстати, я себе ставлю в вину, что вовремя не познакомился с личными делами рабочих. С итеэровскими — сразу, а до рабочих руки не доходили, а там много интересного. Поэтому и о вашем техникуме, хоть и не по профилю, и об остальных дипломированных помбурах узнал недавно. Промашку я совершил, промашку, — искренне посокрушался Леонид Андреевич, — но теперь настойчивее буду предлагать вам пост мастера: общество, Алексей Павлович, затратило на ваше образование определенную сумму, и вы...

— А если откажусь, что? — угрюмо ответил расстроенный бурлищик.

Его раздосадовало не само предложение — был грех, оно возникало и в нем самом. По разным причинам и поводам, и конечно же, не обошлось без жены, без жены ни одна заклепка не потечет. Так и тут. Проблема с давних пор, казалось бы, была наглухо закрыта — так с какой стати натягивать хомут? Но ей... Муж-рабочий. У всех — начальники, но крайней мере — инженеры, а ее — рабочий! Где справедливость? Для нее это как геморрой.

А ведь было время, когда сама одобрила его решение. «Живи для дома, для семьи», — пела. А сейчас: «Сколько можно?! Не мальчишка

— сопли на НКТ наматывать. Вся квартира мазутом пропахла, исподнее стирать — не перестирать... Одни ночные чего стоят...» Хотя чего стоят ночные вахты, может знать только тот, кто эти ночи на месторождении, а не в собственной постели проводит.

Но был резон в ее словах, был. И преимущества в предлагаемой должности имелись, главная — возможность более свободно распоряжаться своим временем. Захотел — поехал на скважины, захотел — по рации поруководил, а захотел — вот так! — из дома носа не высунул. Такое бывает... Иногда не только на работу, на кухню, где собирается вся семья, выходить неохота. Лежал бы и лежал, глядя в потолок... Нет, все же лучше — в телевизор. И с годами такое случается все чаще. Но достоинство у должности одно, а недостатков-обязанностей — цистерна. И все же никто не знает, какая это тяжелая и грязная работа — на нефтяной скважине. Честно — сил на двенадцать часов кряду не хватает, просто физически не хватает, ноги в коленках слабеют, и присесть хочется.

А грязь! До чего ни дотронешься, никаким мылом не отмоешь! Только соляркой. Так и идет: мазут — солярка — мазут — солярка.

Так что у него самого подспудно копошилось: «Бросай это дело, хватит. Пора перебираться в контору...»

И тут до Алексея Павловича, наблюдавшего за променадом начальства, дошло, что ему не нравилось в Леониде Андреевиче Проценко — и не только сегодня! — тот его, и не только его! — гнездилинскую судьбу брался решить походя, мимоходом: увидел на сходке, поманил пальцем и... давай ему ответ. Не-е-т, такие дела так не делаются...

— Что, уволите? — поднял потяжелевшие веки с потемневших, налившихся обидой глаз посуровевший бурильщик.

— Нет, конечно. Зачем же так? Я ценными работниками не разбрасываюсь, я просто тех, кто работает не сполна, не на все свои возможности... ценю меньше.

— У каждого из нас своя цена, — раздумчиво протянул бурильщик.

— На все и на всех? — усмехнулся начальник, ставший, казалось, еще длинней.

Гнездилин не ответил, только пожевал мягкими губами, словно проглотил горькое лекарство.

Но тут Проценко остановился — разговор все дальше уходил «не в ту степь», в его планы совершенно не входило ссориться с бурильщиком, к которому, как стало известно, захаживают в гости начальники управлений. Да и ему самому этот старичок был... любопытен!

— Алексей Павлович, я только о деле. Больше ни о чем. Только об интересах дела, которому вы можете принести пользы больше. Извините меня, но если я пришпориваю, то только с этих позиций. Никаких других, личных, личностных...

— Я понимаю. — Гнездилин услышал искренность начальника и быстро помягчел. Но Проценко тут же все испортил окончательно:

– И потом, давайте оценим, как все это будет выглядеть внешне – коммунист, замсекретаря партийной организации, высококвалифицированный рабочий уходит с высокооплачиваемой работы, возглавляет отстающую бригаду... и, используя свой богатый практический опыт, по-рабочему взыскательно, принципиально и требо...

– Да-а, – перебил Гнездилин. – Красиво.

Двух этих неопределенных слов хватило, чтобы Проценко остановился. Спустя мгновение, еще не перестроившись, выгадывая время, спросил:

– Бойтесь, что не справитесь? Я обещаю...

– Я подумаю. – Гнездилин встал. – Перспективы столь лучезарны, что ослепляют. Как сварка. Надо проморгаться.

– Алексей Павлович, вы же меня не так поняли, давайте на время замнем этот разговор, а вы подумаете о моем предложении. В нем ничего, кроме заинтересованности делом...

– Да-да-да, – покивал головой Гнездилин и попытался к выходу. Постучав в дверь кабинета техники безопасности и по гулкости эха определив, что народ разошелся, Алексей Павлович из «технологического» позвонил домой:

– Так мы идем сегодня в кино или нет? – не здороваясь, спросил у снявшего трубку сына.

В кино, хоть и любили, ходили редко – кинотеатра в городе не было, а в клуб «Юбилейный» – недалеко от дома, билеты, как правило, надо раздобывать заранее. Или по блату. У Витьки там недавно появилась «болеельница», так что проблема была снята, но тем не менее ходить всей семьей удавалось редко – дочке было восемь лет и на вечерние сеансы ее то пускали без разговоров, то скандалили. Упрашивать было стыдно, да и жена в последнее время семейные культпоходы не жаловала, предпочитая остаться дома.

Однако, придя из кино, отец и сын зачастую заставляли Катерину в одиночестве – за матерью в очередной раз приезжали то ли родственники, то ли сам больной.

– Ты домой зайдешь или тебя около клуба ждать? – вопросом на вопрос ответил сын.

– Мать дома? – и пожалел, что спросил: ну, ответит сын лишней раз, что дома хозяйки нет, и что?

– Дома. – равнодушно ответил Виктор.

– Ну, так предложи, может, соизволят... Давай прямо у входа, мне еще добираться, – у Алексея Павловича все же чуток отлегло от сердца – не любил он, когда дочь оставалась в доме одна. И вроде уже большая девочка, как никак восемь лет, в школу ходит, а... Что-то неладное с Катериной. А сначала была как и все дети – веселенькая, ласковая, привязчивая. Что-то сшибло ее, но что – видно, и сама еще не понимала, иначе бы спросила, пожаловалась. Нет, тяготило-мучало про себя. Но на руки теперь ни к отцу, ни к матери. Таким дичком стала!

Алексей Павлович с холодком встретил известие — дочь. Сына хотел второго. Было у него, одиночки, свое представление-зависть о таком понятии как «братья», «брательник», «братья». Сам не испытал, не довелось, хотел сыну... Все же двое — уже сила. Там, где не потянет один, подаст руку другой, где оступится один, не оступится второй... Хотел Гнездилину брата Виктору. Не получилось.

Дочка росла не похожей на Витьку ни внешне, ни характером, была такой тихой и нежной, что растопила...

Витька был крикун и забияка, и забияка-то боязливый — щиплет и за отцовы штаны. И уже оттуда опять норовит достать. А девчоночка росла иной. Сначала, лет до пяти, вроде как Витька. А потом что-то разглядилось, чего-то убавилось и оказалась — красненькая. Если у супругов Гнездилиных, у обоих, носы тянулись к губе — у Алексея Павловича явно, у Нины Васильевны незаметнее, то у девочки носик оказался точененьким, а между ним и верхней губой, всегда слетка приоткрытой, всегда так влажно запотевало... И лобик высокий, не женский, а височки впалые, дотронуться страшно, на одном из них венка — отчетливым узором.

Так что же ее сшибло? До него если и доходили какие разговоры, слухи, переглядывания-перешептывания за спиной — спина напрягалась так, что уши закладывало. А ее — неужели то самое? Кому бы, ведь вокруг нее-то маленькие, такие же несмышленишн... Чтоб у тех, кто в замочную скважину подглядывает, зрачок бельмом затянуло, чтоб глазенки у них вообще позакрывало...

Неужели такой камень уронили на девочку? Негодян.

На сердце было беспокойно. Хорошо, дорога помогала отвлечься, идти приходилось чуть не на ощупь. А вот на конечной остановке автобуса, дожидаясь отправления, пришлось вновь уткнуться в свое.

Из головы не выходил разговор с Проценко! Доснаживал Гнездилину обычно долго и, как правило, уже стоя спиной к собеседнику.

Про ожидающиеся перемены в стране, связываемые с приходом к власти Горбачева, Алексей Павлович слышал не от одного Проценко — тот как-то распылился про них на одном из междусобойчиков. Об этом же встревоженнее, глуше шептались между собой те из начальничков, которых Гнездилину встречал в гостях, на очередной пирушке. «Слава богу, дома последнее время гостей поменьше, потише стало... Жизнь вообще потише стала. Как перед грозой... Но чем эти перемены могут задеть меня, рабочего человека? Это отцам-командирам беспокоиться нужно — за места, за привилегии, которые себе нахапали. А на мое место у скважины кто позарится? А если конкурент и найдется — уступлю без сожаления».

Но что-то в этих рассуждениях не давало полной успокоенности. «А хотя бы то, — подсказал оппонент, — что если дойдет до такого — «уступи место» — другую лавку найти будет непросто!»

И сам же себя унимал, заверяя, что пока опасения — от лукавого:

он, Гнездилини, три раза успеет уйти на пенсию, прежде чем дело дойдет до его места.

Сын ждал не в вестибюле, а на улице, хотя для ботиночек там было влажно, значит, не хотел на свету красоваться, лишней раз здороваться со своими многочисленными знакомцами.

Вот это стремление сына уйти в тень, усиливавшееся в последнее время, удивляло и настороженно радовало — уж слишком до этого футболист-шофер Витька Гнездилини жил на юру, легко отдаваясь всем переменчивым ветрам товарищеских, приятельских и панибратских отношений.

Алексей Павлович взял сына за локоть, и они пошли в фойе, где уже всех подгоняли переливы третьего звонка, после которого вход в зрительный зал неумолимо закрывался.

Картина была хорошая, «чуйствительная» — так называл индийские фильмы сын, подсмеиваясь над отцом. Хотя сам, насмешник, смотрел отдельные сцены с приоткрытым ртом.

По мокрой, скользкой, еле видимой тропе, ведущей к дому, долго шли молча, и только на подходе сын расцепил зубы:

— Батя, помоги с жильем. Придумай что-нибудь.

— ... Да ты что, сынок, да чего ж тут придумать можно? Мы с таким трудом, через оскорбления, в эту трехкомнатную въехали...

— Мать все может.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Трехкомнатная, телефон, московский дом, четвертый этаж.

Ноги из грязи вытаскивать было легче, чем выталкивать из горла слова:

— Мать у нас авторитет.

— Авторитет, — усмехнулся сын. — Над начальническими сраками.

— А чего сам не хочешь поговорить с ней на эту тему? Не маленький.

— Потому что не маленький, и не хочу говорить с ней. Вот тебе и кино, вот тебе и посмотрели!

Дома всегда становилось легче, дома всегда было хорошо; хоромы свои Алексей Павлович, надо признать, обжил от души — на кухне диван поставил! А что? Размеры позволяли. И телевизор для кухни прикупил. И смотрел его чаще именно здесь, полулежа на мягком диване. Удобно! Не надо никуда ходить, ничего носить, накрывать-убирать — пей себе чай и смотри!

Но сегодня хотелось в какой-нибудь угол потемнее, в конуру какую-нибудь, но чтобы только одному. Озяб он сегодня. Хотелось согреться. От услышанного.

Нина была дома.

— В ванной белье, прополоскай и выжми. У меня руки отваливаются.

Что ж, кинопрогул надо отрабатывать, это справедливо. Тем более, что полоскать пододеяльники и простыни, действительно, мужское дело, их он-то с трудом поднимает над ванной, а они при этом потрескиваются и рвутся от тяжести.

...Раньше, когда дети были малы и все было гораздо тяжелее, чем пододеяльник в ванной, еще в том проклятом балке, между командами «вынеси помой», «принеси воды», сквозили благодарность, ласка, нежность. Любовь. Что осталось? Куда все подевалось? И кто виноват? В чем его вина, чего он не заметил? Почему даже в звездные ночные часы она смотрит мимо, куда-то за плечо, словно там... Что? Или — кто? Полюбила?.. Но разве сейчас, после сорока, можно еще полюбить кого-то, кроме детей? Променять детей на... Да нет, такое невозможно. Что же тогда?

Он полоскал, выжимал, развешивал.

Когда она разговаривала с ним деловым командирским голосом, он не обижался: чувствовал — устает. Обслужить семью, даже всего из четырех человек, дело нелегкое. Тем более, если работаешь на полторы ставки... Вторую, дополнительную, давно бы следовало сократить, хватит, по она — не-е-ет... Будто ей это занятнее — колоть чужие задницы — мед на хлеб.

С первой растянутой по веревке скатерти набежала лужа. Нина, проходя мимо, ткнула:

— Не видишь? Подотри.

Внутри закипело. Захотелось ответить, даже не ответить — огреть. Но если не позволял себе раньше, то как теперь, на глазах у взрослых детей...

— Чай горячий?

— Только что заварила.

И — отлегло. На этот раз — отлегло.

10

И все же именно в эту осень ему самому стало понятно, что он стал тяготиться благоустроенным, благополучным домом. Мебель еще не успела рассохнуться, а уют пропал, испарился. И все чаще Гнездилини натякался в собственной квартире на углы стола, цеплялся за дверные ручки, врезался лбом в распахнутые дверцы шкафов и шкафчиков. Все так болезненно! В душе накапливалось тусклое и тоскливое, мутное и злое. И все чаще тянулся Гнездилини на третий, обшарпанный и оплеванный этаж производственной конторы, где мужики все чаще заводили речь не о плане текущего месяца, а о том, как и почему уже несколько лет в провале государственный план добычи нефти на таком уникальном, богатейшем месторождении, как Самотлор.

И не только о плане, и не только о нефти.

Вмешался Проценко. И обрезал. Однажды, явившись на очередное вече, он выпил свой стакан, подошел к урне и опустил его туда.

— Понятно? Здесь, в этом здании больше никто ни разу... Надеюсь, до греха никто не доведет?

Конечно, мужики не остановились, но пить под полушубком скучно, так что вскоре пайти в цехе стакан стало проблемой. Чашки в «технологическом» — пожалуйста, но из чашек удобно пить чай. Вскоре о стаканах в цехе и не вспоминали.

И все же мужики, конечно, не остановились. За «указ» голосовали обеими руками, необходимость его ощущали все, но в общество трезвости не вступил ни один. Хотя партийная секретарша и уговаривала — появилась такая графа в отчетности: «Количество членов общества «Трезвость»... Мужики стали чаще ходить друг к другу в гости, находили иные места для общения — например, в том же спортзале. Образовалась «группа здоровья». В будние дни в ней и десяти человек не наскребалось, зато по воскресеньям...

У этой группы, как у хорошей футбольной команды, появились свои болельщики — одни поправляют здоровье на спортивной площадке волейбольчиком, другие их дожидаются в раздевалке и «поправляются» там.

Гнездилини в эту калитку не заходил, от всего, что было связано со спортом, его мутило — Витенька, что называется, «приобщил».

Как Алексей Павлович надеялся на армию! Но даже эта могучая школа, панацея от всех подростковых болезней, не выручила. Два года протунеядсговать! И где? В армии! Там, в его, Алексея Павловича, время, газету почитать было некогда. Времени на письма домой не оставалось. А этот—два года в спортроте! «Спортивная рота» — какою сочетание, а?!

А в военном билете написано — стрелок. Черным по белому — стрелок.

Шли они как-то мимо тира. Алексей Павлович возьми да и предложи посоревноваться. Витька из десяти попал три раза! Три из десяти! Ну, сам-то Гнездилини тоже не лучше, но ведь он-то радист. А радист — это «ти-ти-тати» на ключе, а не «та-та-та» из карабина. Он на ключе до сих пор семьдесят-восемьдесят знаков отстучит в минуту. Конечно, это не «класс», но слава богу, ему за ключ лет десять не приходилось садиться, брали тут как-то на переподготовку, так он нужный уровень с натяжкой, но подтвердил.

Витька же только что из армии, а в круг диаметром пять сантиметров с семи-восьми метров попадает три раза!

Гнездилини так расстроился, что про сдачу с рубля забыл. А «стрелок» ухмыляется: «Я из десяти одиннадцатиметровых восемь в девятку укладываю. Этого достаточно, чтобы меня от стрельбищ освободили!»

«Из десяти одиннадцатиметровых восемь в девятку...» — попробуй быстро выговорить. Абракадабра!

Но именно в эту осень, в самое свое золотое футбольное времячко, Витька был явно не весел.

Тот разговор про квартиру... Дело бесперспективное, хотя... жена восприняла просьбу сына спокойно. Только внима-а-а-тельно на него посмотрела. Алексей Павлович ждал бури, слез, а Нина только утомленно-удрученно покивала головой.

Очевидно, просьба сына и у нее отождествлялась с намерением встать на собственные ноги. А каких родителей такое намерение сына не порадует? И дело не в тягость.

Ну чего, предположим, Витьке не жить в квартире родителей? Обстиран, накормлен, холодильник полон, новые башмаки ждут, когда стопчутся старые. В своем доме все это ляжет на собственные плечи. И все же... В родительском доме нравы, ценности, привычки – старших. Скрипи не скрипи зубами, устои родительского дома не переделаешь. Чтобы стать собой, надо жить собственным домом. Ради этого и отказываются от родительской опеки – стирки, глажки, готовки, обеспеченности. Витьку понять можно. Как помочь практически?

Вот тут бы буровикам, за которых играет Витька, и помочь. Не-е-т, их только на водку хватает. Слава богу, сейчас такое «поощрение» подсократили.

И все же как быть? С парнем что-то серьезное, если он не только к семейному ужину, но даже на спортивную передачу, переключенную специально для него, не отзывается.

Одиночества искал не только сын – сам Алексей Павлович все чаще и дальше уплывал на лодке от семьи и связанных с нею забот и потрясений. Уплывал якобы за рыбой, но рыбалка ему в последнее время обрыдла. Бочонок на балконе пополнять, конечно, приходилось, но азарта не было, равнодушным он стал ко всем этим охотничьим страстям.

Он и раньше-то браконьерствовал в основном с соседом, был у него на подхвате, но не явившись пару раз по команде, попал в ненадежные, и его заменили – у профессионала всегда имелись на примете лодочники, готовые по первой команде превратиться в рыбаков-браконьеров. Только свистни.

Так что ловил теперь Алексей Павлович на законные, рыболов-спортсмен – магазинные орудия лова. Кишет пару удочек, блесной поиграет, а потом и блесна уйдет на дно реки, и Алексей Павлович ляжет на дно лодки.

Одному оказалось намного лучше. Смотри себе на небо, на облака, на проворачивающиеся вершины деревьев, на их обнаженные временем корни и... думай. Но думать о себе, о своих дрызгах семейных было противно. Мелочно, суетно. Он старался забыться, выпивал со временем все больше и больше. В оправдание ссылался на осенние заморозки, как ни одевался – замерзал. От тоски и от холода лекарство было одно, но душа вместе с телом отогревались ненадолго. Наступало забытье, после которого становилось еще тоскливее.

Человек устроен так, что не думать не может, и если о семье Алексей Павлович думать запрещал себе сознательно, то оставалось думать об окружающем. Хотя, разве можно запретить себе думать о ближних, о тех, от кого – никуда?..

Торжественная, построжевшая, одинокая река заставляла всматриваться в себя, в свои глубины, укрывающие от поверхностного взгляда годы и столетия, но человек не может без сиюминутного – свои болячки больнее, мысли о сегодняшнем – неотступнее.

Забыв про рыбу, Алексей Павлович медленно плыл посредине, то отталкиваясь от своего, всматривался в увеличивающиеся, приближающиеся, прихваченные морозцем, монументально застывшие берега, то, взмахнув пару раз веслом – мотор не заводил, шум от него кощунственен – возвращался в то, от чего не уплынешь никуда, в то, что даже здесь, среди гулкой, пробирающей до озноба тишины, – не отпускало.

Последнее время «четыре стены» Алексея Павловича, неожиданно для него и для товарищей по цеху, оказались намного расширены. Очень намного. До границ... страны.

Газеты он читал всегда: придешь с работы, сядешь возле телевизора и читаешь.

Ждать газет стал только сейчас – принимало.

Сознательная жизнь Алексея Павловича проходила при четырех лидерах. Смерть Сталина была на памяти, он помнил, как рыдали отец и мать, да и сам он, глядя на них, давился слезами. Но... отрыдались быстро. Жизнь рванула вперед, и Никита Сергеевич вошел в нее бесцеремонно и по-хозяйски. И – весело, ибо до него семья Гнездилиных жила в деревянном двухэтажном бараке с удобствами во дворе, а тут получила жилье в благоустроенной пятиэтажке хоть и с совмещенными, но в собственной квартире, удобствами. Дальше Никита Сергеевич, говорят, пошел куролесить по совхозным полям, но он, Алексей Павлович, вспоминал его добрым словом.

Хотя места на постаменте он в сознании Гнездилина и не занял.

Кем он восхищался безоговорочно – Леонидом Ильичом, долгое время уважение было отстраненным, но попались ему на глаза книжки Брежнева – «Малая земля», «Целина», «Возрождение», и Алексей Павлович проникся. Это была биография!

Впервые он тогда задумался, сколь много может совершить человек за время, отпущенное ему. Да, конечно, без вмешательства судьбы не обошлось, не обходится, все же нужно человеку, чтобы его... но крайней мере, не убило раньше времени, но и сам он... успеваешь горы свернуть!

Гнездилин был уверен, что Брежнев положат в Мавзолей. Он считал, что Брежнев – заслужил.

...Правда, он бы не стал. Он всегда помнил свой поход на Красную площадь и впечатления, вынесенные оттуда. Мучительные. Смотреть

на Ильича невозможно! Только там, в Мавзолее, становилось понятно, что значит упокоить, упокоиться. Ибо Ильичу упокоиться не дали. Его даже после смерти вынуждали работать.

Как они были измучены, косточки человека, перед которым преклонялся мир! Которого помнили, чтили и любили миллионы.

Но память – одно, а постоянное лицемерие, от которого нельзя заслониться...

Не-е-т, Мавзолей – это неправильно. Должна быть могила, к которой можно всегда прийти и поклониться. А глазеть необязательно. Человек, и уж тем более Ильич, заслуживает упокоенности. И найти ее можно только в земле родной, что вскормила и вырастила, а не на постаменте под испуганно-восхищенными взглядами миллионов. Да и взгляды разные... выдерживать, выносить, терпеть их – мучительно, человек покоя просит, упокоения... И обречать его, мертвого, на вечную работу...

Не-е-т, не желал Алексей Павлович Леониду Ильичу такой участи. Из-за любви и восхищения.

Но вот прошло немного времени. И покатилося-обрушилось...

Если бы про Брежнева сказали так же, как и про Сталина – виноват! – сжег бы Гнездилини те газеты. Но про Брежнева так не говорили. А просто показывали – до чего мы докатились. Спокойно, деловито показывали. Глаза промыли! И как же эти промытые глаза заслезило резью!

Постепенно становилось ясно – все сплошь было укрыто периной. Перина или сползла, или под ней стали задыхаться и отбросили прочь.

В Чернобыле Алексей Павлович сам не разобрался – ни знаний, ни информации не хватало. Конечно, до него дошло, что это был конец света, край, черта. Но там не все зависело от мужиков, от таких, как он сам. Еще вопрос, чьей там вины больше – ученых или эксплуатационников, или тех, кто как у них в Миннефтепроме просит: «А подкиньте, дорогие товарищи нефтяники, сверх плана миллиончик тонн нефти, у нас дебит с кредитом не сходятся». Возможно, что и там тоже кто-то кого-то попросил... А когда просят из Москвы, начальство отказать не может, оно зубами за кресла держится, пропадай все пропадом, лишь бы из кресла не вылететь. В результате... А потом все от всего откашляются, и виноватым оказывается стрелочник.

У них, в Нижневартовске, году в семьдесят втором тоже бабахнуло – тринадцать человек как корова языком слизнула. На товарном парке дело было. Он мог принять 80 тысяч тонн, а через него гнали до 130. Загазованность – люди падали. А из Главка все просили: «Увеличьте еще, увеличьте еще». С Самотлора тогда можно было снимать беспредельно, вот и снимали... Кто посмеет отказать... Так и довели дело до цинковых ящиков.

Как было в Чернобыле, Алексей Павлович не знал, и потому – не судил, не сложилось у него своего мнения о Чернобыле.

Но вот «Адмирал Нахимов»! «Адмирал Нахимов» его убил! Это была уже его, мужичья работа. Там на мостике стояли такие же, как и он, мужики, там оглядываться не на кого, смотришь на себя в зеркало.

Четыреста душ! Дети, девчоночки, девчухи, женщины — в воде, а по ним, давя их, ползет каток...

Алексей Павлович себя видел в той воде! С Катериной в руках.

Звук, который вырывался при этом у него из души, — то ли стон, то ли скрежет, то ли плач.

Злобы к капитанам он не испытывал — переполняло отчаяние. И стыд. За себя. Что попал с ребенком в такую ситуацию. Что допустил. Что позволил. Выходит, жил он, Гнездилин, не так, выходит, было в его жизни нечто такое, что заставляло испытывать боль и стыд перед теми, что барахтались там, в воде, без его помощи и поддержки.

Подстрелил его «Адмирал Нахимов», подстрелил.

А если оглядеться? Если разожмурить глаза и оглядеться? Да взять тот случай с Тараненко! Один в наглуую прогуливает, другой, наводя порядок, прикладывает руки... Да это же два парохода — один «пассажир», другой «грузовик». Ведь им нельзя сталкиваться! Ведь тут та же пропасть, в которой могут пропасть оба. Ведь должен быть меж них кто-то нормальный!

...А еще Алексей Павлович часто задумывался о том, что было бы, окажись на месте того парнишки сын?! Витька пихать бы себя не позволил, он уже в седьмом классе в драке хватал что ни попадя под руку, и только держись, так что Георгию пришлось бы защищаться, но в итоге побеждают все же такие, как Тараненко, Витьке бы пришлось худо...

Но дело не в драке. Что же все-таки получилось бы, попадись на витькином пути такой наставник, как Тараненко? Не возражал бы он, отец, против такой учебы? Ну, пихнули бы пару раз, наставляя на путь истинный, но ведь на путь истинный! А так что получилось — стрелок. Родной сын по военному билету — сам читал! — защитник Отечества, стрелок, а он с пяти метров в яблоко попасть не может! Так на кого тогда можно положиться? Кому верить? Если у нас на капитанском мостике такие же вот «стрелки» командуют, если им пароходы доверяют.

Так дальше продолжаться не может! Надо что-то делать, чтобы такое дальше не распространялось. И на соседа нечего кивать, и на Тараненко... Самому надо что-то делать, причем, за двоих, если сын вместо карабина в руках футбольный мяч держит, а все остальное у него из рук валится.

Ох, Алексей, Алексей, хорошо ты живешь, но заслуженно ли, по справедливости ли? Если от такой работы ребятишки тонут... Лодка Алексея Павловича тыкалась в берег, ее сносило и крутило, иногда она днищем карябалась о дно реки, наконец, ее развернуло боком, и волны, шлепаясь о борт, брызгали в лицо недвижно сидевшего человека, судорожно сцепившего большие усталые рабочие руки.

Наконец, он расценил их, завел мотор и направил лодку в сторону Самотлора.

11

Тараненко пил. Брал с собой в ночную, и, если обстановка позволяла, употреблял – такую информацию Алексею Павловичу донесли, едва он стал мастером бригады.

А работа, кстати, позволяла часто – техники не хватало в дневную вахту, а уж про ночную... А тут еще «продуктивная» помощь министерства! Нагнали на Самотлор бригад капремонта со всех месторождений страны. Людей – тьма. По задумке, прибыть они должны были со своей техникой. Но это людей можно затолкать в самолеты и заставить месяцами жить в вагончиках около скважин. Технику же в самолеты не загрузишь, в авиаконвертах не поплешь. Та же, что добралась по железной дороге с месячным отставанием от графика, на бетонках и лежневках Самотлора быстренько вышла из строя. Да и кто что там присылал... Слезы луковые.

На бумаге что угодно изобразить нетрудно. А вот чтобы изображенное задвигалось, ожило на месторождении...

Практически за ночные вахты работу спрашивать было нечего.

Тараненко же не просто пил – он ночью стал отпускать своих помощников. Не за спасибо – за доказанное уважение. «Ты меня уважаешь?..» И в следующую вахту очередной помбур, которые менялись здесь, как «верхонки», привозил «уважение?» с собой, а сам отправлялся спать в кровать приписки.

Конечно, узнав о таком, все дружно возопят - а куда мастер смотрит?! Но пылать негодованием легко. А вот даже просто неожиданно приехать в бригаду – сложнее. Попробуй, найди колеса для поездки за сорок-пятьдесят километров, чтобы проверить, в каком состоянии твои подопечные.

Если в объезд соберется «контроль» управления, автобус найдется. Но стоит такому контролю появиться на одном кусту, в одной бригаде, как тут же после их отъезда по всем направлениям молнией разлетится: «Ахтунг, ахтунг, ездят проверяющие, были у нас, приготовьтесь к встрече...»

А мастеру, возжелавшему среди ночи явиться в родную бригаду, любой диспетчер-технолог заявит: «Если твое присутствие на кусту необходимо ночью, будь там с вечера». И весь разговор.

Но, предположим, он, Гнездилин, свалился снегом на голову Тараненко. И тот именно в эту ночь выпил свой стакан-полтора, хотя пьет он все же не каждую ночь. От него – пахнет. Что с этим запахом делать?

Для стокилограммового Тараненко бутылка, что ком снега около печки. Он после нее, под прищуром мастера, подъемник при необходимости заменит.

Но, допустим, мастер проявил принципиальность — отстранил рабочего от работы. Куда и на чем его дальше? В три часа ночи, за пятьдесят километров от города. В свидетели же завтра никто не пойдет — рабочий будет отмазывать рабочего. Рассуждают они приблизительно так: «Работать мог? Мог. Ну, а то что запах... От трактора всегда пахнет...»

Свезти же его в город на официальную проверку... Тут любой, не только Тараненко, не бычок, чтобы его на веревочке... Тут самый тщедушный — бык! Как начнет рогами крутить...

Завтра же доказывай, кто из двоих — мастер или бурлыщик — верблюд. Конечно, начальство поверит мастеру, только что с этим доверием делать? Попробуйте на одном утверждении мастера, что член вахты вчера выпивши, издать официальной приказ. Наш давно ставший грамотным рабочий тут же обжалует его в прокуратуре. И кто окажется в дураках?

Поэтому разбирать конфликты в присутственных местах многие командиры просто-напросто избегают, предпочитая решать их субъективно-силовыми методами: очередностью на жилье, временем отпусков, предоставлении отгулов, повышении-понижении разрядов. Умей только пользоваться этими методами.

Уметь стали немногие. Гнездилин убеждался — «волевых» все меньше и меньше, кишка у многих стала тоньше. А ведь чтобы держать власть, быть командиром, нужно иметь характер.

Надо иметь характер, чтобы рабочему — не пьянице, не прогульщику, нормальному, даже хорошему работнику, отказывающемуся в интересах дела задержаться на пару часов, прямо в лицо заявить: «Смотри, если ты так...» И чтобы работник после таких слов начальника пожалел о своем отказе. Не сегодня, так завтра, не завтра, так через месяц. Чтобы не только он, а его напарники, коллеги, смежники убедились — в черный список лучше не попадать, себе дороже. Если начальник просит, просьбу надо воспринимать как приказ. А если рабочий слушает начальника, как жужжание комара, — грош цена этому начальнику, если даже как спец он семи пядей во лбу.

У Проценко кишка была нормальной, потому и принял Гнездилин его предложение встать на бригаду. Завидую характеру начальника, Алексей Павлович с некоторых пор начал задумываться, а куда делся свой? Ведь был когда-то. Так почему сейчас по первому же поводу собирается сунуться за помощью к дяде? Стыдно ведь.

Однако жизнь подбрасывала новые факты: выяснилось, что Тараненко позволял себе не только «употреблять», он еще многое другое позволял себе, этот «передовик» производства, «воспитатель» подрастающей смены. Тут уже был не просто запах, на который повонспеченный мастер до поры до времени отключил обоняние, тут было гораздо серьезнее.

...Тараненко работал ночью. Утром доложил, что сгонял шаблон до глубины тысяча метров. И со спокойной совестью уехал домой набираться сил после тяжелой ночной работы. А когда после него стали спускать накер, тот встал на глубине семьсот метров.

Вот тут Гнездилини озадачился по-серьезному, вот тут у него губа съежилась-озлобилась. Но за руку Тараненко пойман не был: всякое случалось — шаблон пройдет, а инструмент встанет. Бывает. Много чего бывает... в сказках. В жизни чудес меньше. А сказки Гнездилини читал давно. Сам же еще не успел забыть, как по сводке отчитывался о непроделанной работе, знал о таком не понаслышке. Правда, только из-за его туфты накладок не происходило...

Вечером Гнездилини специально остался на кусту, чтобы повидаться с Георгием, заступающим в ночную.

В культбудке было грязно. Конечно, тут чисто быть и не могло — на шести квадратных метрах стояли столы, лавки, табуретки, нагреватель, электроплита, телевизор, а между ними люди: три человека вахты, машинист подъемника, периодически тракторист. Не говоря о появляющихся время от времени смежниках.

После того, как в «избушке» побывают все одновременно — достаточно одного раза — не только табуретки, стены чернеют. Даже красочные плакаты, высоко прищипленные к стенам, ворсильсь грязным жиром. И портрет Сталина тоже.

Портрет Гнездилини хотел снять. Тараненко не дал:

— Что он тебе, мешает? — И Гнездилини отступил:

— Черт с вами, любуйтесь.

Под окурки Гнездилини заставил завести пепельницу. Порезанную клеенку заменил привезенной из дома. Черные кружки заменил домашними чашками. Но дело было не в мебели, не в посуде.

Сальными, помятыми были лица у вахты, заступающей на смену. Конечно, пока едешь из города на месторождение, до своего куста скважин, закемаришь. Но тут помятость была иная.

— Ты, Георгий, спуск-подъем вдвоем делал?

Тараненко, скользнувший небрежным взглядом по мастеру, сначала не понял, что в лице у того изменилось, потом дошло — губа, отвислая, как кожура надрезанного плода, сейчас белела шрамчиком. Это было так неожиданно, что Георгий некстати усмехнулся. А потом, придерживаясь принципа «нападение — лучшая защита», спросил:

— Не веришь, что шаблон спускали?

Оба сидели. Гнездилини около рации, Тараненко ближе к выходу, загораживая проход тем, кто хотел войти в помещение.

Вопрос мастера, в общем-то, застал врасплох — в вахтовом журнале были четко выведены три фамилии, полный состав вахты. Но работали вдвоем, третьего Георгий вскоре после начала смены отпустил — уж больно тот убедительно просил.

«Кто заложил?» — прикусил губу бурильщик.

– Отпросился один, под утро уехал на попутке.

– А ты, благодетель, вдвоем поднимал? Трехдоймовки.

– Чего не сделаешь ради товарища, – в успокоившемся голосе бурильщика зазвучала издевка, – жена там у него... Проверить надо было. – Тараненко переодевался в рабочее, сваленное около лавки, нисколько не стесняясь мастера. Конечно, чего мужику стесняться мужика, но обычно переодевались в сушилке, где стояли и шкафчики для чистой одежды, хотя некоторая ее часть висела прямо на гвоздях.

Тараненко, вышедший по зову мастера в «горницу», переодевался здесь, как бы подчеркивая – хватит «ля-ля», пора выходить к скважине, на работу. Но, видно, все же задел его мастер своим вопросом, не мог он его проглотить молча, без обратки, и спустя какое-то время Георгий «невинно» поинтересовался:

– А у тебя, Палыч, никогда не возникало такой необходимости – проверить жену, когда работал в почную? Ты своей доверяешь? Полностью? Ну-у, завидую. А моя просто знает: вильнет – инвалидом сделаю. И никакое следствие не докопается.

Гнездилин запылал. Полнокровное лицо его, всегда с розоватым оттенком, сейчас заалело, и он сам ощущал это по заколотившемуся до пота сердцу. А мысли – вразброд. Но лихорадила одна: «Подначивает? Или всерьез, со знанием? А может, просто треп?»

А Тараненко, не обращая внимания на Гнездилина, натягивал ватные штаны, покрытые сверху мазутом, землю, засохшей коркой солевого раствора, которым «капитальщики» пользуются при глушении скважин. И при каждом его движении эта корка грязи ломалась и осыпалась, застилая пол под ногами и Гнездилина, и Тараненко. А стаканы и чашки, теснящиеся на столе, прижимались друг к другу, жалобно позвякивая.

Гнездилин сначала смотрел на бязевое чистое исподнее Тараненко, потом взгляд его стал отрешенным и невидящим. Но не только отвести взгляд, сморгнуть не было ни сил, ни желания.

...А ведь, дожидаясь бурильщика, рассчитывал спокойно и твердо заявить ему: «Не подозреваю – знаю, сачканул, схалтурил». Не получилось. И если бы только из-за услышанного про жену... Хотя после такого не только в лицо, в сторону Тараненко вообще смотреть зряче трудно.

А как было раньше? С другими? В глаза начальству давно научился не смотреть. Сознательно, обдуманно. Чем это было? Ограждением, отчуждением, неприятием: ? ! «Я рабочий? Рабочий. Свое дело знаю. Исполняю его в меру сил. И отстаньте от меня». Что-то вроде этого.

Но от своих помощников взгляда не отводил, молодых-сопливых носом тыкал в их недоделки. Конечно, словами, но не менее больно. И некоторые, если припомнить, тоже просились от него в другую вахту.

Так почему сейчас не ткнет носом этого зарвавшегося парня в ту кучу, что он навалил? Он же из тех, сопливых, которых учил раньше,

только повзрослевший, заматеревший. Или... Или так ослабел, так морально поизносился, что не в силах? Не вправе?

Странно и непонятно.

Из-за жены? Попал в больное место? По неведению — в самое больное?..

А какое у него больное? Сын — здоровое? Просит отделить... Как будто не на его сыновних глазах он, отец, пять лет пахал, прежде чем получил ту первую, такую долгожданную, с такой болью доставшуюся квартиру. А у сына хватает доблести протянуть руку и заявить: «Отдай». Как будто ему, сыну, что-то мешает пойти по стопам отца.

Но самое больное не здесь, самое больное все-таки жена...

Берется стыдить Тараненко, сына, их поколение, но сам, сам... Разве не унижительно, разве не стыдно, что даже про себя не позволяет заикнуться — «А ты ли отец своей дочери?»

...Разговор с Тараненко он все же довел до завершения. Можно сказать — нормально. Поднял взгляд и старательно посмотрел в глаза Георгию. Вытерпел. Удалось даже выговорить:

— Ладно, Георгий. Не пойман — не вор. Но палец я загнул. Понял ты меня? Палец я загнул.

Кто бы знал, чего ему весь этот разговор стоил.

Продолжение следует

Станислав ЛОМАКИН

Доцент кафедры философии Тюменского государственного нефтегазового университета. Его работы посвящены отечественной истории, философии, культуре и педагогике. Он «вскрывает» проблемы развития современного общества. Автор девяти научно-публицистических книг. Член Союза писателей России. Живет в городе Тюмени.

НУЖНА ЛИ СЕГОДНЯ КНИГА

«Учитесь и читайте.

Читайте книги серьезные.

Жизнь сделает остальное».

Ф.М. Достоевский

Вопрос прямо скажем, претенциозен, т.к. большинство людей, особенно старшего поколения, ответят: «Да нужна!» Некоторые читатели, прочитав заголовок статьи, подумают: о чем разговор, есть ли проблема, предмет спора. Есть. Он уже назрел, и социологические исследования, проведенные в разных субъектах Федерации России среди молодежи, показывают, что до 85% молодых людей постоянно книг не читают. Сам убеждаюсь, ежедневно работая со студентами. Сокращается число библиотек, исчезают книжные магазины в городах, не говоря уже о деревнях и селах. Книги вытесняют телевидение и компьютер. Телевидение стало доступно для большинства людей, оно не требует серьезного внимания, сосредоточенности, как чтение книги. Сведения, поступающие от просмотра телевидения, самые разнообразные. Как писал поэт Р.Рождественский:

Новости из Лимы и Полтавы.
Мешанина из проблем и стран.
Как оголодавшие удавы
Мы гипнотизируем экран.
Опера и свойства полимера,
КВН и баскетбольный матч,
Лучше чем Шекспира и Гомера
Знаем мы программу передач...

Чтение книги – это не только творчество, но и сотворчество читателя и писателя. Не помню автора, написавшего такие строки:

«Телевизор понесут под колокола
На всемирный, страшный суд за его дела!»

Видимо, автор имеет в виду, что этот атрибут цивилизации девальвирует мышление, а особенно у подрастающего поколения.

Некоторые читатели могут возразить, мол, нельзя ставить так вопрос: что важнее для человека, для культуры человечества – книга или mass media.

Всему свое время, и нужно признать сказывающиеся соотношения как данность в развитии культуры, науки, образования. Когда-то слово появилось из бессловесного мира и было всем: «В начале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог... Все через Него начало быть». (Иоанн 1,1-3). Слово на том этапе развития человечества означало, что Оно жизнь, и вне его не существует человека. Слово и есть книга. Сегодня сложилась уже телевизионная и складывается компьютерная культура, но им предшествовали на протяжении тысячелетий читательская культура, связанная с потреблением новой информации через книги. И нельзя, чтобы одна культура поглотила другую. Исследования показывают, что телевидение и компьютер не так уж безвредны, и уже несколько поколений людей, облученных mass media имеют рассеянное внимание, бессистемное мышление, слабое воображение. Человек читающий – Homo legens – совершенно отличается от потребителя телевидения и компьютера. Постоянно читающий человек отличается от потребителя телевидения и компьютера своим развитым интеллектом, адекватно оценивает ситуацию в мире, стране, быстрее находит правильные ответы на вызовы действительности. Иногда приходят мысли о том, что в наш компьютерный век не появятся великие писатели с их образным мышлением и воображением, подобные М. Шолохову, С. Есенину, Н. Рубцову, Н. Заболоцкому, Е. Носову, В. Распутину, В. Шукшину и др. У них не было рваной, лоскутной картины мира, навязанной сегодняшнему поколению телевидением и компьютером. Конечно, я осознаю, что ценности прошлого все более размываются. Новые ориентиры появляются стремительно быстро, с чередой ошибок и отступлений, нередко неадекватных форм.

Однако сами перспективы замены книг электронными mass media в своем идеальном выражении пока четко не обозначены, и в этом одно из противоречий, обуславливающее современную картину мира.

Осмысление, поиск гармоний всех видов культуры, целостное понимание этих процессов способствовало бы консолидации, стимулировало бы вопросы, связанные с духовностью, нравственно-эстетическими ценностями, приближало бы к более глубокому и одновременно современному толкованию традиционных проблем mass media...

В советский период мы были самой читающей страной в мире. Сегодня в процессе глобализации, которая упрощает, унифицирует мир, мы становимся как все страны, в которых жизнь человека проходит через желудок, а не через дух. Не хочу вдаваться в воспоминания молодости, студенчества, вызывать ностальгию по прошлому, но лишь замечу, для нас, людей 70-х, хорошая книга была признаком духовного богатства, да и стоили книги копейки. А сейчас в некоторых солид-

ных домах в книжных шкафах стоят муляжи-корочки подписных изданий русских классиков, выставленных для декорума. Приведу один пример, показывающий уровень духовности советской цивилизации. На тульском оружейном заводе за первое место в социалистическом соревновании вручали победителям двухтомник выдающегося писателя Владимира Чивилихина «Память», за второе место - холодильник. Комментарии излишни.

Взлет читательского интереса к литературе разных жанров пришелся на первые годы перестройки и связан он с тем, что снимались запреты на ранее не публиковавшиеся материалы по истории, литературе, культуре. В этот период подскочили тиражи не только книг, но и художественных журналов. Тиражи отдельных журналов зашкалили за миллион, а, например, журнал «Новый мир» имел более двух миллионов подписчиков. Сейчас его тираж, как и многих тогда популярных журналов, менее десяти тысяч экземпляров.

Этот читательский бум продолжался всего лишь 5-7 лет, затем интерес к литературе, к книге стремительно упал и, это продолжается до сих пор. На смену серьезному чтению приходят авантюрные, детективные, эротические и фантастические повествования. Вкус начинает диктовать свои условия, коммерциализация вторглась во все сферы человеческого бытия.

Технотронная цивилизация постепенно будет вытеснять книгу из современной культуры, индустрия неминуемо, неотвратимо переносит центр тяжести с книги на экран – новую форму существования печатного текста. Наши внуки, наверное, полностью перейдут на электронные mass media и будут пользоваться электронными библиотеками, а Интернет вовлекает все большее число людей в свои объятия – это всемирная паутина, информационная свалка еще более подорвет мышление человечества. Философ, выдающийся поэт Франции Поль Валери в свое время высказал парадоксальную мысль: «Разум – одно из средств, которое избрала Вселенная, чтобы скорее с собой покончить». Но есть кроме разума чувства, духовность, и пока они полностью не деформированы, пока они существуют, будем надеяться, что не без влияния серьезных книг человечество на планете Земля продлит свое пребывание. Это продление связано с сакральным восприятием к печатному слову, литературе, культуре разных народов. Сегодняшние библиотеки России полупусты, но те кто обращается к серьезной книге, являет собой показатель образованности, особой интеллектуальности, нравственности. Наши предки славяне еще в XI веке говорили: «Кто читает книги, тот общается с Богом». Нам сегодня необходимо как можно чаще разговаривать с Богом.

ТЕРЯЕМ ДЕТЕЙ – ТЕРЯЕМ РОССИЮ

Наша страна переживает трудный период в своей истории. Кризис, охвативший все сферы жизнедеятельности государства, не мог не сказаться на образовании и воспитании учащихся средней и высшей школ. Разнокачественность гимназий, школ, колледжей, лицеев по социальному статусу и учебным программам заставляет задуматься об идеальном заведении и его программе. Нравственные идеалы и педагогические принципы, которыми руководствовались не одно поколение советских людей, не выдержали испытания временем. Где же выход? Выход нам представляется не в огульном отрицании, охивании педагогического наследия, наработанного учеными и практиками среднего и высшего образования советского периода, а в объективном, критически позитивном подходе к этому наследию. Другое направление связано с переосмыслением русской научно-педагогической мысли, которая долгое время по-настоящему не была ни изучена, ни оценена. Критическое переосмысление педагогического наследия России для преобразования настоящего означает возвращение к своим национальным традициям, истокам, к поискам в своей истории тех тенденций, которые бы отвечали нашей ментальности, духу времени. Внутренняя социальная, политическая, просветительская, общекультурная дифференциация образования всегда детерминировалась в России национально-исторической спецификой, с одной стороны, и межнациональными общественными процессами – с другой. Что конкретно нужно взять из духовного наследия России нынешним педагогам, ученым, воспитателям для возрождения средней и высшей школ?

Для России самой важной, основополагающей стержневой основой была духовность. Она воплощала в себе дух нации и отражала помыслы и чаяния русского народа. Духовное начало пронизывало все сферы бытия человека. Неотъемлемыми чертами русского этноса были справедливость, милосердие, доброта, мужество. Прочитав эти строки, читатель подумает, что это, мол, уже было. Да, было! Еще К. Д. Ушинский в свое время даже написал статью, которая своим названием удивляет сегодняшних педагогов-ученых: «О необходимости сделать русские школы русскими». Эта проблема так же актуальна, как и 140 лет назад. Возрождение исконно народных черт, составляющих русскую триаду: духовность, соборность, патриотизм. Речь не идет о том, что в русской школе должны учиться только русские, она открыта для детей любой национальности, но воскрешение русского национального идеала позволит создать условия для развивающегося национального образования. Его фундаментальной основой должна стать духовность каждого ребенка и всей нации в целом.

Решение этих проблем ведет к выявлению общезначимых проблем в области образования, способствует более глубокому пониманию осо-

бенностей его в России. В последнее время в нашей стране ощущается со стороны средств массовой информации, отдельных работников образования одержимость, преклонение перед западными ценностями. Еще Ф. Достоевский в свое время писал о духовном кризисе Европы, о том, что нам нечего взять у Европы в духовном смысле. Народ, воспитанный на рационализме, индивидуализме, верящий лишь в деньги и желудок, не способен создать великие ценности, притягивающие к себе духовно-правственных, здоровых людей. Диалог между поборниками и противниками просветительства в области образования охватил все слои общества, разделив людей (как когда-то) на западников и славянофилов. Нам представляется, что это явление маргинальное, т.е. временное, проявляющееся в сложные моменты жизни страны. Несмотря на прозападную ориентацию в области образования, в России акцидентальный экстремизм радетелей европейской цивилизации не обретет общенациональный масштаб. В философской, педагогической литературе уже слышатся трезвые голоса, аксиологическая ориентация которых не в пользу западных ценностей. Это обнадеживает, ибо великое духовное наследие России еще не востребовано, и его предстоит осмыслить не одному поколению русских людей. Будущее России закладывается в дошкольных учреждениях и младших классах средней школы. О детях младшего возраста, которым предстоит жить в XXI веке, хочу сказать особо. Положение, в котором сегодня в России оказалось народное образование, и особенно дошкольное воспитание, нельзя назвать иначе, как катастрофическим. Правда, при этом возникает вопрос: а какие отрасли народного хозяйства, сферы деятельности в нашем обществе за период «реформ» преуспели? Да простит меня читатель за невежество, но я таких сфер деятельности не знаю, хотя на протяжении всего «перестроечного» периода как гражданин ежедневно через средства массовой информации слежу за процессами, происходящими в стране.

Народное образование является элементом государственной системы, и оно, как в миниатюре, отражает общее положение во всех сферах деятельности, сложившееся в России. А как дело обстоит с дошкольным образованием в Тюменской области? К чести областного отдела образования, его сотрудники делали и делают все, что от них зависит, чтобы сохранить систему дошкольного образования и воспитания. Однако не обошлось без потерь, и весьма существенных.

Из двух тысяч дошкольных учреждений в области свыше пятисот прекратили свое существование (в основном не муниципального, а ведомственного подчинения). И это понятно: идет повсеместное сокращение на предприятиях, сокращается и количество дошкольных учреждений. Последствия этих сокращений – разрушение системы образования и воспитания – уже налицо: сегодня свыше трех миллионов детей юного возраста являются беспризорными, и такая тенденция, судя по всему, будет сохраняться в последующие годы.

Общезвестно, первые годы жизни ребенка являются основными, до семи лет он проходит такой этап в своем развитии, какой не пройдет за последующие, скажем, семь десятков лет. И как важно именно в этот период заложить нравственные основы будущей личности. Для правильного нравственно-эмоционального развития ребенка с самого начала его жизни необходимо влияние не только родителей, но и внимание со стороны окружающих людей и сверстников. Это может дать, при правильной постановке дела, дошкольное учреждение.

Исследования педагогов и психологов показали, что отсутствие целенаправленного воспитания, гуманности по отношению к детям, внимания, ласки, любви приводит к снижению их интеллекта, вызывает необратимые процессы в психике, которые невозможно ничем устранить и которые могут проявиться как асоциальные в подростковом возрасте, когда подросток может стать агрессивным или преступником. Дошкольные учреждения и родители являются главными воспитателями детей младшего возраста. Воспитывать гуманного человека может тот, кто сам воспитан, гуманностью должна быть проникнута атмосфера в детском саду, семье, школе.

О значении образования и, особенно, воспитания детей в раннем возрасте писали многие педагоги и психологи. Мы как-то в последние годы перестали обращаться к своему великому духовному наследию, а все чаще оглядываемся на Запад, искренне думая найти ответы на поставленные сегодняшним смутным временем вопросы. Сошлюсь лишь на Льва Толстого, который отдал дань вопросам школьного образования и имеет педагогические сочинения, опубликованные в 1951-1953 годах: «Разве не тогда я приобрел все то, чем я живу, и приобрел так быстро, что всю оставшуюся жизнь я не приобрел и одной сотой того? От пятилетнего ребенка до меня (72 года) один только шаг».

Одна из задач данной работы – еще раз акцентировать внимание на раннем детстве, определить те факторы, которые влияют на становление личности ребенка. Заложенные в раннем возрасте посредством воспитания поведенческие структуры, стереотипы трудно поддаются изменению во взрослой жизни, ибо, подчеркну еще раз, в раннем возрасте формируется не только характер, но и интеллект.

В настоящее время кризис в образовании ощущается во многих странах мира. Ведутся исследования, поиски оптимальных решений, связанных с местом и содержанием образования в культурном универсуме жизни. Многие ученые занялись разработкой модели будущего человека и, соответственно, технологическим обеспечением ее реализации. Другие ученые полагают, что на нынешнем этапе развития человеческого общества необходимо повернуться в сторону гуманитарных дисциплин, считая такой подход велением времени.

В августе 1998 года прошел Всемирный философский конгресс, который был посвящен образованию и воспитанию. Название конгресса – «Философия образования». Это тоже веление времени. Мне

представляется, что и в России назрела необходимость радикальных изменений форм, методов и содержания образования во всех учебных заведениях всех уровней, особенно дошкольного.

Православная церковь играла (как и другие религиозные конфессии) огромную роль в образовании и воспитании детей. Православная церковь, в отличие от католической или протестантской, не была рассудочной и рациональной, она исключала какое-либо проявление национального высокомерия. Ее духовные отцы давали подрастающему поколению самые важные жизненно необходимые нравственные ориентиры.

Одним из таких ориентиров была Русская идея, не потерявшая своей актуальности и сегодня. Представим ее (условно) в виде системы, состоящей из элементов. Элементами этой системы, пронизывающей все сферы жизни русского человека, были Бог, Дух, Родина, Православие, Душа, Соборность, Совесть, Смелость, Всепрощение, Национальный идеал, Самодержавие, Народность. Все эти понятия присутствуют в русском этносе. Они как этические категории отражают уровень национального самосознания в различные периоды истории Отечества. Приятно сознавать, что в ряде городов России появляются воскресные школы, в которых Божественное откровение пытаются соединить с нравственным долгом перед Родиной.

В любой стране есть свои пророки. Так, американские матери воспитывают своих детей по книгам Б. Спока «Ребенок и уход за ним», «Разговор с матерью». Но, пожалуй, ни в одной стране мира нет такого количества выдающихся мыслителей прошлого и настоящего, великого духовного наследия в разных областях, которое имеет Россия. Это признает весь цивилизованный мир.

Недавно я побывал с группой специалистов по образованию в Германии. Нам читали лекции, водили на предприятия, знакомили с учебными заведениями. В частных беседах хозяева не скрывали своего восхищения русскими педагогами, философами, психологами. Они читают и изучают труды П. Редькина (учитель великого педагога К. Ушинского), П. Каптерева, Б. Ананьева, М. Басова, В. Зеньковско-го, Л. Выгодского, П. Блонского, Н. Пирогова, А. Леонтьева, А. Смирнова, С. Шацкого, Б. Теплова, В. Сухомлинского и других.

К сожалению, многие наши педагоги не только не знают работ соотечественников, но и не слышали о них. Некоторые, прочитав упомянутые фамилии, скажут: «Ну и что? Их труды – это вчерашний день». Однако ни один здравомыслящий человек на Западе не назовет вчерашним днем труды таких мыслителей-педагогов: И. Песталоцци, Я. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, А. Дистервега, З. Фрейда, Э. Фромма, Дт. Марголиса, Дж. Мура, В. Франкла, А. Швейцера, П. Т. де Шардена, Б. Рассела и др. Я часто думаю: почему такое небрежение у нас к нашему духовному наследию, почему мы все время смотрим на Запад в поисках ответа на вопросы, поставленные нашей действительностью?

Давайте будем откровенны. Что принес России очередной альянс нашей страны с Западом за последние десять лет? Какие приоритеты, духовные ценности, нравственные ориентиры мы получили? Даже наше правительство прозападного толка в последнее время вынуждено констатировать, что в духовно-нравственном плане – ничего.

Разве можно назвать духовной ценностью культ жестокости и насилия, заполнивший наши кинотеатры и телевидение низкопробной продукцией? Порнография, лесбиянство, гомосексуализм, жвачка, культ денег (деньги правят миром), дебильный рок и импортный СПИД. Это духовные ценности? На чем строить молодому человеку социальную и жизненную позицию, откуда черпать силы, где ему найти нравственную укрепу? Ее нет. И с этим, похоже, начинают свыкаться педагоги и воспитатели. Правда, не все.

На наших глазах проводится беспрецедентный эксперимент, чудовищное разрушение нравственных традиций (имеющих тысячелетнюю историю), разрушение национального самосознания. У нас отсутствует сегодня привлекательный нравственный идеал, а он предполагает формирование человека с широким общественным кругозором, анализирующего свою деятельность и оценивающего ее результаты с точки зрения задач и целей развития общества в целом.

Ф. М. Достоевский писал, что без идеалов человеку нельзя жить. Не с этим ли связаны, как свидетельствуют исследования суицида, самоубийства людей разных возрастов, количество которых увеличивается с каждым годом. Отсутствие идеалов и идеологии в сегодняшней России пытаются восполнить кришнаиты, католики и другие проповедники, разрушающие основы православия, культуры, духовности, нравственности, присущие нашей стране.

Неужели ничего позитивного нет на Западе? Автор данной статьи так не думает. Нельзя не восхищаться тем, что в Японии и Германии существует культ мальчиков и девочек. В Японии в дошкольных учреждениях с ребяташками занимаются профессора, люди высшего интеллекта, а в Германии более 80 процентов детей от трех до шести лет посещают дошкольные учреждения. В обеих странах существует государственная программа образования, и все учебные программы находятся под контролем государства. А исполнители этой программы – наиболее квалифицированные преподаватели – возводятся пожизненно в ранг чиновника и являются самыми высокооплачиваемыми людьми.

Цель этой статьи не исторические параллели между Западом и Россией. Об этом сегодня очень много пишут и, кстати сказать, в пользу нашей страны. Интересные наблюдения о России сделали в своих книгах два философа: А. Зиновьев, бывший диссидент, живущий на Западе, и Себастьян Джоуба из Австралии, ныне он живет в России.

В заключение приведу слова великого русского философа Ивана Ильина, который при всех перипетиях своей жизни ни разу не отрек-

ся от Родины и до последнего вздоха думал о России: «Помышляя о грядущей России и готовя ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенациональное достояние. Мы не смеем обещать от лица России – никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть верны ей, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблкое и предательское».

Сегодня не хватает нам таких людей, как Иван Ильин. Вот идеал великого борца за Отечество, который не потускнеет при любых поворотах истории России.

ПУБЛИЦИСТИКА

Галина ЧУМУРКИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕСАНТ В НИЖНЕВАРТОВСКЕ

5 сентября 2006 года в Нижневартовск прибыла делегация Союза писателей России в составе: руководителя делегации, первого секретаря СП России поэта Геннадия Иванова (г. Москва); главного редактора журнала «Наш современник», лауреата Государственной премии России, поэта Станислава Юрьевича Куныева и заместителя главного редактора этого же журнала Александра Казинцева; Владимира Середина, переводчика; секретаря Орловского отделения СП России поэта Геннадия Попова; лауреата Большой литературной премии России, поэта Николая Рачкова (С.-Петербург); секретарей Волгоградского отделения СП России поэтов Татьяны Брыксиной и Василия Макеева; заместителя главного редактора газеты «Российский писатель», поэта Бориса Лукина; главного редактора журнала «Всерусский собор» и газеты «Небесный всадник», поэта Владимира Шемшученко; старожилка литературной Сибири, поэта Владимира Топорова, поэта Николая Денисова (Тюмень); народного писателя Саха-Якутии, прозаика Николая Лугинова.

Дни российской литературы в Югре не проводились уже более 30 лет. Теперь возрождены благодаря радению председателю СП России, члена Общественной палаты при Президенте России Валерия Николаевича Ганичева и губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Александра Васильевича Филипенко.

Их ждали. Готовились к приезду, выверяя каждое слово в сценарии, выцарапывая из библиотечных фондов и всемирной паутины каждое, даже самое маленькое упоминание о той или иной персоне, удостоившей нас своим посещением.

Но своим стремительным натиском, уверенностью и количеством прибывших, которое сразу до неузнаваемости изменило конференц-зал библиотеки, превратив его из вполне просторного помещения в тесную комнату, они напомнили мне сентябрьский снег, который каждый северянин теоретически ждет в этот месяц, но он все равно выпадает неожиданно. Впрочем, с погодой гостям повезло – эта единственная неделя бабьего лета пришлась как раз на время их пребывания на Югорской земле.

Поначалу мы робели – все-таки как никак они – гости из столицы и других крупных городов России. Но постепенно, когда первый официоз прошел, эти «важные господа» стали превращаться в обычных людей – общительных, с хорошим чувством юмора и даже, как мне показалось, немного стеснительных в новой обстановке. Главное же

преимущество состояло в том, что они умеют говорить хорошим литературным языком. Пообщаться с ними мы старались, выбрав каждую свободную минутку в их плотном графике работы. Разговоры шли на разные темы: от глобальных – литературе, издательском деле, чтении (что читают и не читают, как относится к книге молодежь), на каких носителях лучше хранить информацию, до обывательских – о северном житье-бытье, о местных достопримечательностях.

Помимо новостей литературных я почерпнула интересные сведения по устройству всевозможных библиотечных мероприятий.

Словом, общение с писателями было настоящим праздником, одно мешало – ограниченность во времени. Гости постоянно торопились и опаздывали, потому что после каждой встречи, презентации, мастер-классов их обступала плотная толпа жаждущих пообщаться. Больших трудов стоило организаторам отрывать своих подопечных от журналов, телекамер и фотоаппаратов публики, усаживать в автобус, чтобы продолжить маршрут.

И для нас, библиотекарей, этот литературный десант – глоток свежего воздуха, такая интеллектуально-энергетическая и эмоциональная встряска. Жаль, общение было коротким. Провожали мы гостей с надеждой, что скоро вновь увидимся на Самотлорской земле.

Фото П.Плюхина

Наталья ЕВСИНА

**ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЯМИ
В НИЖНЕВАРТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Когда я попала на встречу студентов Нижневартовского государственного гуманитарного университета и делегации Союза писателей во время Дней российской литературы в Ханты-Мансийском автономном округе «Богатство земли – богатство души», мне было интересно, как пройдет это массовое свидание двух поколений. Не секрет, что немногие, пусть это даже будущие культурологи или филологи, на своем рабочем столе держат литературный журнал «Наш современник». Да и вообще, думаю, мало кто способен процитировать стихотворные строки современных отечественных поэтов. И все же неподдельный интерес наблюдался.

Станислав Куняев, главный редактор журнала «Наш современник», признал, что всегда с особым трепетом ждет встречи с молодежью: «Люди нашего возраста, знаю, нас поймут. Но нам интересны мечты и чаяния молодого поколения». Его поддержал поэт из Кемерова Борис Бурмистров: «Только в диалоге старшего и юного поколений можно найти истину». Так начался «коллективный отчет», по выражению Куняева, российских поэтов и прозаиков перед молодежной аудиторией Нижневартовска. А отчитывались мастера слова чтением авторских стихов.

В моду снова вошли скоморохи.
Миром правит циничный делец.
Я, наверно, отстал от эпохи
Как от стаи уставший скворец,

– гремел без всякого микрофона петербургский поэт Николай Рачков. С казацким надрывом прочитал свои стихи поэт из Волгограда Василий Макеев. Каждому гостю Станислав Куняев на правах ведущего давал возможность высказаться, а на вопрос: «А сколько читать?» – резонно заметил: «Следите за реакцией публики. Только не зарывайтесь!»

Живое общение всегда плодотворно. Одно дело – самому прочитать книгу, совсем другое – услышать произведение из уст самого автора. От заместителя редактора журнала «Наш современник» Александра Казинцева будто дохнуло атмосферой ушедшей эпохи. Да он и сам начал вспоминать свое детство и юность, наверное, пытаясь такими параллелями стать ближе к нынешнему поколению парней и девушек. Перечисляя авторов, чьи традиции они чтят в своем журнале, – Василия Распутина, Юрия Бондарева, Виктора Астафьева, Евгения Носова. Василия Шукшина, Казинцев даже поддел своих слушателей: «Вы же здесь филологи? Если вам хорошо преподают литературу, то вам эти имена должны быть знакомы!»

Давно известна истина: от того, что и как читает молодежь, зависит будущий интеллектуальный и экономический потенциал общества. Впрочем, во все времена и во всех странах были люди, которые любили читать и которые читать не любили. Так что те, кто с пеной у рта доказывает, что не читает наша молодежь ничего умнее программы телепередач, все-таки находятся в плену стереотипов. Но читающих стоящую литературу всегда было меньшинство. Вот и Куняев попенял, что молодежь нынче увлекается сплошь и рядом Гарри Поттером: «Сужу по своим внукам, которым 25, 20 и 18 лет. Несколько лет назад они сходили с ума от Толкиена, Гарри Поттера... Но я успел еще раньше прочитать им Пушкина, Лермонтова, Есенина. Они забудут Поттера, а классика останется с ними на всю жизнь».

«Ну уж это навряд ли, – подумала я. – ... Всею свое время». Когда-то думали, что невозможно забыть Ломоносова. Снова столкнулся максимализм двух поколений. Но ведь можно с упоением зачитываться и Пушкиным, и украшать свою жизнь приключениями юного мага. Одно другому не мешает. И потом будем справедливы: читатель читает тогда, когда есть что читать. Если, как высказался ответственный секретарь окружной писательской организации Николай Коляев, подрастающее поколение читает романы Джоаны Роллинг с фонариком под одеялом, то это повод задуматься сегодняшним литераторам: «Дети будут читать то, что им интересно. Это закономерно и справедливо. Мы, писатели, должны чувствовать вину перед вами за то, что не дали такую книгу».

И все же несмотря на частые восклицания вроде «Да что они, предки, понимают!», молодежь за советом идет опять-таки к людям, чьи виски уже давно посеребрила седина. Им действительно есть что сказать с высоты прожитых лет, а молодые люди готовы слушать, пусть не всегда и сразу это признают. Непонимание все равно неизбежно: так было, есть и будет всегда. В этом-то и есть вся соль, это-то и побуждает молодежь искать новые доказательства своей правоты, а значит, и развиваться. Скажем, по поводу своего отношения к современному постмодернизму Куняев высказался вполне определенно: «Вот Коэльо – якобы модный писатель. А мне кажется, что он – болтун с нездоровой психикой. Это мое суровое суждение. Быть может, потому что я воспитывался на другой зарубежной литературе». А между тем, кто главные читатели и почитатели Пауло Коэльо. Харуки Мураками? Молодежь, считающая, что не быть в курсе того, что сегодня создается на литературном поприще мира, это попросту отсталость от жизни. Ну да и пусть. Какими бы мотивами ни руководствовался молодой человек, он берет очередную книгу для прочтения, и сам факт того, что он хочет читать, уже неплох. Пусть сегодня он увлекается детективами той же Донцовой, но вполне вероятно, что завтра он потянется к более

серьезной литературе, к классике, в конце концов. Ведь до многих книг, как и до многих вещей, надо дойти, дорасти, дозреть. А несомненный признак всякой хорошей книги – чем человек становится старше, тем больше она ему нравится.

Альбина КУЗЬМИНА

БОРИС ДАВЫДОВ: ПРАВДА О МОЕМ САМОТЛОРЕ

О таких, как Борис Михайлович Давыдов, говорят - легендарная личность. Он осваивал многие месторождения в Западной Сибири, но воспоминания о Самотлоре оставили в его сердце глубокий след. О нем он говорит: «Пришлось с ним «поняничиться», как с малым ребенком». В Нижневартовском УБР-1 Борис Давыдов начал работать буровым мастером, затем инженером-технологом. После передавал опыт работы в Нижневартовском управлении буровых работ № 4. Он умел работать сам и превыше всего поощрял в людях порядочность, умение работать честно и качественно. Эти заповеди он сохранил на всю жизнь, унаследовав их от трудолюбивой крестьянской семьи. Он вспоминает.

– В обществе есть разные люди, если упрощенно говорить, – хорошие и плохие: по характеру, по отношению между собой, по отношению к работе. Не хвалясь, скажу, я родился с генами от родителей, которые всегда относились к труду трепетно.

С раннего детства, а родился я в октябре 1935 года в многодетной семье, делал все: пропалывал грядки, сажил картошку, помогал родителям заготавливать сено, занимался заготовкой дров. Это было и во время войны, тогда мне десяти лет еще не было. Так что привык работать на совесть. А в бурильном деле – качество самое главное.

Слово «качество» за моими бригадами, с которыми мне довелось работать, закрепилось навсегда. Известные герои Самотлора Шакшин, Левин, Петров, Ягофаров работали с одной бригадой десятилетиями. Поручат мне создать бригаду, а потом отвлекут на какую-то срочную аварийную работу. Я был «палочкой-выручалочкой».

Приехал в Западную Сибирь из Башкирии в 1969 году. К этому времени имел за плечами армию, получил высшее образование, приобрел опыт работы. Тогда в Западную Сибирь люди ехали отовсюду, народ валил валом. Прилетел в Сургут, надо до Нефтеюганска долететь, толпа бежит от одного вертолета к другому. Еле добрался. Приняли меня инженером-технологом в Усть-Балыкскую контору бурения. Прикрепили двух молодых инженеров после института. В то время внедрялся магнитный переводник. Уходили от стаканчика с кислотой. Это сейчас техника шагнула очень далеко. Помню, первую скважину забурили. Приходим мы на забой. Я их спрашиваю: – Знаете, ребята? – Знаем. Спуск по меткам. Нас трое, три ленты. Когда спустили инструмент, оказалось, у всех результат разный. Я говорю:

– Спорить не будем. Правильный у меня. Поднимем инструмент, если виноват я, прошу прощения у вахты, что допустил лишнюю рабо-

ту, лишний спуск-подъем. Если вы виноваты, попросите извинения.

Надо признавать свои ошибки. Из таких вроде бы безобидных поступков людей вырабатывалось чувство ответственности за качество работ. Я оказался прав. Вскоре они пустились в самостоятельное плавание. Один из них потом стал работать начальником управления буровых работ. А я с охотой передавал опыт молодым.

Помню, работали в бригаде Сергеева. Надо было поправить угол отклонения, чтобы в заданный круг скважина попала. Если не собьешь, не уменьшишь угол отклонения, то выходишь за круг, и тогда придется перебуривать. Значит, не примут скважину или примут с уменьшением оплаты, как бракованную. Я говорю будущему мастеру:

– Поедем, это проверка твоего мастерства.

Сослался больным. Второй тоже заболел. Я поехал один. Над этой скважиной колдовали и правили ее неделю четыре инженера, технолог, оператор, главный технолог. Бурильщики спрашивают:

– Борис Михайлович, куда вы едете в ночь?

Говорю: – Вот, исправить надо.

– Так, на недельку, наверное.

– Посмотрим.

Через 16 часов встречаемся.

– Что, Борис Михайлович, не получается?

Я говорю: – Все исправил.

Мать-перемать, у нас неделю тянули... Сейчас на этой глубине бурить – раз плюнуть. А тогда было трудно. Но я всегда говорил, если будешь все делать сам и с душой, тогда получится.

Приняли как-то новую скважину призовой 1600 м. С первого июня 1971 года мы начали бурить ее новым составом вахты. Что я предпринял сразу? Все оборудование, инструменты, вагончики, столовые мы за 60 км перевезли. Так экипировались, что ни одного инструмента, ни одной гаечки не потеряли, все сохранили целехонько. И мы за первый месяц набурили 5 тыс. м! Была сделана проходка, которой еще никто в Западной Сибири не достигал!!! Средняя глубина скважины 5030 м, средняя глубина скважины 2650 м, это не то что здесь, как героям доставались на 1700, 1800 метров скважинежки. Филлимонову конечно, такая работа поправилась. Но перед этим в бурении случился неудачный опыт проводки разведочной уникальной скважины 2760 м «на бажен», на нижележащие пласты с ожидаемым пластовым давлением в 420 атмосфер. И вот эту разведку все же нашей бригаде «всучили». И никого не нашли, кроме как нам предложить. Отказываться было неудобно, упросили. Чем пожертвовал? Если бы эту разведку нам не дали, мы бы в передовики вышли. Было обидно. Ведь обогнали почти на 1000 м всех.

В моем понимании бурильщик – ответственная личность, это почти начальник буровой за время ее вахты. Когда нет бурового мастера, бурильщик всем процессом руководит. Почему мы смогли 5 тысяч метров набурить в первый месяц? Во-первых, ответственность всего коллектива, во-вторых, слаженность действий бригады. Я ведь тогда почти жил на буровой, в какие дали нас только не бросали, вплоть до Ныды...

А потом заговорили о новом месторождении. Отовсюду слышалось: Самотлор, Самотлор, Самотлор. И меня потянуло сюда. Получил телеграмму, подписанную Вязовцевым и Хлюпиным: приглашаетесь работать буровым мастером.

Приехал в Нижневартовск в ноябре 1972 года. Здесь тогда было УБР-1 и обустроивалось второе. Принял бригаду.

Самотлор – крепкий орешек! Почти неприступная крепость. Кругом вода. Ох и поломали головы ученые всей страны. Одни настаивали, давайте зальем озеро! Другие предлагали всю Западную Сибирь затопить, чтобы как в Баку с плавучей баржи бурить. Как эксплуатировать? Поначалу решили Самотлор осушать. Прорыли канал, часть воды спустили в реку Вах. Но озеро повсюду соединяется с глубинными водами. Стали делать отсыпки. Когда научились намывать кусты, вот тогда мне и пришлось на Самотлоре поработать! Здесь самый центр залежи называют шапкой. Самое высокое место. Бывает еще, над нефтью газ. Он мешает, но слава богу, его здесь не было. И вот стали на Самотлоре бурить. Нефть пошла!

Больше одной тысячи тонн в сутки добывали с одной скважины. Я помню, 93 куст мы бурили, их там: а, б, в, г, д...

Как-то бурили 39 куст на Самотлоре. Дела в бригаде пошли, порядок наладили, добился, чтобы осложнений никаких не было. Скважину закончили. Но моя принципиальность, которая заключалась в том, что я всех пьяниц из бригады убрал, настоял, чтобы прогульщика уволили, и применял жесткие требования дисциплины, не понравившись техническому инженеру ЦИЦ Усольцеву. Он стал доказывать начальнику УБР-1 Хлюпину, что надо бригаду Давыдова расформировать. Захожу к Валентину Ивановичу Хлюпину.

– Что, бригаду сокращаете?

– Да.

– Зачем меня призвали?

– Усольцев не хочет тебя брать в свою службу.

Я говорю: – Все ясно. Через два дня собираем собрание. Сразу вас предупреждаю: по данным планового отдела вы у меня нигде не найдете вранья. Четыре скважины в работе, и каждая минута бригады на виду. Скажу ребятам, по технико-экономическим показателям коммерческая скорость выше всех, даже включая показатели Левина, проходка – выше всех, зарплата – мы уже приблизились к левинской.

проходка на долото – выше всех. Вы, ребята, лучшие на сегодня, а нас сокращают.

Собрал бригаду. Выказал: – Вы, ребята, молодцы, но оказывается, самые лучшие не нужны.

Хлюпин прислал Усольцева. Ему ничего не оставалось, как признать наши победы.

А тогда Виктор Иванович Муравленко «башку мог оторвать» любому начальнику УБР, если тот сокращает бригаду. Если не нужна, передай в соседний УБР, ведь готовый работоспособный коллектив. И это помогло нам удержаться.

Несмотря ни на какие недопонимания, моя бригада к концу года пришла на вахту с наивысшей проходкой! Левин, он хоть и молодец, но мы его уже в 1973 году в производительности на вахту обогнали! Левина! За 10 месяцев мы набурили 50 тыс.м., это что, плохо что-ли?! Было за кем гнаться!

Конечно, признаюсь, да об этом все наши знают, не всегда все гладко и честно было на производстве. Случалось, кого-то по головке гладили, а кого-то напротив... Бывало, два куста бурится, один по документам числится, а другой нет – отсюда все показатели и пляшут в чью-то пользу. Конечно, я не всегда мог промолчать. Но моя совесть чиста. Всю бригаду приучил так. Кстати, хочу заметить, отношение всех бурильщиков, всех бригад ко мне было очень хорошее, доброжелательное. В случае, если какая-то «дырка» образовалась, просили меня всегда оказать помощь. Однако это опять мне больше ставилось не в заслуги, а в вину.

Трудно ли Самотлор доставался? Если бы я работал только с одной бригадой, никаких трудностей не было бы. Вся трудность в том, что только ты настроишь бригаду на рабочий лад, выведешь из отстающих на второе место, ее тут же забирают. Трудности, с которыми встречались на Самотлоре, мои бригады преодолевали с легкостью. Был такой случай.

Как-то дали нам куст, там несколько бригад поработало, это уже был не куст, а «черт ногу ломает». Технолог УБР-1 Тамара Михайловна Булах говорит: – Все, Борис Михайлович, ты там погибнешь.

Я отвечаю: – Мы этот куст сделаем святым.

Кто только на том кусту не работал. А нам, бах – еще в зиму забуриваться надо. Там было пробурено семь скважин, нам четвертую дают, потом одиннадцатую. А это так: ее бы надо бурить первой в эту сторону, а одиннадцатую в обход всех скважин, и чтобы ни в одну из других не попасть, кроме как сюда. И по времени надо идти с опережением. Ничего, выкрутился. У меня получилось.

Разные случаи были на Самотлоре. Встречался и с неграмотными инженерами. Однажды у соседней бригады в скважине возникла сль-

нейшая вибрация, «зуб на зуб» не попадает. Одни из инженеров ЦИЦ заказал агрегат-смеситель, дескать, зацементируете, тогда трясти не будет. Я-то знаю, отчего вибрация, а он не сообразил. Чтобы зацементировать, надо 40 см как минимум бетонную подушку сделать. Потом эту подушку долбить каким-то образом, чтобы основание вызволить. Вообще-то, по весне, цемент никогда в почве не задержится, всегда «дырку» найдет и уйдет, никакого результата не будет. Я главному механику и энергетику говорю:

– Ну, съездите, отцентрируйте насос и электродвигатель. Получилась небольшая соосность, отсюда вибрация, биение. Отцентрировали – и все, никакой вибрации нет. И так – много моментов. Давыдов, как фильтр, все отфильтрует, сделает. И кому же понравится такой Давыдов, которому до всего есть дело?

Я Самотлору посвятил двадцать восемь лет, из которых пятнадцать работал буровым мастером. За это время освоил нефтяное бурение настолько, что мог с закрытыми глазами знать, где неполадка. Мечтал увидеть будущее Самотлора, каким постоянно грезил.

Чего я хотел? Спокойно показать хорошую работу. У меня была мечта: как на конвейере детали собирают, так и мы должны работать. Мой стиль работы – чтобы у меня в вахте все были взаимозаменяемы. При любой возможности помогали друг другу. Все было поставлено на высший уровень. Я писал даже на буровом укрытии: «Не покормишь вовремя маслом – компрессор гакнет». Надо мной смеялись. А что смеяться, это напоминание каждому человеку – следи вовремя.

Много приходилось рацпредложений внедрять, учить, был наставником беспрестанно. Приходит, допустим, человек из армии, мало того, что у него корочки есть, я за ним хожу, учу по технике безопасности. Поэтому у меня в бригадах никаких аварийных случаев не происходило.

Всегда и везде я выходил с инициативами, а это редко кому нравилось. Земля моя югорская. Земля везде есть земля, с ней надо обращаться как с живым существом. Хоть югорская она, хоть башкирская, хоть куйбышевская, – она живая. Относиться к ней надо, как к родному живому телу. Не портить, не топтать.

Это надо только себе представить! По-первости, когда здесь дорог еще не было, наскоро их сделали, причем очень узкие, а движение транспорта огромное, невообразимые пробки. Бывало, с раннего утра до обеда с трудом могли попасть на Самотлор. Мое предложение на всех совещаниях, было такое: постройте параллельные дороги на сваях, трамвайную или еще какую там. А потом действующие уширьте. Они не скрещивались бы с автомобильными. Ведь из-за того, что плохие дороги, сколько мы ребят положили при дорожно-транспортных авариях. Однако мое предложение не было поддержано.

Или вот. В массовом порядке лес валили. Когда ехали сюда люди впервые, удивлению не было конца, сколько леса гниет. Почему бы не транспортировать его? Сюда железо везут, отсюда пустые вагоны. Собирай этот лес и отвози.

Меня всегда возмущало безответственное отношение к металлолому. Во-первых, заставляли всех собирать металлолом и делать корзины. Я опять ставил вопрос ребром: поставьте здесь электрическую огранку, чтоб сюда привезли, допустим, на какую-то электрическую базу. Вовремя перетопить их в чушки, и они потребовались бы, ими заполняй вагон и спокойно вези. Не надо корзины делать. Из этих чушек готовые поковки. Здесь же, на Самотлоре уральцы нас научили шламовые насосы отливать, много чем еще помогли, они же сильнейшие металлисты.

Далее. Вдоль ЛЭП по ягоды пошел, как минимум, об один провод да споткнешься. Массу вещей мы в болото втапывали. Если бы подойти к проводке скважины как к конвейеру, – почему у меня метр проходки был дешевле всех? Потому что мы добросовестно работали, экономно. Не думайте, что здесь клондайк какой-то. Относитесь по человечески. Владимир Акимович Сериков однажды говорит: в конце концов, нрав Давыдов. Нет электродов, смотрю, Давыдов идет по кусту и электроды собирает. Глядя на него, стыдно их терять. Да, кто-то уронил, а я поднял, положил в сухое место, слесарю отдал. Мое отношение – чтобы как к своему родному имуществу относились. Тогда будут обоснованы и наш экономический рост, и наши зарплаты, и наше благополучие.

Я твердо уверен: здесь надо было коммунистический рай построить! А здесь его можно было построить! Не раздаривая, не разбазаривая богатства страны. И пусть они там, за рубежом смотрят, капиталистический строй или коммунистический выбирать. И не надо никаких революций.

Герой повести, романа, – герой нашего времени. А кто поверит, что у этой легендарной личности, первопроходца Самотлора и Западной Сибири нет ни единой медали?! Как-то меня пригласили на конференцию писателей Союза СССР, которая состоялась в Тюмени. Тогда же была передача «От всей души», проводила вечер заслуженная телеведущая Валентина Леонтьева. Мы в фойе стояли: Левин, Шакшин, Глебов. Левин с орденом «Золотая звезда», у Шакшина чего-то там полно, у Глебова, а моя «грудь» – не то что голая, но ничего на ней нет. Хлюпин, начальник УБР-1, отвел меня в сторонку и спросил: – Борис Михайлович, а почему вы ордена не надели? Я говорю: – Валентин Иванович, видите, какая у меня крутая грудь, как ни цепляешь, они всё скатываются и скатываются.

– Неужели нет наград? – удивленно поднял он брови. Я говорю: – Нету. С моим характером и подходом к делу, не очень-то жалуют.

К награждению представляли. Ордена Трудового Красного Знамени. Ордена Ленина, я его не получал. Есть только медаль «За трудовое отличие». Я не получил даже медали «За освоение недр Западной Сибири». В трудовой книжке имеется запись: награжден нагрудным знаком «Отличник нефтяной промышленности» – с удовольствием бы получил, потому что этот знак сам за себя говорит, что заслуги у меня есть. Оформлены были документы, вписаны в трудовую книжку, через три года узнаю, у меня ничего нет. Сделали вверху галочку и написали, был представлен. Бывает и такое.

Эх, а какие первопроходцы были на Самотлоре! Золотые характеры – о них книгу бы писать и не одну! Каждая человеческая судьба уникальна. Молодец, Мунир Галеев написал, у него смелости больше оказалось. Он у Левина работал. Есть книги, где сказано о Муравленко, Кузоваткине, Филимонове, но это не писательской, а как любительской рукой написано. Это отзывы соратников, чисто производственные данные. Надо так, чтобы собирательный образ был. Такой великой стройки больше никогда не будет!

Вдумайтесь! Единственный случай в Союзе: в одной конторе бурения пять Героев Социалистического Труда! Уважать таких людей надо и помнить! Я знал их, замечательный был человек Ваганов, пусть эти слова прозвучат, здесь сын его, отличный парень, работает сварщиком. Это скромница, трудяга. А Левин! Они никогда не зазнавались, заслуженно носили звезду героя, целиком и полностью оправдывали. Но все герои получили звезду, работая с бригадой долгие годы. У меня за все эти годы, а стаж бурового мастера в общей сложности пятнадцать лет, было десять буровых бригад, – за это не дают. Обидно, но факт.

Ведь такой великой стройки нынешний строй не сделает никогда! Ни одного БАМа у нас больше не будет, ни одного ударного труда в Западной Сибири и на Самотлора не будет! Сейчас только урвать, сорвать, а что оставим потомкам?! Я этот строй не понимаю и не воспринимаю.

То, что я попал в Западную Сибирь, не жалею. Как специалист я состоялся. Для меня вопросов неизвестных в бурении не осталось. Результатами своего труда очень доволен. То, что мешали мне некоторые люди, ну что, может, другим и хуже приходилось. В основном, все у меня сложилось счастливо. В работе. В друзьях. В семье. Любовь к этой земле, к этому краю, наверное помогла. Хороших людей гораздо больше. Если тебя уважают, значит, ты заслужил. То, что я смог и успел вложить в добрые сердца людей, помог им чем-то, это возвращается ко мне. Земля моя Югорская – это лучшая половина моей судьбы!

Мария РАГОЕВА

«ТОР-НАЙ» – ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Богдан Антонов

В муниципальном учреждении «Центр национальных культур» города Нижневартовска более пяти лет действует фольклорный хантыйский театр «Тор-Най», участниками которого стали лучшие представители древних родов Сегельетовых, Калиных, Савиных, Исаевых. И не случайно название театра «Тор-Най» в переводе на русский язык – Огонь-Мать, хранительница и бергиня родов Среднего Приобья.

Он создавался как семейный ансамбль Антоновых по совету мудрой мамы Людмилы Кузьминичны Калиной. Жизнь ее прошла в родовом уголье в таежных лесах

Васюганья, сохранив при этом много самобытных обрядов.

Руководит фольклорным хантыйским театром «Тор-Най» Инна Сергеевна Антонова, которая смогла привить любовь к культуре коренного народа детям других национальных диаспор. Они с интересом приобщаются к традициям тех, с кем доводится жить бок о бок на земле древней Югры.

Фольклорный театр «Тор-Най» нашел свою нишу в культурном пространстве города. Репертуар театра основывается на произведениях писателей нашего города и округа и главным образом, носителей родного языка.

За пять лет выступлений на городских мероприятиях фольклорный театр «Тор-Най» узнали и полюбили нижевартовские зрители. Театр и его участники побывали во многих городах России. Он награжден более сорока дипломами различных фестивалей и конкурсов.

В 2005 году десятилетний солист театра Богдан Антонов на Всероссийском конкурсе «Голоса XXI века» стал его лауреатом. В 2006 году он участвовал во II-ом Международном форуме детских и творческих коллективов в городе Новосибирске и в том же году был приглашен на обучение в московскую музыкальную школу имени Хворостовского.

Коллектив разрабатывает сценарии по возрождению давно забытых национальных хантыйских праздников, таких как, «День Вороны», «Медвежий праздник», «День открытия реки», «День сватовства». Театр – инициатор проведения открытого национального фольклор-

ного фестиваля «Золотой Югорка», который теперь стал традиционным в Нижневартовске. Лучшие коллективы города и района – победители фестиваля награждаются кубком «Золотой Югорка».

В 2006 году театр «Тор-Най» выиграл грант губернатора ХМАО, защитив проект «У хантыйского чувала». В его программе – знакомство учащихся общеобразовательных учреждений города Нижневартовска с древней культурой коренных жителей Югры.

Театр «Тор-Най» пропагандирует фольклор ваховских и васюганских ханты, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе. Создание современных музыкальных произведений песенного искусства осуществляется по двум направлениям: на основе сбора материалов народного творчества и переложением его на музыкальную основу.

Солисты театра «Тор-Най» исполняют коллекционные песни, которые завоевали популярность не только в Ханты-Мансийском автономном округе, но и за его пределами.

У театра большие творческие планы. В настоящее время коллектив репетирует новый национальный спектакль «Вуша вула». На лето запланирована фольклорная экспедиция по Александровскому району Томской области. Идет процесс подготовки к выпуску детских фольклорных песен на электронных носителях. В планах - издание буклетов по рецептам национальной кухни коренных жителей, методические пособия по возрождению творческого процесса.

Впервые в городе на базе Центра национальных культур по предложению и инициативе кандидата культурологии Альбины Кузьминой начала работать фольклорная школа-мастерская. Здесь дети получают азы по орнаментальному и декоративно-прикладному искусству, основанные на легендах и сказках Севера. Проводят занятия Екатерина Николаева и Светлана Хунзи.

Фольклорный театр «Тор-Най» избрал ориентир на популяризацию самобытной культуры. Умение использовать традиционный фольклор, создавать комплекс художественного сочетания с современностью, сохранить неповторимость красоты народной поэзии и национального колорита – вот основные достижения, которыми сегодня можно гордиться.

Ирине Сергеевне Антоновой, руководителю фольклорного хантыйского театра «Тор-Най», присвоено звание лауреата премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Маргарита АНИСИМКОВА

ЗВОНКОГОЛОСАЯ СИБИРЬ

«Звонкоголосая Сибирь» – так называется новая книга члена Союза писателей России Альбины Кузьминой. Хорошо изданная в издательстве «Исеть» города Шадринска, – она плод кропотливого труда автора, где собраны малые формы народной мудрости: частушки, наигрыши, пословицы, заговоры Тобольского района и Ваховского края.

Частушками, самобытными притчами, песнями обогащалась нелегкая жизнь наших предков, про которых говорили: «У него богатства – одна гармошка».

Во многих деревенских домах как сокровище хранили гармошку, не тронутую с тех пор, как ушли на войну отцы. Дети, особенно мальчишки, исполтишка от матери, доставали гармонь и, представляя, как лихо раздвигал меха отец – гармонист, пытались наигрывать, беря в душах людей теплые воспоминания после разлуки с близкими.

Пароходы засвистели,
Уточки закрикали.
Молодых ребят забрали,
Девочки заплакали.

В настоящем сборнике автор обратился к частушкам военных лет, тем незабываемым годам Великой Отечественной войны, когда осиротели деревни и поселки, проводившие на фронт отцов и братьев.

Кабы, я была воробушек,
Слетала б на войну,
Отсекла бы я головушку
Германскому царю.

Страдая и тоскуя, хранили женщины верность любимым. В частушках они выражали страдания и плачи:

Все косите и гребите,
Я одна буду метать.
Все женитесь, выходите,
Я солдата буду ждать.

Пели о нелегкой колхозной жизни, о тяжелых повседневных буднях, что сродни трудовому подвигу. То, о чем невозможно было вы-

сказать вслух, о чем болела душа. Частушка была запевалой, красным флагом надежды, когда уже не было сил работать.

Ой, колхоз, колхоз, колхоз,
Тяжелая работушка.
Хлеба нету, есть охота,
Дай авансом, тетушка.

Все вернули в лучшую жизнь после войны. Неугомонная гармошка, утешительница балалайка и частушка вселяли в сердца радость.

Из Германии бежит
Собака белолопая.
Пишет муж мне, чтобы я
Ни за что не плакала...

Заливисто звала гармошка, собирая девчат и парней на деревенские вечорки во все времена. Частушки грустные ли, тоскливые, задорные или просмелывающие, они сопутствовали и в работе и в судьбе.

Ой, колхоз, колхоз, колхоз,
Маленька займка.
Не пошла бы я в колхоз,
В колхозе – Ягодника.

Не за милого просватали,
Сказали: так и быть,
Выйду в сеночки потопаю,
По-вашему не быть.

Одна только жительница деревни Рынья, которой теперь нет в помине, Александра Петровна Арзамазова-Плаксина напела более трехсот удивительных частушек!

Из колодна вода льется,
Воду лей, да воду лей.
Арзамазова порода
Ох, не любит лодырей.

Надоели нам бараки,
Надоели коечки,
Еще пуще надоели
Рыбозаготовочки.

Эти жемчужины народной мудрости – богатство души! Пройдет еще десятка два лет, и вытеснятся из памяти эти удивительные деревенские плачи, если их не оставят в памяти такие книги.

В книге «Звонкоголосая Сибирь» Альбина Кузьмина помимо частушек обратилась к жанру, мало встречающемуся в литературе: заговорам и остяцким молитвам. В них заложены тайны, изящество мысли, мистическое состояние души.

Заговор для сна:

«Как маковая головка под тобой не шевелится, так твоя головка крепким сном пусть наслаждается, сладкий сон хранит». Положить сорванную головку мака под подушку ребенку с этими словами. Он уснет.

Заговор на удачу в охоте:

«Хлеба горбушка, соль-солянушка скажите па ушко; уголь древесный, страх мой небесный, жив ли, здоров ли мой дружка?».

Горбушка хлеба, соль и уголь древесный раскладываются на три стороны. Спичками зажигается береста и подносится поочередно к сторонам, читается заговор. Куда повернется береста, оттуда жди вестей: хлеб – к удачной охоте, соль – заблудился в дороге, уголь – плохая весть.

Молитвы – совершенно забытые в современной хантыйской литературе. Они одухотворяют человека вдохновением. Охраняемые строгой тайной, считалось грехом произносить их при чужом человеке. Их произносили шепотом. Передавали по наследству от отца к сыну, от матери к дочери. Автору удалось услышать священные обряды от носителей этих тайн, записать приблизительный перевод на русский язык.

Молитва от гнева:

«Бог мой, Торум! Всё в твоих силах! Помогни мне, чтобы любой гнев не отнял у меня разума».

Молитва к Духу Огня:

«Добрый Дух Огня! Мой священный Дух Огня! Не обижал я тебя, но обижали другие. Позволь мне прикоснуться к священной ткани твоей. Позволь пожелать тебе вечной жизни в сердце моем. Может, тогда я буду счастливым, когда сохранию тебя, Дух Огня».

И сейчас еще при сохранении традиционных промыслов: охоты, рыбалки, сбора ягод, орехов, пока не совершит человек священный обряд, не подаст поклона земле, не попросит у божественных духов – удачи не жди.

Интересен в книге сюжет рассказа жительницы деревни Корлики Нижневартовского района Екатерины Николаевны Купиной: личная «Песня судьбы», но ее мы оставим для знакомства и раздумий нашим читателям, как образец народной хантыйской мудрости.

Искренне радуется появлению новой книги Альбины Кузьминой «Звонкоголосая Сибирь», раскрывающей почти забытую самобытную культуру народа.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

В этом номере представляем вам художников, которые в своих работах воспели подвиг первопроходцев нашего города.

Библиографическую справку предоставил заведующий научно-экспозиционным отделом нижеварговского городского музея им. Т.Д. Шуваева А.Н.Захаров.

Анатолий ТРОЯНСКИЙ

Родился в 1936 г. в г. Запорожье в семье служащих.

Становление Анатолия Александровича как художника началось с Дворца пионеров, где он посещал кружок изобразительного искусства. Затем в 14 лет он поступил в общеобразовательную художественную школу-интернат г. Киева, в дальнейшем он продолжил свое обучение в Ленинградской академии художеств им. Репина, факультет станковой живописи в классе заслуженного художника РСФСР И. Д. Серебряного. После окончания академии работал в Донецком художественном фонде, участвовал в республиканских и союзных художественных выставках, его работы экспонировались в Тюмени, Свердловске, в Москве.

За годы жизни в Нижневартовске Анатолий Александрович создал много интересных работ, в образной форме раскрывал различные стороны труда и историю края. С таким восторгом он говорил: «Где еще можно увидеть сиреневый и розовый снег, где такие блики на небе, а болото – это же целая гармония красоты!» А.А. Троянский изучал исторический и краеведческий материал. Хочу отметить, что он с большой теплотой и любовью относился к ханты и считал, что жизнь в национальных поселках трагична и экстремальна. Только внутренний стержень и их единение с природой помогает этому народу выжить. Кисть Анатолия делала прекрасные портреты этих людей. Человечность, мягкость, доброжелательность к изображаемым ощущается во всех портретах Троянского и являются их индивидуальной особенностью.

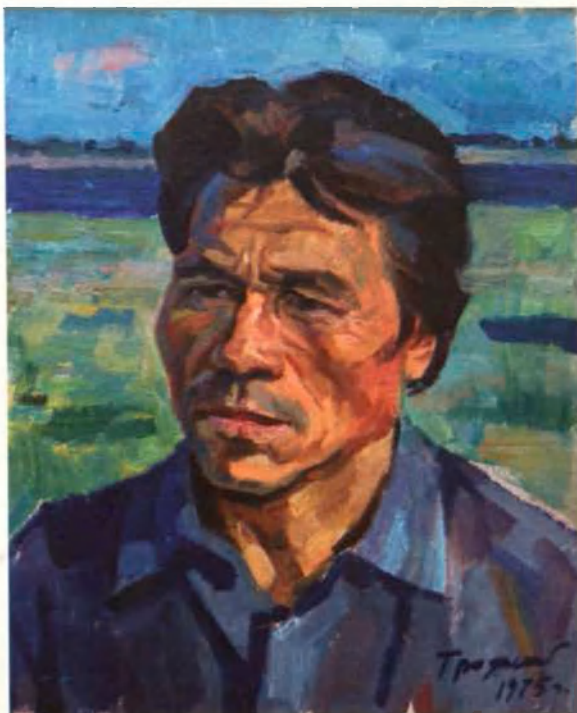
Троянский считал своей обязанностью художника оставить будущему поколению материал в портретах людей первопроходцев и результат их труда. В апреле 1989 года Троянский А.А. безвременно ушел из жизни. Похоронен на нижевартовском кладбище.

Школа №6,
85x62, х., м.
1973 г.

Труженица
50x35, к., м.
1976 г.

Костя-бригадир,
42,5x35, к., м.
1976 г.

Лицо рыбака,
43x35, к., м.
1975 г.

Синюткин Модест Федорович, главный геолог МНРЭ
54x90, к., м.
1978 г.

Дары леса
90x100, х., м.
1975 г.

Причал рыбзавода
30x40, акварель.
1979 г.

Карьер
30x40, линогравюра.
1966 г.

Кузнецов Игорь Дмитриевич

Родился в 1939 г. в селе Пинигино Топкинского района Кемеровской области.

В 1965 г. окончил Омский пединститут, работал в г. Тара Омской области. С сентября 1966 г. работал художником-оформителем в Нижневартовской телестудии, именно в этот период произошло становление Игоря Дмитриевича как художника. В это время появились такие работы, как «Аган», «Сартъеган» и многие другие, экспонировавшиеся в Москве, ГДР и на многих других выставках.

Тесная взаимосвязь с природой, общение с людьми, покорявшими суровый северный край – все это находило отражение в его работах. Кто как ни художник, увлеченный и страстно влюбленный в природу, видит всю техногенную мощь государства, его пресс и агрессию против природы. Поэтому многие работы, особенно запечатлевшие многострадальное озеро Самотлор, носят оттенок публицистики и говорят о гражданской позиции автора.

После 9 лет работы в Нижневартовской телестудии художник становится преподавателем отделения изобразительного искусства 1 школы искусств, где и проработал до последнего дня на протяжении 23 лет.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ

июнь 2006 года

Выступление поэтов городского литературного объединения «Замысел» на фестивале искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи».

5 сентября 2006 года

Дни российской литературы в ХМАО. Приезд и встреча гостей в Нижневартовске. В ходе праздничной встречи российских писателей в городской центральной библиотеке прошла презентация пятого литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора». Во Дворце искусств состоялся торжественный праздник «Богатство Сибири – богатство России».

6 сентября 2006 года

Мастер-класс для поэтов и прозаиков города и района проводят российские писатели в Детской школе искусств №1.

октябрь 2006 года

Обсуждение итогов встречи десанта российских писателей в городах Нижневартовске Мегионе, Лангепасе, поселке Излучинск.

Участие членов литературного объединения «Замысел» в альманахе «НЛО» г.Новомосковска Тульской области.

Публикация на страницах окружной газеты «Новости Югры» и окружном альманахе «Эрпнтур» материалов о литераторах объединения «Замысел» г. Нижневартовска.

Участие в окружном литературном семинаре в г.Ханты-Мансийске. Принят в Союз писателей России Владимир Андреев.

январь – июнь 2007 года

Ежемесячные заседания по разбору литературных работ членов литературного объединения «Замысел».

Участие в мероприятиях, проводимых православной гимназией и в конкурсах к Рождеству Христову и Пасхе.

Открытый литературный час, посвященный 35-летию города Нижневартовска в городской центральной библиотеке.

Участие в работе жюри регионального литературного конкурса «ЛИТЕРА» студентов Южно-Уральского государственного университета.

Встреча поэтессы Г. Кузнецовой с читателями в районной библиотеке поселка Излучинск.

За работу в жюри традиционного конкурса акции «Русская весна» А. Кузьмина и В. Акимов награждены муниципальным учреждением «Кинотеатр «Мир» г. Нижневартовска благодарностями.

Участие в празднике, посвященном Всемирному Дню книги в нижневартовском Доме книги.

Участие в празднике работников библиотек г. Нижневартовска, посвященном Общероссийскому Дню библиотек в Детской школе искусств №1.

Презентация сборника стихов «Родная сторона» Г. Кузнецовой, изданного муниципальным учреждением «Библиотечно-информационная система».

Участие литераторов в фестивале «Самотлорские ночи».

Выход в свет нового литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора» №6.

Чествование юбиляров: членов СП России В. Андреева и В. Козлова.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
БЛАГОДАРИТ СПОНСОРОВ В ИЗДАНИИ
ПРЕДЫДУЩИХ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА:**

АНДРЕЕВУ Наталью Николаевну

– генерального директора научно-исследовательского института
ОАО «НижневартовскНИПИнефть»

ПЫСЕНКА Владимира Григорьевича

– генерального директора ОАО «Нижневартовскавиа»

КЛЯПОВА Владимира Яковлевича

– генерального директора пассажирского автотранспортного пред-
приятия ПАТП-2

ТАНКЕЕВА Вячеслава Михайловича

– председателя Западно-Сибирской ассоциации строителей

ЭЛЛАХА Хусейна Хасановича

– председателя правления финансово-промышленной корпорации
«Мехк-СИ»

ЛОПАТИНА Константина Ивановича

– генерального директора «СибНИПИ РП»

СЕМЕНОВУ Людмилу Григорьевну

– председателя правления ЗАО НГАБ «Ермак»

АГНАЕВА Казбека Изатовича

– президента ОАО МПК «Аганнефтегазгеология»

ЕЛИНА Алексея Михайловича

– генерального директора ООО «Горэлектросеть»

ЗОРИ САМОТЛОРА №6

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Подписано в печать 01.06.2007 г.
Формат 42х62/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Усл. печ. 9,12.
Тираж 350 экз.

Фото и дизайн Альберта Вахитова

Верстка и печать ЗАО «Редакция газеты «Нефтяник».
Тюменская обл., ХМАО-Югра
628606, г. Нижневартовск, пр. Победы, 16.

